

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. ВІСНІК 375 ВИПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

**ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ**

XXV

СЕРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ



ТАРТУ 1975

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIHK 375 ВПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

**ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ
XXV
СЕРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ**

ТАРТУ 1975

Редакционная коллегия:

Э. Вайгла, Е. Гурьева, Х. Пак, П. Сигалов, С. Смирнов (отв. редактор)

По техническим причинам произведены следующие замены старославянских букв:

Ѹ - У

Ѩ - Ю

А - А

Ѧ - Я

Ѣ - Е

Ѫ - Я

Ѕ - Ѕ

Ѡ - Ѡ

Ѣ - Ѣ

Ѧ - Ѧ

і - і

Ѩ - Ѩ

Ѫ - Ѫ

Ѯ - Ѯ

*Светлой памяти
Музы Дмитриевны Лесник,
доцента кафедры русского
языка Ленинградского госу-
дарственного университета им.
А. А. Жданова*

ОБ УПРАВЛЕНИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Л. Л. Буланин

Проблема синтаксических связей слов всегда оставалась одной из центральных в теоретической грамматике. В настоящее время она предстает в значительно более усложненном виде в связи с попытками (терминологическими и по существу дела) дифференцировать и дополнить традиционную триаду — согласование, управление, примыкание, в связи со строгим разделением явлений, относящихся к словосочетанию, с одной стороны, и к предложению, с другой стороны, а также в связи с все более дающей себя знать тенденцией к семантизации синтаксиса.

Проблема синтаксических связей всегда вызывала длительные теоретические дискуссии. Нельзя не считать знаменательным факт почти одновременного появления двух весьма авторитетных исследований, отстаивающих диаметрально противоположные воззрения. Мы имеем в виду «Грамматику современного русского литературного языка», М., 1970 и монографию Е. С. Скобликовой «Согласование и управление в русском языке», М., 1971, в которой приведена и рассмотрена богатейшая литература вопроса.

От редакции. Доцент Ленинградского государственного университета Муза Дмитриевна Лесник (1915—1970) в течение ряда последних лет была академически и творчески связана с Тартуским университетом. Она читала курсы старославянского и современного русского языка, спецкурс «Части речи» на заочном отделении, была научным руководителем преподавателей кафедры русского языка ТГУ Е. И. Гурьевой и П. С. Сигалова. Муза Дмитриевна была замечательным преподавателем, слушавшие ее лекции всегда с благодарностью ее вспоминают. Научные интересы М. Д. Лесник в последние годы лежали в области синтаксических связей, чему был посвящен ряд ее статей, опубликованных в «Ученых записках» Тартуского университета. Это должны были быть части ее будущей докторской диссертации, к сожалению, оставшейся незаконченной. Анализ концепции синтаксических связей, выдвигаемой М. Д. Лесник, посвящена статья Л. Л. Буланина, которая публикуется в настоящем сборнике.

Муза Дмитриевна была не только хорошим лектором и интересным ученым. Она была удивительно искренним, добрым и благожелательным человеком, и это сочеталось в ней с честностью и принципиальностью. Светлой памяти Музы Дмитриевны Лесник — как дань уважения и признательности — посвящает этот сборник кафедра русского языка Тартуского государственного университета.

В данной статье мы остановимся на некоторых вопросах управления — наиболее сложного типа синтаксической связи. Во избежание недоразумений сразу же однозначно определим свою позицию по основным пунктам теории управления.

а) Явления, относящиеся к области словосочетания и к области предложения, требуют строгого разграничения, которое хотя и затруднительно в ряде случаев, но в целом вполне достижимо. Хорошим примером может служить «Грамматика — 1970», где указанное разграничение, проведенное, правда, не вполне последовательно, выступает как один из основных принципов построения системы синтаксиса.

б) Словосочетание строится на основе подчинительных связей — согласования, управления, примыкания. Характерными, специфическими для предложения (специфическими потому, что их не может быть в словосочетании) являются предикативные, полупредикативные, сочинительные, пояснительные и некоторые другие синтаксические отношения. Они реализуются в специфически предложенческих типах связи, таких, как координация, тяготение, присоединение, соотношение,¹ интродуктивная связь² и др.

в) Согласование, управление и примыкание характерны только для словосочетания.³ Сходные с ними по своим формальным средствам типы связи слов в предложении представляют собой аналоги словосочетательных типов связи.⁴ Например, предложно-падежная форма, образующая детерминант, не может рассматриваться как управляемая: *в городе его никто не знал* (детерминант *в городе*).

г) Из двух основных подходов к управлению — управление в широком смысле и в узком⁵ — мы решительно предпочитаем второй и усматриваем управление только в том случае, когда появление предложной или падежной формы существительного обусловлено семантикой господствующего слова. Узкое понимание управления требует разграничения управления (*идти в лес*) и однотипного по внешнему оформлению падежного примыкания (*идти с портфелем*).⁶

¹ А. Г. Руднев, Синтаксис русского языка, М., 1963, стр. 205.

² А. М. Мухин, Структура предложений и их модели, Л., «Наука», 1968, стр. 87.

³ Несущественно, рассматривается ли словосочетание само по себе или как компонент в составе предложения.

⁴ Грамматика современного русского литературного языка, М., «Наука», 1970, стр. 633.

⁵ Е. С. Скобликова, Согласование и управление в русском языке, М., «Просвещение», 1971, стр. 7—30. Там же см. обзор литературы вопроса.

⁶ Термин «падежное примыкание», введенный М. Д. Лесник (см. М. Д. Лесник. К вопросу о приглагольном управлении в современном русском литературном языке. В сб.: К вопросу управления, Рига, 1957), мы предпочитаем термину «именное примыкание», употребляемому в «Грамматике — 1970».

д) Разделение управления на сильное и слабое мы считаем полезным и в принципе осуществимым.

* *
*

Рассмотрим более подробно некоторые аспекты управления.

1. В связи с разграничением узкого и широкого понимания управления Е. С. Скобликова обратила внимание на то, что узкое понимание нарушает стройность классификации типов синтаксической связи.⁷ В этом вопросе необходимо разобраться более тщательно.

Традиционная система трех типов подчинительной связи сложилась еще в прошлом веке, а окончательное терминологическое оформление получила после введения Пешковским термина «примыкание». Можно смело сказать, что в современном синтаксисе эта система переживает серьезный кризис; ее позиции остаются прочными лишь в учебной литературе. Традиционное определение типов синтаксической связи уже несло в себе логический дефект, ибо связи характеризовались не на основе единого принципа. В самом деле, согласование, управление и примыкание характеризовались по форме зависимого слова: согласование выражается формой атрибутивного прилагательного, в котором повторяются, воспроизводятся грамматические категории господствующего субстантива; управление выражается формой косвенного падежа существительного с предлогом или без предлога; примыкание выражается формами грамматических разрядов слов, лишенных словоизменительной парадигмы. Иначе можно сказать, что форма зависимого слова определяет тип синтаксической связи. Однако в традиционной характеристике управление выделялось особо, ибо получало дополнительную — семантическую — квалификацию: форма управляемого имени признавалась зависящей от семантики господствующего слова. Возьмем, к примеру, одно из первых определений: «Управлением называется требуемое каким-нибудь словом употребление известного падежа в другом слове, от него зависящем».⁸ Таким образом, управление определялось с двух сторон — формальной и семантической, тогда как согласование и примыкание определялись лишь по формальному признаку.

Нетрудно заметить, что формальная и семантическая сторона управления не вполне соответствуют друг другу. В самом деле, далеко не все формы косвенных падежей могли считаться обусловленными содержанием господствующего слова. Противоречивость двойственной характеристики управления может

⁷ Е. С. Скобликова, ук. соч., стр. 22.

⁸ А. Х. Востоков, Русская грамматика, изд. 10, СПб., 1859, стр. 163.

быть устранена двумя путями. Во-первых, можно отказаться от семантической обусловленности управления и устанавливать его только на основе формального признака, т. е. по наличию косвенного падежа имени. Это и есть широкое понимание управления. Управление в этом случае оказывается явлением, однородным с согласованием и примыканием, которые определяются лишь на формальной основе. Во-вторых, можно, наоборот, придать больший вес семантическому фактору и считать управляемыми только семантически обусловленные падежные формы. Это и есть узкое понимание управления.

Широкое понимание управления кажется более строгим и логичным, ибо оно обеспечивает управлению однородность с другими типами связи. Возникает, однако, вопрос: правомерно ли само требование однородности типов синтаксической связи, должны ли они стоять в одном ряду, не противоречит ли это их объективной природе?

Принципиальная особенность согласования состоит в том, что оно не может быть обусловлено лексическим значением господствующего слова. В согласовании обнаруживается синтаксическая подчиненность определения определяемому субстантиву. Согласование формально и в этом смысле асеманлично (конечно, имеется в виду лексическая, а не грамматическая семантика). Принципиальная особенность управления, независимо от широкого или узкого истолкования, заключается в том, что для управляемой формы невозможно исключить обусловленность, подчиненность лексическому значению другого слова: если какая-то часть форм в тексте управляется (в данном случае имеем в виду широкое понимание управления) независимо от значения господствующего слова, то другая часть форм будет обусловлена им. Нереальной для русского языка является такая ситуация, когда в тексте отсутствуют семантически обусловленные падежные формы (предполагается, естественно, не минимальный размер текста). Следовательно, именно в управлении и только в управлении может проявиться влияние лексического значения слова на форму подчиненного слова.

Сравнив согласование и управление, мы обнаружили их фундаментальную разнородность в плане семантической обусловленности: согласование принципиально асеманлично, тогда как управление принципиально не может быть асеманлично. (В связи с столь разительным несходством двух типов синтаксической связи можно не подвергать анализу особенности примыкания. Полученные результаты уже достаточны для вывода.) Таким образом, однородность типов синтаксической связи (при условии широкого понимания управления), их подчиненность единому классификационному принципу оказываются иллюзорными.

Представляется, что поправка на семантику, вносимая благодаря узкому пониманию управления, имеет не меньше прав участвовать в классификации типов связи, чем исключение семантического фактора. Попытаемся определить типы связи на основе не одного, а двух признаков — формального и содержательного. Тогда краткие определения (они, разумеется, носят предварительный характер) примут следующий вид. При согласовании форма зависимого прилагательного не определяется лексическим значением (определяется грамматическими свойствами существительного). При управлении падежная форма зависимого существительного обуславливается лексическим значением господствующего слова. При примыкании форма зависимого слова не обусловлена ни лексическим, ни грамматическим значением господствующего.⁹

2. От общего сопоставления широкого и узкого понимания управления на фоне других синтаксических связей обратимся к сопоставлению более частных моментов в этих концепциях.

В советском языкознании решительным сторонником широкого понимания управления выступает Е. С. Скобликова. Ее монография, богатая тонкими, интересными наблюдениями и насыщенная убедительным материалом, является прекрасным примером объективной и доброжелательной полемики с другими точками зрения. Несмотря на это, мы в ряде пунктов позволим себе не согласиться с Е. С. Скобликовой.

Е. С. Скобликова представляет согласование, управление и примыкание как приемы, способы включения грамматических форм слов в синтаксическую структуру связной речи. В частности, существительные могут быть «введены в словосочетание и предложение только посредством постановки их в определенном падеже с предлогом и без предлога. Этот способ формального включения слов в синтаксические построения и получил в традиционной лингвистике название управления».¹⁰ Трактовка управления как синтаксического приема, способа выражения синтаксических отношений не нова. Она восходит к И. И. Мещанинову.¹¹ Однако принципиальная особенность позиции Е. С. Скобликовой состоит в том, что под понятие управления могут быть подведены также и формы именительного падежа. По ее мнению, «в систему падежных противопоставлений в такой же мере, как все остальные падежи с предлогами и без предлогов, втянут именительный падеж. И если оценивать управление как субстантивно-падежный способ выражения разных соотношений с предметом, то неправомерно исключать именительный па-

⁹ Приведенные краткие определения можно преобразовать в более развернутые, это никак не отразится на их синтаксическом содержании.

¹⁰ Е. С. Скобликова, ук. соч., стр. 24.

¹¹ И. И. Мещанинов, Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945, глава первая.

деж из числа «управляемых» форм». ¹² Естественно, при этом «традиционное широкое понимание управления не только не нуждается в сужении, но, думается, требует даже известного расширения». ¹³

Управление в трактовке Е. С. Скобликовой становится столь широким понятием, что практически теряет всякие четкие границы. В частности, трудно представить аргументы против того, чтобы считать управляемыми именительный падеж обращения или падежную форму существительного в вводной позиции (типа *к несчастью*). Несомненно, столь широкое понимание управления не может противостоять его узкой трактовке. Эти две концепции просто несопоставимы. Их объединяет лишь использование привычного синтаксического термина «управление», который становится в известной мере метафорой в концепции «широкого управления» и особенно в том ее варианте, который предложен Е. С. Скобликовой. Ставить вопрос о преимуществах одной концепции перед другой, о правильности или неправильности какой-либо из них нет оснований. Они находятся в отношении дополнительности друг к другу, акцентируя внимание на разных сторонах одного явления — синтаксиса падежных форм существительного.

Однако в более конкретных вопросах (в частности, если оставить в стороне «управляемые» формы именительного падежа) широкая и узкая трактовка управления допускают сопоставление. Остановимся на двух моментах, затронутых Е. С. Скобликовой.

Во-первых, представляет интерес вопрос о функциях управления, которые рассматриваются в сравнении с функциями согласования и примыкания. Установить функции управления можно путем выяснения роли управляемых форм в построении предложений и словосочетаний. ¹⁴ Вывод автора («на фоне согласования и примыкания управление выступает как такой способ синтаксической организации слов, специфическую функцию которого составляет грамматически обобщенное выражение различных соотношений с предметом» ¹⁵) не вызывает возражений. Действительно, сопоставление конструкций с управлением (*росли у реки, за рекой, под обрывом, на острове*) и с примыканием (*росли внизу*) показывает, что примыкающие формы передают обстоятельственные отношения более абстрактно, а управляемые формы — более конкретно за счет указания на соотношение с определенным предметом. ¹⁶ Е. С. Скобликова не сопоставляет конструкций типа *смотрит нежно — смотрит с*

¹² Е. С. Скобликова, ук. соч., стр. 75.

¹³ Там же, стр. 75.

¹⁴ Там же, стр. 30.

¹⁵ Там же, стр. 32.

¹⁶ Там же, стр. 31.

нежностью (во втором примере, с нашей точки зрения, не управление, а падежное примыкание). В целом к ним применимо все, что было сказано выше о соотношении примыкающих и управляемых форм. Правда, предметность во втором примере дает себя знать скорее в возможности существительного иметь определение (ср. *смотрит с затаенной нежностью*), чем в семантике слова *нежность*, которое не обозначает конкретный материальный предмет. Поэтому обстоятельственные отношения в последней паре примеров передаются более сходно, чем в конструкциях со словом *росли*.

Думается, что функция управления, как ее понимает Е. С. Скобликова, всецело объясняется особенностями категориальной семантики имени существительного. Свойственное существительному значение предметности по своей природе более конкретно, чем значение признака у прилагательных и значение признака признака у наречия. (Это справедливо даже для существительных абстрактной семантики типа *нежность*.) Анализируя функции управления, Е. С. Скобликова не заостряет внимания на самом факте синтаксической зависимости, управляемых форм от господствующего слова. Степень этой зависимости может быть большей или меньшей, и есть все основания полагать, что функция управления в каждом конкретном случае небезразлична к степени этой зависимости. В частности, в случае сильного управления типа *ухаживать за больным* функция управления заключается в создании минимального микроконтекста, восполняющего коммуникативную недостаточность глагола *ухаживать* и обеспечивающего его функционирование.

Во-вторых, очень интересны и существенны для концепции «узкого» управления-соображения Е. С. Скобликовой по вопросу о роли лексического фактора в управлении. Представляется, что автор обоснованно подвергает сомнению факт непосредственной обусловленности формы зависимого слова семантикой господствующего. Влияние лексического значения господствующего слова проявляется в том, что оно способно предопределить возможный или необходимый характер соотношения какого-либо явления с предметом.¹⁷ Рассматривая примеры *режу хлеб и отдаю хлеб*, Е. С. Скобликова резонно отмечает, что различие лексических значений управляющих глаголов не отражается на форме зависимого имени, так как отношение действия и его главного, прямого объекта грамматически обобщаются в русском языке обычно в форме винительного падежа без предлога независимо от конкретного лексического значения глагола.¹⁸

Теоретически индивидуальное лексическое значение господствующего слова может отражаться на форме зависимого.

¹⁷ Е. С. Скобликова, ук. соч., стр. 49.

¹⁸ Там же.

В этом случае каждое отдельное значение может требовать своего особого синтаксического оформления. Практически, однако, этого не наблюдается. Дело не только в том, что количество форм косвенных падежей существительных ничтожно мало по сравнению с безграничным разнообразием лексических значений потенциальных господствующих слов. Существенно, что семантико-синтаксические отношения, отражающие реальную действительность, также в высокой степени типизированы и сводятся к весьма ограниченному набору.

При более тщательном анализе значений глаголов *резать* и *отдавать* можно заметить, что в их семантике есть не только различное, но и общее. Это общее заключается в указании на объектную направленность действия. С ним связано одно из типовых семантико-синтаксических отношений. Именно общее в значении двух глаголов и обуславливает их одинаковое управление. Таким образом, можно в конечном счете установить зависимость падежной формы от какого-то компонента лексического значения господствующего слова. Разумеется, эта зависимость носит сложный характер, ни в коем случае не вскрываемый традиционным определением управления в его узком понимании.

3. В становлении концепции «узкого» управления большую роль сыграло ясное осознание необходимости привести в соответствие определение управления и круг подводимых под управление фактов. Одним из первых исследований на эту тему была обширная статья М. Д. Лесник (см. сноску 6). Выводы из этой работы сводятся к следующему.

а) Управление представляет собою такую и только такую синтаксическую связь, при которой падежная форма зависимого существительного обусловлена теми или иными семантическими свойствами господствующего слова.

б) Выделение и разграничение двух степеней падежной зависимости в порядке управления — сильного управления и слабого управления — оправдано языковым материалом и потому целесообразно.¹⁹

в) От управления следует отличать однотипный по внешнему оформлению особый вид синтаксической связи — падежное примыкание. В случае падежного примыкания зависимая падежная форма обусловлена не семантикой господствующего слова, а присущим ей (форме) значением — объектным, обстоятельным, определительным и т. д., которое устанавливается коммуникативными задачами каждого данного высказывания, напр.: *уехать без обеда, жить в роскоши, слушать с восторгом, приехать пятого февраля.*

¹⁹ Этот вывод направлен против «Грамматики русского языка» 1954 г., весьма скептически оценившей слабое управление и возможность его выделения (см. т. 2, ч. 1, стр. 27).

г) От управления и от падежного примыкания следует отличать такое употребление падежных и предложно-падежных форм, при котором эти формы не зависят от какого-либо слова в предложении, а относятся к предложению в целом, напр.: *По случаю волнения на море пароход пришел с запозданием.* (В 1964 году Н. Ю. Шведова предложила для таких самостоятельных распространителей предложения термин «детерминанты», быстро завоевавший большую популярность.)

Для узкого понимания управления очень существенно правильное понимание сущности и границ слабого управления. Как известно, понятие сильного и слабого управления введено Пешковским. Под слабым управлением Пешковский понимал такую зависимость, при которой между господствующим словом и падежной формой нет необходимой связи. Пешковский иллюстрирует слабое управление примером *умер 22 февраля.*²⁰ При всей плодотворности разграничения двух типов управления конкретное решение этой задачи у Пешковского оставляет желать лучшего, ибо он преимущественно относит к слабому управлению то, что мы вообще выводим за пределы управления. При узком понимании управления слабое управление также должно отвечать общему принципу семантической обусловленности зависимой падежной формы. Много ценного внесено в решение этого вопроса работами М. Д. Лесник.

Слабое управление, по М. Д. Лесник, характеризуется двумя признаками: а) лексическое значение глагола²¹ указывает на необходимость уточнения, раскрытия его содержания, но допускает множественность управляемых форм. Типичными в этом плане являются локальные уточнители при глаголах движения и местонахождения: *идти в лес, из леса, к дому, по улице; таиться во тьме, под крышей, за закрытой дверью*; б) потенциально заложенная в глаголе возможность управления формой определенного косвенного падежа имеет факультативную реализацию: *резать хлеб (ножом), споткнуться (о порог), корчить кого-нибудь (с ложечки).*²²

Проблема слабого управления ни в коем случае не может считаться решенной. (В этом убеждает и довольно детальное описание слабого управления в «Грамматике — 1970».) Однако принципы установления слабого управления, выдвинутые в работах М. Д. Лесник, представляются надежными. Эти принципы заключаются в анализе отражения семантики глагола в его синтаксическом окружении. «Если можно будет доказать, опи-

²⁰ А. М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*, изд. 6, М., 1938, стр. 269.

²¹ В работах М. Д. Лесник рассматриваются только проблемы глагольного управления.

²² М. Д. Лесник, *Один из вариантов слабого управления*, — «Русский язык в школе», 1966, № 5, стр. 89.

раясь на факты языка, а не на собственную интуицию, что определенные формы имени характерны для раскрытия семантического содержания именно этого глагола (при потенциальной, необязательной сочетаемости), то вопрос о существовании грамматических признаков слабого управления будет принципиально разрешен».²³ Если будут установлены потенциальные модели сочетания глагола с данными падежными формами, то это можно расценить как определение формального признака слабого управления.

Для характеристики слабого управления представляют также интерес признаки, которыми оно отличается от сильного управления.²⁴

Попробуем применить принцип семантического анализа для выявления связи слабого управления. Возьмем, к примеру, субстантивное словосочетание *путевка в санаторий*. Семантика слова *путевка* в 17-томном словаре русского языка (т. 11, стлб. 1744) определяется следующим образом: официальное удостоверение, выдаваемое направляемому куда-либо лицу; направление. Таким образом, в семантику слова входит идея назначения, направления. Этот компонент семантики должен находить свое выражение в сочетании с падежными формами, указывающими место назначения. Следовательно, падежная форма *в санаторий*, будучи обусловлена семантикой господствующего слова, должна считаться управляемой. Поскольку уточнитель при слове *путевка* может выступать и в другой, синонимичной форме (ср. *путевка на курорт*), а также поскольку появление того или иного уточнителя возможно, но факультативно, перед нами типичное слабое управление. (Интересно, что в «Грамматике — 1970», откуда мы взяли этот пример (см. стр. 527), синтаксическая связь в нем оценивается как падежное примыкание.)

Узкое понимание управления, рассматривающее падежную форму как семантически обусловленную и потому стимулирующее семантический анализ синтаксического окружения господствующего слова, представляется перспективным научным направлением. Почетное место в разработке этого направления займут труды М. Д. Лесник.

²³ М. Д. Лесник, О грамматических признаках слабоуправляемых форм. Ученые записки Тартуского университета, вып. 219, Труды по русской и славянской филологии, XII, 1968, стр. 88.

²⁴ М. Д. Лесник, Принципы отграничения сильного и слабого типов управления (на материале глагольного управления). Ученые записки Тартуского университета, вып. 166, Труды по русской и славянской филологии, VII, 1965, стр. 66—68.

НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЭСТОНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Х. Я. Пак

Целью настоящей работы является рассмотрение одного из подклассов неопределенно-субъектных предложений в эстонском языке и его соотношение с соответствующим подклассом в русском.

Рассмотрим внутреннюю структуру и конституирующие внешние противопоставления класса неопределенно-субъектных предложений в эстонском языке.

По варьированию по двум имеющимся в эстонском языке субъектным категориям лица и числа (или хотя бы по одному из них) выделяется класс определенно-субъектных предложений [ср. *Me tulime koju*, *Te tulite koju* (соответственно *Tulime koju*, *Tulite koju*), *Puhkes võitlus*, *Puhkes võitlusi*]. Выбор этих категорий в каждом конкретном случае, будучи свободным с точки зрения внутреннего построения предложения, мотивирован либо контекстом — связью с соседними предложениями, либо ситуацией сообщения. Таким образом, оформление данных предложений с точки зрения субъектных категорий обусловлено их функциональными связями. Следовательно, грамматическая форма субъекта данных предложений несет информацию о ситуации, в которой осуществляется сообщение, и в этом смысле можно говорить, что грамматический субъект является определенным. Определенность субъекта (основанная на формальном показателе — наличии парадигмы по субъектным категориям) является категориальным значением этих предложений.

По этим свойствам определенно-субъективные предложения противостоят в системе другому классу. Это класс предложений, общим формальным признаком которых является отсутствие возможности варьирования по субъектным категориям лица и числа.¹

¹ Близкую трактовку неопределенно-личных предложений как особого парадигматического класса в эстонском языке см. H. Rajandi, *Arutlusi eesti imperonaali üle*. — «Keel ja Kirjandus», 1966, N. 9, 10.

*Tuiskab
Aitab vedelemisest
Ei maksa laulda
Teid otsitakse
Seda maja ehitati viis aastat
Aga lähed küsima tühist asja—pole*

Традиционно их определяют исходя из особенностей внутренней структуры (односоставность) и свойственного им безличного значения². Однако обращение к внутренней структуре предложения без указания на функциональные свойства не может быть эффективным, поскольку между функциональным и конструктивным типом нет однозначного соответствия. Ссылка же на значение без указания на те формальные признаки, на которых данное значение базируется, приводит к тому, что значение оказывается под влиянием внеграмматических явлений — лексического наполнения предложения, общего смысла контекста.

Хотя большинство этих предложений характеризуется определенной формой лица и числа (безличное предложение — формой третьего лица единственного числа, обобщенно-личное — формой второго лица единственного числа), эта форма лица является единственной (не противопоставляется другим формам лица и числа), и по данным категориям эти предложения в тексте формально не могут быть координированы с другими предложениями. Это и является показателем связи этих предложений. Их форма не определяется окружением и не связана с ситуацией сообщения и тем самым не несет информации о параметрах субъекта. Так, безличное предложение *Tunned, kuidas puhub* не изменяет форму числа независимо от того, идет ли речь об одном действующем лице или множестве; уточнение числа действующего лица в контексте не изменяет формы данного предложения (ср. *Tunned, kuidas puhub. Need tuuled puhuvad nüüd terve nädala*. Ср. также. *Pole aega igavust tunda. Võib-olla ainult hommikuti, kui istud ja ootad rongi.*)

Рассматриваемый класс предложений характеризуется неопределенностью субъекта с точки зрения его грамматической характеристики. Одна и та же форма может относиться к любому денотату. Таким образом, неопределенность субъекта является категориальным значением рассматриваемого функционального класса предложений.

Тем самым класс неопределенно-субъектных предложений противопоставляется классу определенно-субъектных предложений чисто отрицательно отсутствием субъектной парадигмы и является слабым, немаркированным членом данной оппозиции. Но класс неопределенно-субъектных предложений в целом

² K. Mõhkla, L. Rannut, S. Riikoja, A. Admann, Eesti keele lauseõpetuse põhiõoned. I. Lihilause, Tallinn, 1974, стр. 462—468.

может быть охарактеризован своим положительным признаком, каковым является закреплённость субъектной формы. Существовавши, что в основной массе случаев внутренняя структура неопределённо-субъективных предложений не накладывает запретов на варьирование субъектной формы (ср. *Muutus valgemaks. Päevast päeva aina rühi ja rassi*). Таким образом, неизменяемость формы является признаком собственно предложения как такового, отражающим функциональные свойства последнего. С точки зрения данного признака, неопределённо-субъективные предложения являются маркированным членом оппозиции. Таким образом, определённо-субъективные и неопределённо-субъективные предложения образуют в целом эквиополентную оппозицию, в которой каждый класс характеризуется одним специальным признаком. Вот почему неопределённо-субъективным предложениям присуще и собственное категориальное значение. Некоторые группы предложений данного класса, как увидим ниже, не обладают признаком фиксированной субъектной формы, как собственным специфическим свойством, поскольку этот признак оказывается обусловленным конструктивно. Эти группы включаются в привативную оппозицию с определённо-субъективными предложениями и являются слабым, немаркированным членом оппозиции.

Ввиду того, что с точки зрения субъектной парадигмы неопределённо-субъективные предложения характеризуются чисто отрицательно, в рамках данного класса нет формальных различий с точки зрения морфологических и синтаксических особенностей — все предложения данного класса обладают одинаковой парадигмой и одинаковым характером включения в текст. Однако это не означает, что данный класс образует совершенно единую группу по своим свойствам. Основанием для разбиения на подклассы служит фиксированная субъектная форма, которая, выступая как единственно возможная для данного типа предложений, более выпукло проявляет свои общие семантические свойства, чем в случае, если она выступает как один из членов парадигматического ряда у определённо-субъективных предложений. В зависимости от характера фиксированной субъектной формы можно различать несколько подклассов неопределённо-субъективных предложений, которые различаются также общим значением, образуя варианты неопределённо-субъектного значения, свойственного всему функциональному классу в целом.

Рассмотрим более подробно один из подклассов неопределённо-субъективных предложений.

Неопределённо-личные предложения.

Формальным признаком неопределённо-личного предложения является глагольное сказуемое, в центре которого находится

глагол в безличной форме (в простом и сложном прошедшем времени и сослагательном и повелительном наклонении). Данный подкласс реализуется в односоставных структурах с различными видами глагольного сказуемого.

Vanasti peeti rootslasi üldiselt sõjakaks rahvaks (Beekm.)
Ei mulle kõigest sellest räägitud (Sikemäe)
Juba mitu nädalat polnud maad nähtud (Sergo)
Võetagu öödest lisa! (Vilde)

Неопределенно-личное предложение не накладывает ограничения на употребление личных глаголов в его составе. В роли сказуемого в этих предложениях в принципе может выступать любой глагол, обозначающий действие, которое может быть приписано лицу. Все же имеются некоторые глаголы, не допускающие образования безличной формы, независимо от того, что в личной форме они связываются с субъектом-лицом (и глагол имеет полную парадигму лица). Таковы глаголы *meenuma, huvituma* (ср. *Talle meenus ema, Mari huvitab Jaani* и **Talle meenuti, *Jaani huvitati.*)

В эстонском языке имеется безличная форма глагола, для которой отсутствие парадигмы по лицу и числу является свойством, закрепленным морфологически. Наличие данной формы придает специфическое качество этим предложениям: основное свойство неопределенно-личного предложения оказывается обусловленным конструктивно и не является признаком, проявляющимся лишь в некоторой синтаксической позиции. Поэтому неопределенно-личные предложения могут расцениваться как немаркированный подкласс неопределенно-субъектных предложений. Поскольку неопределенно-личные предложения в эстонском языке лишаются своего собственного положительного признака и противопоставляются определенно-субъектным предложениям чисто отрицательно, то и с точки зрения значения они могут быть охарактеризованы лишь отрицательно — как не дающие определения субъекта.

Сопоставим теперь рассмотренный подкласс неопределенно-личных предложений в эстонском языке с соответствующим подклассом, рассмотренным ранее в русском³.

Неопределенно-личные предложения в эстонском и русском языке характеризуются отсутствием субъектной парадигмы (в эстонском языке — по лицу и числу, в русском — по роду, лицу и числу). Признаком включения этих предложений в связный текст является отсутствие соотношения с другими предложениями по данным категориям. Отсутствием возможности вари-

³ См. Б. М. Гаспаров, Неопределенно-субъективные предложения в современном русском языке. Уч. зап. Тартуского гос. университета, вып. 275, Труды по русской и славянской филологии, XIX, 1971, стр. 11—17.

рования по всем субъектным категориям этот класс предложений в том и другом языке противопоставляется определенно-субъектным предложениям.

Фиксированность субъектной формы неопределенно-личного предложения в эстонском языке, как известно, обусловлена чисто конструктивно, характером его составляющих, и не является собственным специфическим свойством предложения данного типа. Тем самым данные предложения лишены своего собственного положительного признака и противопоставляются определенно-субъектным предложениям лишь чисто негативно. В русском языке внутренняя форма неопределенно-личного предложения не накладывает запретов на варьирование формы рода, лица и числа. Фиксированность субъектной формы — формы третьего лица множественного числа — расценивается как признак собственно предложения, отражающий функциональные свойства последнего. Фиксированная субъектная форма, в которой данный подкласс реализуется, определенным образом конкретизирует общее значение неопределенности субъекта, характеризующее все единицы описываемого класса. Форма третьего лица создает эффект отстранения сообщаемого от акта сообщения и его участников. К вопросу о значении мы еще вернемся. Следует отметить, что и в русском языке выделяется небольшой подкласс неопределенно-личных предложений, форма которых обусловлена конструктивно, морфологическими особенностями неопределенно-личного глагола (ср. *Как вас зовут? Что здесь дают?* — в значении 'продают'). Это немаркированный подкласс неопределенно-личных предложений, в котором собственное неопределенно-личное значение не выражено специально.

Неопределенно-личные предложения в двух языках различаются с точки зрения отношения к двусоставному варианту. Конструкции с безличной формой глагола в эстонском языке не имеют двусоставных соответствий, они принципиально односоставны. Данное обстоятельство обусловлено особенностями валентности безличной формы глагола. В русском языке полноправными репрезентаторами неопределенно-личного типа предложений признаны также двусоставные структуры (ср. *Опять они кричат! — Кто? — Ребенок соседей*). Слабый подкласс неопределенно-личных предложений в русском языке односоставный.

В эстонском и русском языке в роли сказуемого неопределенно-личных предложений могут выступать глаголы, действие которых может быть приписано лицу.

Рассмотрим вопрос о значении данного типа предложений в двух языках. Как уже отмечалось выше, фиксированная форма третьего лица придает неопределенно-личным предложениям в русском языке значение отстраненности субъекта от участников

акта сообщения. Субъект неопределенно-личного предложения подчеркнуто противопоставлен говорящему и его адресату. Это значение отстранения выступает наглядно в тех случаях, когда противоречит реальной ситуации [ср. *С вами не говорят* (имеется в виду сам говорящий)]. Отенок неопределенности выступает наиболее ярко в форме прошедшего времени (ср. *Чаю принесли*). В форме настоящего времени он имеет скорее обобщенно-отстраненное, чем неопределенно-отстраненное значение (ср. *Уже об этом давно говорят*). В эстонском языке с точки зрения значения этот класс предложений охарактеризован как не дающий определения субъекта. Значение отстраненности в этом случае оказывается выражено не столь ярко. В этом плане подклассы неопределенно-личных предложений в русском и эстонском языке противостоят как маркированный и немаркированный.

С точки зрения выражения формальных свойств, общим признаком, характеризующим подклассы неопределенно-личных предложений в двух языках, как мы знаем, является фиксированный характер субъектной формы. Хотя неопределенно-личные предложения в русском и эстонском языке являются сильным подклассом неопределенно-субъектных предложений — они имеют строго фиксированный характер по всем субъектным категориям, — можно выделить подкласс, у которого формальные свойства класса проявляются наиболее ярко. Таковым является подкласс неопределенно-личных предложений в эстонском языке, у которого фиксированный характер субъектной формы закреплен конструктивно, «морфологизирован», то есть стал уже свойством самой структуры. [Внутри рассматриваемого подкласса в русском языке выделяется особая группа, у которой фиксированный характер субъектной формы также закреплен конструктивно (особыми специализированными группами слов)]. Здесь функциональные свойства предложения отразились на характере его структуры. Функциональный тип выработал для своего выражения особые специализированные словосочетательные правила, которые употребляются исключительно в рамках последнего. Поэтому с точки зрения выражения формальных признаков такие случаи являются наиболее сильными представителями неопределенно-субъектного класса. В этом плане подкласс неопределенно-личных предложений в эстонском языке противопоставлен подклассу неопределенно-личных в русском как более сильный. Степень выраженности формальных признаков, несомненно, соответствует отчетливости выражения в нем общего значения функционального класса, к которому он принадлежит, в отличие от значения противоположного класса. Характерным для этого подкласса в эстонском языке, как известно, является отсутствие активного отстранения субъекта. В результате неопределенность субъекта оказы-

вается представлена у данных предложений в некотором смысле как бессубъектность. Бессубъектность является наиболее «радикальным» проявлением общего значения неопределенности субъекта (что объяснимо, поскольку речь идет о наиболее сильном с точки зрения формальных показателей подклассе неопределенно-личных предложений), но и наиболее «пассивным» способом придания субъекту значения неопределенности.

Значение неопределенно-личных предложений, как не дающее определение субъекта, сближает их с немаркированным подклассом собственно-безличных предложений в русском языке. Это сходство проявляется, в частности, в способности данных типов предложений к взаимной замене (ср. *Mida siin küll tehakse!* — *Что здесь делается!*), которое возможно при глаголах, действие которых может быть приписано как лицу, так и не лицу.

ИСТОРИЯ ГЛАГОЛОВ КОМПЛЕТИВНОГО СПОСОБА ДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

П. С. Сигалов

1. Шведский славист Сигурд Агрелль, первым установивший различие между славянским глагольным видом и способом глагольного действия (Aktionsart), под которым он понимал «семантические функции приставочных глаголов (а также некоторых бесприставочных глаголов и суффиксальных образований), которые уточняют, как совершается действие, обозначают способ его осуществления»,¹ в качестве примера, иллюстрирующего его положения, приводит следующие польские фразы:

1. *Ukończył swoją pracę w domu.*
2. *Dokończył swoją pracę w domu.*
3. *Zakończył swoją pracę w domu.*
4. *Skończył swoją pracę w domu.*

По мнению Агрелля, в первом случае речь идет о том, что субъект работал только дома, во втором — начало работы сделано вне дома, остальная часть — дома, в третьем — начало и основная часть работы сделаны вне дома и лишь самый конец ее осуществлен дома. Соответственно семантике, привносимой, по его мнению, приведенными приставками, он выделяет ряд способов действия и среди них — комплетивный. «Способ действия, обозначаемый приставкой *do-*, я называю комплетивным: здесь, собственно, подчеркивается вторая половина действия»². Так был впервые выделен комплетивный способ действия, по-разному оцениваемый в различных классификациях (мы специально не рассматриваем правильность выделения Агреллем указанных им оттенков значения и — соответственно —

¹ Sigurd Agrell, *Przedrostki postaciowe czasowników polskich* (=«Materiały i prace Komisji językowej Akademii umiejętności w Krakowie», 1918), цит. по сб.: Вопросы глагольного вида, М., 1962, стр. 36.

² Вопросы глагольного вида, стр. 38.

способов действия, но можно отметить, что в данном случае Агрелль анализирует оттенки значения одного глагола, а не глагольных словообразовательных типов, причем сам глагол выбран неудачно: он обозначает завершение действия, от него (нечастый случай) образуется много результативных дериватов, между которыми устанавливаются разграничения, характерные преимущественно лишь для данного гнезда; так, в польском языке глаголы с приставкой *do-* типа *dosiedzieć, dożyć, doczytać* — а именно такого рода глаголы объединяются обычно в разряд комплетивных — расцениваются как обозначающие «достижение временного предела»³, без указания на то, что проделывается вся работа, кроме ее начала, как полагал Агрелль).

Этот термин принимает Станислав Слоньский, который в своей работе, посвященной функциям глагольных приставок в старославянском языке, говорит о комплетивной функции, обозначающей конечный момент действия, ср. *dokonyčati, domysliti se, dovědети*. Возникла эта функция в результате делокализации приставки *do-* (локальную «функцию» он называет «терминативной») ⁴.

В работах русских авторов, не использующих термин «способ действия», а говорящих о т. н. подвидах того или иного вида, этот разряд глаголов не выделяется (по вполне понятным соображениям: глаголы с приставкой *do-* обычно выступают в обоих видах)⁵.

Автор первой детальной классификации способов действия русского глагола А. В. Исаченко не выделяет ни комплетивного способа действия, ни комплетивного оттенка глаголов результативного способа действия. Он отмечает, что глаголы типа *догореть/догорать, дописать/дописывать* стоят вне совершаемого значения, и выделяет лишь «достигательный оттенок результативной совершаемости» со значением «довести действие до нежелательного результата: *доиграться, допрыгаться*»⁶. Но в классификациях глагольных способов действия, появившихся в последние годы, этот разряд последовательно выделяется. Так, его указывает Ю. С. Маслов, называющий, вслед за С. Агреллем, способ действия, куда относятся глаголы типа *дописать, догореть*, комплетивным⁷. В классификации А. В. Бондарко

³ См. Słownik języka polskiego, t. 2, Warszawa, 1960, стр. 157 сл.

⁴ Stanisław Słoński, Funkcje prefiksów werbalnych w języku starosłowiańskim (starobułgarskim), Warszawa, 1937, стр. 4—5.

⁵ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, изд. 2, Л., 1941; Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка, т. I, изд. 5, Киев, 1952; В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947.

⁶ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким; ч. 2, Братислава, 1960, стр. 250.

⁷ Ю. С. Маслов, Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. В сб.: Вопросы общего языкознания, изд. ЛГУ, 1965, стр. 76.

этот глагольный разряд именуется завершительным, или комплетивным⁸. «Грамматика современного русского литературного языка» относит эти слова к завершительному подтипу глаголов результативного способа действия⁹. В данном случае не важно, выделяется ли самостоятельный способ действия, либо эта группа рассматривается как подтип иного — результативно-го — способа действия. Важно другое: в одних классификациях он представлен, в других его нет, причем он может отсутствовать и в классификациях, претендующих на полную описания способов глагольного действия данного языка (Исаченко). Бесспорно — главная причина неодинаковых классификаций заключается в принципах выделения данным автором способов действия, в понимании способа действия. Но в данном случае, как представляется, играет роль и специфика комплетивных глаголов. Поэтому рассмотрение глаголов этого типа с целью его «совершаемостной» (если прибегнуть к удобному адъективному образованию А. В. Исаченко) характеристики может оказаться полезным и для теории способов действия.

2. А. В. Исаченко дает следующее определение совершаемости (т. е. способа действия): «Под совершаемостью следует понимать те общие значения глаголов, которые, будучи выражены формальными средствами (приставками, суффиксами), модифицируют значение исходного бесприставочного или приставочного глагола в отношении фазисности, кратности или количества действия и семантически с ним соотносены. Глаголы, выражающие ту или иную совершаемость, представлены лишь одной видовой формой»¹⁰. Таким образом, А. В. Исаченко относит к совершаемым глаголы, обладающие следующими признаками: 1) в плане словообразовательном — это приставочные или суффиксальные (либо префиксально-суффиксальные) образования от исходного глагола; 2) в плане семантическом — это модификации исходного глагола «в отношении фазисности, кратности или количества действия»; 3) в плане грамматическом — это одновидовые глаголы. Все эти три признака, которыми должна обладать глагольная группа, чтобы быть отнесенной к способам действия, вызвали возражения (см., например, рецензию А. В. Бондарко¹¹). В других классификациях (Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко) отвергается обязательность формального выражения значения способа действия, в связи с чем выделяются характеризованные и нехарактеризованные способы действия. К способам действия относятся не только раз-

⁸ А. В. Бондарко, Л. Л. Буланн, Русский глагол, Л., 1967, стр. 18.

⁹ Грамматика современного русского литературного языка, М., «Наука», 1970, стр. 348.

¹⁰ А. В. Исаченко, ук. раб., стр. 218.

¹¹ ВЯ, 1962, № 5.

ряды слов с временным либо количественным значением, но и группы, которые обозначают различные особенности протекания действия, не сводимые в какой-либо общий признак, ср. выделение инхоативного (сохнуть, белеть), каузативного (сушить, белить), статального (сидеть, лежать) способов действия (Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко; «Грамматика современного русского литературного языка»¹² из перечисленных выделяет лишь разряды с количественно-временной характеристикой), а также ряд других способов действия (мультипликативный — качать, махать; эволютивный — писать, шить — у Ю. С. Маслова¹³, А. В. Исаченко такого рода глагольную семантику относит к т. н. характеру глагольного действия). Заметим, что при всем разнообразии глагольных типов, выделяемых в качестве способов действия, один семантический разряд никогда не фигурирует в их числе — локально характеризованные глаголы (исключение составляют лишь т. н. глаголы перемещения). Обязательная однозначность способа действия (совершаемости) у Исаченко (лишь в редких случаях он допускает исключения, так, глаголы типа *допрыгаться*, *докататься* — достигательный оттенок результативного способа действия — «легко образуют видовые пары»¹⁴) в работах Ю. С. Маслова и А. В. Бондарко признается нерелевантной, видовая характеристика глаголов данного способа действия не влияет на сохранение или изгнание его из данного разряда. Именно два последних признака (семантическая и видовая характеристика) представляют интерес при определении статуса глаголов типа *дописать*, *доиграть*, глаголов т. н. комплетивного способа действия. Вопрос об обязательности формального выражения в данном случае снимается, так как эти глаголы всегда выступают с приставкой *до*. Отметим, что и значение завершения последнего этапа действия выражается только приставкой *до*.

3. Новая Академическая грамматика¹⁵ выделяет два значения глаголов с приставкой *до*: «1) «глаголы со значением «действие, названное мотивирующим глаголом, довести до какого-н. предела в пространстве или во времени: *добелить* — «довести побелку до какого-либо предела», *добросить*, *добрить*, *доварить*...»; 2) «глаголы со значением «дополнительно совершить действие, названное мотивирующим глаголом, иногда также довести его до необходимой нормы»: *доплатить* — «дополнительно заплатить», *довооружить*, *доизбрать*, *докупить*...». К комплетивному способу действия может быть отнесена часть глаголов

¹² Грамматика современного русского литературного языка, стр. 349.

¹³ Ю. С. Маслов, ук. раб., стр. 78.

¹⁴ А. В. Исаченко, ук. раб., стр. 250.

¹⁵ Грамматика современного русского литературного языка, стр. 258.

первого разряда, а именно те, которые обозначают достижение временного предела, а также глаголы второго разряда, ибо они (*доплатить, довооружить, доизбрать*) также могут рассматриваться как обозначающие завершение последнего этапа действия — при новом, сдвинутом пределе. Детальная классификация русских глаголов с приставкой *до-* дана Б. Н. Головиным в статье «Словообразовательная типология русских приставочных глаголов»¹⁶. В ней выделяются следующие словообразовательные типы глаголов с этой приставкой:

1) глаголы со значением «переместиться до какого-либо предмета или места действием производящей основы»: *ехать — доехать, плыть — доплыть*;

2) глаголы со значением «переместить до какого-либо предмета или места действием производящей основы»: *везти — довезти, вести — довести*;

3) глаголы со значением «дополнительно, до нормы осуществить действие производящей основы»: *брать — добрать, платить — доплатить*;

4) глаголы со значением «осуществить акт, завершающий, доводящий до предела действие производящей основы»: *пить — допить, бить — добить, писать — дописать*; Б. Н. Головин пишет, что это значение в качестве сопутствующего может выступать у глаголов трех предыдущих типов;

5) глаголы со значением «дополнительно испытать, пережить состояние производящей основы» *спать — доспать, лежать — долежать, бражничать — дображничать*; в этом случае, как представляется, значение определено неточно: здесь скорее речь идет о подчеркивании выполнения завершающего этапа действия, *доспать* противопоставлено не столько исходному *спать*, сколько параллельному *недоспать*. Б. Н. Головин говорит о развитии глаголами этого словообразовательного типа новых значений: «окончиться, прекратиться состоянием производящей основы»: *рожь дозрела, молоко докисло, роза доцвела*; «распространить процесс производящей основы до определенного временного предела»: *долежать до вечера, досидеть до полуночи*.

Все эти семантические оттенки возникли в результате взаимодействия комплетивного значения (завершение последнего этапа действия) приставки *до-* и семантики производящих глаголов. Это положение, как представляется, можно распространить и на третью группу (для четвертой это очевидно). В таком случае, третья, четвертая и пятая группы глаголов войдут в состав комплетивного способа действия. Достаточно близки к нему будут и глаголы первых двух групп, где приставка выступает в локальном значении: в случае переносного употребления

¹⁶ Славянское языкознание, изд. АН СССР, М., 1959, стр. 139—148.

эти глаголы могут быть отнесены к комплетивному способу действия, ср. *Собакевич... в четверть часа с небольшим доехал его (осетра) всего (Гоголь)*.

Кроме этих пяти разрядов, Б. Н. Головин выделяет еще три группы глаголов, образуемых приставкой *до-* и постфиксом *-ся*

1) глаголы со значением «достичь чего-либо, соприкоснуться с чем-либо» (в прямом или переносном смысле): *докопаться до воды, до сути чего-либо*;

2) глаголы со значением «добиться отклика, ответа, реакции действием производящей основы»: *будить — добудиться, звонить — дозвониться, просить — допроситься*;

3) глаголы со значением «дойти до крайности, причинить себе вред, вызвать недуг действием производящей основы»: *бегать — добежаться, болтать — доболтаться, вертеть — довертеться*.

4. Среди приставок современного русского языка *до-* является одной из наиболее лексичных, т. е. с ее помощью почти всегда образуются глаголы, лексически отличные от исходного глагола. Кроме того, это, пожалуй, наиболее однозначная приставка, семантика которой тождественна семантике одноименного предлога. Лексичность и моносемичность приставки приводят к тому, что в значении, близком к видовому, она выступает лишь в случае, если глагол сам по себе обозначает завершение действия, ср. *кончить — докончить, вершить — довершить*, да и в этом случае глаголы с *до-* оттесняются глаголами с более активными в результивном употреблении приставками *за-* (*-кончить, -вершить*), *о-* (*кончить*), ср. болг. *гасна — догасна* (угаснуть).

До- — одна из наиболее свободно присоединяемых приставок. Единственное семантическое ограничение использования *до-* заключается в том, что она присоединяется к глаголам, обозначающим реальное, конкретное действие. Приставка *до-* и обозначает завершение этого реального действия, осуществление его последнего этапа. Здесь не играет роли, какое именно действие обозначает глагол: мультипликативное, т. е. состоящее из ряда одинаковых актов (*махать, клевать, колоть*), или эволютивное — сплошное действие, без деления на отдельные акты (*петь, писать, шить*). Если же глагол обозначает действие как обычное, привычное занятие субъекта, как его характеристику, либо выражает повторяемость данного действия, т. е. выступает в неактуальном значении, комплетивные варианты таких глаголов обычно не возникают (ср. отсутствие образований типа *дооригинальничать, доучительствовать; дорыбачить* как образования от актуального *рыбачить* и невозможность такого образования от неактуального *рыбачить* — быть рыбаком, в этом плане комплетивный способ действия противопоставлен

финитивному, образуемому с помощью приставки *от-*: слова последнего типа являются производными глаголов с неактуальным значением, ср. *я уже (свое) отрыбачил*.

Глаголы с приставкой *до-* образуются от следующих семантических разрядов бесприставочных глаголов:

1) от однонаправленных глаголов перемещения: *добежать, довести, доплыть, дойти*. Глаголы разнонаправленного движения дериватов с *до-* не образуют: они обозначают повторяющееся действие, действие-характеристику. *Доводить, доходить* являются результатом имперфективации *довести, дойти*, ср. *доплывать, добегать, добредать*. Может быть, поэтому приставка присоединяется к глаголам *прыгнуть, шагнуть, нырнуть* (совершенный вид), а не к *прыгать, шагать, нырять*, хотя чаще *до-* присоединяется с глаголами несовершенного вида: указанные глаголы совершенного вида выступают в значении однонаправленном, тогда как глаголы *прыгать, шагать, нырять* употребляются и в том и в другом значениях;

2) безо всяких ограничений от глаголов со значением физического действия, ср. *добить, добрить, добросить, доварить, доделать* и т. д.

3) от глаголов, обозначающих различные психические процессы и разного рода проявления человеческой деятельности, ср. *додумать, домучить, доберечь, довоевать, домолиться, досмеяться*;

4) от глаголов, обозначающих чувственные восприятия, ср. *доглядеть, досмотреть, дослушать*;

5) от глаголов, обозначающих речь и разного рода звуковые явления, ср. *договорить, докричать, добранить, догреметь, догудеть, дозвенеть*;

6) от глаголов состояния (статальных), ср. *долежать, досидеть, доспать, дожить, достоять*;

7) от инхоативных глаголов (обоих типов), ср. *досохнуть, докиснуть, домокнуть, дозеленеть, досереть*;

8) от каузативных глаголов, ср. *добелить, довеселить, досушить, допить*. Среди разрядов слов, которые не образуют дериватов с приставкой *до-*, отметим итеративные глаголы и глаголы со значением отношения (*иметь, равняться*).

В плане формальном — дериваты с приставкой *до-* образуются от приставочных глаголов: значение предела действия (локального и временного) препятствует присоединению *до-* в качестве второй приставки. Это правило не нарушается даже в случае дестимологизации приставки, исключения редки, ср. *доизбрать, доснять*.

Глаголы с приставкой *до-* как правило регулярно образуют видовые пары, исключения единичны, ср. *домчать*. Приставка

присоединяется к глаголу несовершенного вида, от образовавшегося глагола совершенного вида образуется путем имперфективации глагол несовершенного вида, ср. *добить* — *добивать*, *доиграть* — *доигрывать*, *докуснуть* — *докусать*. К глаголам совершенного вида *до-* присоединяется реже, ср. *допрыгнуть*, *донырнуть*, *докинуть*, *докупить*. От них образуются приставочные же глаголы несовершенного вида: *допрыгивать*, *доныривать*, *докидывать*. Наличие регулярных видовых пар является отличительной особенностью глаголов с приставкой *до-*.

5. К комплетивному способу действия могут быть отнесены глаголы всех групп, указанных в предыдущем разделе, кроме первой. Исключения не составляют и глаголы со значением «дополнительно совершить действие, названное мотивирующим глаголом», иногда также «довести его до необходимой нормы»¹⁷. В последнем случае глагол обозначает достижение нового предела, так как старый по каким-либо причинам оказался недостаточным. Комплетивное значение (временной, количественный предел) является продолжением, переосмыслением пространственного предела. Комплетивный класс является единственным способом действия, в котором значение предлога полностью дублируется значением приставки, причем и предлог и приставка моносемичны. И приставочные глаголы с локальным значением и комплетивные глаголы часто управляют существительным с предлогом *до*, ср. *добежать до дома*, *досидеть до шести часов*, *допеть до конца*. Комплетивный способ действия — прямое продолжение разряда слов с локальным значением форманта, сохраняющий связь с этим разрядом, — стоит особо среди других способов действия. Он показывает в синхронном плане исторический путь, пройденный другими способами действия. И он может включаться в систему способов действия в значительной степени лишь в той мере, в какой в состав знаковых систем включаются симптомы, естественные знаки: они необходимы для выяснения истории формирования знаков.

Как известно, мнение А. В. Исаченко об обязательной видовости способов действия не было поддержано (Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко): хотя в большинстве случаев глаголы, входящие в систему способов действия, одновидовы, тем не менее во многих способах действия есть глаголы, образующие видовые пары. В связи с этим правомерно поставить вопрос иначе: не является ли принципиальная двувидовость какого-либо семантического (и тем более — словообразовательного) класса глаголов доказательством неотносимости его к системе способов действия? Примером этого и служит комплетивный способ действия. Возможность почти от каждого перфективного компле-

¹⁷ Грамматика современного русского литературного языка, стр. 258.

тивного глагола образовать соответствующий имперфективный глагол ставит этот разряд в особое положение.

Таким образом, тождество семантики приставки и предлога, их моносемичность, непосредственная связь комплетивных глаголов с глаголами, имеющими локальную приставку (*до-*), сохранение комплетивными глаголами предложной конструкции, характерной для глаголов с локальной приставкой, ограниченная немногими факторами свобода образования приставочных дериватов с *до-*, двувидовость этого способа действия — все эти особенности отличают комплетивные глаголы от других способов действия. Можно, как представляется, говорить, что комплетивные глаголы занимают промежуточное положение между собственно способом действия и глагольным разрядом, оформленным приставкой с пространственным значением.

6. Как известно, приставки и предлоги восходят к наречиям, уточняющим локальную характеристику действия. Исходной конструкцией было сочетание имени и глагола, к нему для уточнения могло прибавляться наречие. Чешские лингвисты Ф. Травничек и И. Немец исследовали процесс предложно-приставочного оформления чешских глаголов¹⁸. Предложенная ими схема пригодна для анализа славянского глагола вообще. Этот процесс И. Немец представляет в виде следующих этапов, иллюстрируя их старочешскими и другими примерами:

«I тип — *čeho stúpiti* (отделение обозначено простым генетивом-аблативом): *tehdu kněz Pelhřím biskupstva stúpi, kněz Jan na biskupstvo vstúpi*.

II тип — *čeho ot stúpiti* (отделение точнее обозначено наречием)

III тип — *čeho odstúpiti* (отделение точнее обозначено приставкой): *(Rusi)byli svých modl odstúpiece...*

IV тип — *ot čeho stúpiti* (отделение точнее обозначено предлогом), ср. рус. *от старичков не ступит за порог* — Грибоедов...

V тип — *ot čeho odstúpiti* (отделение точнее обозначено приставкой и предлогом): *od zlého světa odstupě...*¹⁹.

Такова идеальная схема предложно-приставочного оформления глагола. Второй этап не иллюстрируется примерами (Ф. Травничек представляет его в виде **lučiti koho ot*²⁰), т. е. располагает наречие после глагола и имени). Вершина этого развития — предложно-приставочная конструкция типа *otstú-*

¹⁸ Fr. Trávníček, Studie o českém vidu slovesném. «Rozpravy České Akademie věd a umění», třída III, číslo 53, v Praze, 1923, стр. 68 сл.; Igor Němec, O slovanské předpěně po- slovesné. «Slavia», ročník XXIII, Praha, 1954, стр. 3—4.

¹⁹ Igor Němec, ук. раб., стр. 3—4.

²⁰ Fr. Trávníček, ук. раб., стр. 68.

piti ot čeho — могла впоследствии разрушаться. Среди причин ее разрушения (утраты одноименного предложного управления) Ф. Травничек указывает: 1) влияние управления простых глаголов на управление глаголов приставочных; 2) утрату глаголом своего первоначального значения (это могло привести и к десемантизации приставки); 3) ошибочное понимание падежной формы (так, в чешском *ujíti smrti* генетив мог восприниматься как датив); 4) влияние управления других приставочных глаголов²¹.

Отмеченные в русском языке образования с приставкой *до-* позволяют следующим образом иллюстрировать этапы предложно-приставочного оформления рассматриваемой группы глаголов:

I тип глагола, оформляемого впоследствии предлогом-приставкой *до-*, в древнерусских памятниках отмечен редко, ср. **сящи** — достать, коснуться²²: *Всего тЕла сАжетъ, въсего образа жизньнааго* (XIII слов Григория Назианзина, XI век²³); *И еще же, ищюше то кто Всеволодо(у) приятель бояръ, тѣ имаша на них не съ полоуторы тысяце гренѣ и даша коупцемъ кроутитисА на воину, нѣ сАгоша и невиноватыхъ* (I Новг. лет., XIII в., СМ, IV, 910), ср. сохранение такого состояния в русских диалектах, украинском и других славянских языках: рус. диал. *сягать, сягнуть*... «Сколько могуты моей сяжет, сягнет, постараюсь. Не сяжет, не сягает кармана, сил»²⁴; укр. *сягати, сягнути чою: Вода сягає грудей*; пол. *sięgać — sięgnąć* : *Celnie wzmienione strzały sięgnęły przeciwnika*²⁵.

II тип восстанавливается как обязательное звено в системе эволюции рассматриваемых глаголов — *segnōti čego do*.

III тип: **довести** — *Сего мя довелѣ братъ мои* (Ипат. лет., XV в., СМ, I, 685); *Абы ю Богъ того довелѣ* (=чтобы ей Бог дал дожить до этого) (Ипат. лет., XV в., СМ, I, 685); **додържати**: *А оже оубьютъ кого оу клЕти или оу которои татьбы то оубьютъ въ пса мЕсто оже ли и додържать свЕта то вести и на кнАжѣ дворѣ...* (Русская правда, XIII в.,²⁶), *Чего их додержати?* (Пов. врем. лет., XIV в., СМ, I, 689); **добити**: ... *и рече* (апостол Андрей): *Дивно видЕхъ землю словЕнску..., видЕхъ бани... и идуть в ню ... и возмутъ на ся прутіе младое и бьются сами, и*

²¹ Фг. Trávníček, ук. раб., стр. 134.

²² В примерах титла сохраняются, надстрочные знаки вынесены в строку.

²³ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, М., 1958, IV, 909—910 (далее — СМ).

²⁴ В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, М., 1955, IV, 389 (условное обозначение словаря — Даль).

²⁵ *Mały słownik języka polskiego*, Warszawa, 1969, стр. 743.

²⁶ Картотека словаря древнерусского языка XI—XIV вв. Института русского языка АН СССР (далее — ДДР).

того ся добыють, едва излезоуть живи и облиются водою студеною и тако оживуть (Типографская летопись, XVI в.,²⁷); дойти: Да яко доидоша мЕста, идЕже бЕаше имъ скончатися (Великие Миней-Четьи, ДРС), И скоро доиде Кыева града и сЕде на столЕ оца своего (Несторово житие Бориса и Глеба, XIV в., СМ, I, 691).

IV тип: ср. смешанный пример (у глагола два разных управления): Аже кто познаеть челАдинъ свой оукраденъ а поиметь и то ономоу вести и по коунамъ и до третьяго свода (Русская правда, XIII в., СМ, I, 248).

V тип: доглаголати: Горе имъ, яко отскочиша отъ мене; грЕшни суть, яко нечъствоваша ко мнЕ; а азъ я избавихъ, си же доглаголаша до мене лжу (Великие Миней-Четьи, ДРС); догорЕти: И догорЕша свЕчи до зеля (Никонова лет., XVI в., ДРС); дожити: Ну, вотъ дожили далъ Богъ до краю: не кручиньтеса, наши православные християне (Аввакум, Книга толкований и нравоучений, XVII в., ДРС); дойти: На весну же пришедше повЕваши села о ЮрьевЕ и градъ и хоромы пожьгоша и много зла створиша и до Пскова доидоша воююще (Софийская лет., XV в., ДРС); дорискати: Исъ Кыева дорискаше до куръ Тмуроканя (Слово о полку Игореве, СМ, I, 707).

В современном языке комплетивные глаголы сохраняют это предложно-падежное оформление. Поскольку значение предела содержится уже в глаголе, сочетание «до + существительное» может опускаться, если в нем нет необходимости. Это обычно у глаголов со значением добавления, доведения до новой нормы.

7. История комплетивного способа действия в русском языке может быть представлена следующим образом. Можно было бы предположить, что ввиду близости значений локальных и комплетивных глаголов, этот способ действия был достаточно развит уже в древнюю эпоху. Однако анализ материала древнерусского языка (с этой целью были просмотрены словари, ряд произведений и картотеки Словаря древнерусского языка (XI—XIV вв.) и Словаря русского языка (XI—XVII вв.) Института русского языка АН СССР) показывает, что в памятниках XI—XIV веков локальные глаголы с приставкой до- и особенно комплетивные глаголы представлены в небольшой степени. Если исходить из восьми семантических разрядов слов, присоединяющих приставку до-, то можно отметить, что в этот период фиксируются из глаголов перемещения следующие: дойти, ср. Да възможемъ дойти съ ними оуготованъихъ любАштимъ Ба (Пандекты Антиоха, XI в., СМ, I, 691); донести (лишь в переносном значении — сообщить), ср. съ соуштимъ же въ горахъ не лЕнисА ишти молитвы проси блгословения и аште

²⁷ Картотека словаря русского языка XI—XVII вв. Института русского языка АН СССР (далее — ДРС).

чего имЕеши тЕлесьныя потрЕбы донеси имъ и приимеши дшевьную потребу (Изборник 1076 г., ДРС); допр^ова^дити, ср. Они же обЕщасА поАти и съ собою и допр^ова^дити и до стыхъ мЕстъ (Несторово житие Феодосия, XII в., СМ, I, 706); дох^од^ити, ср. Доходящи Асурна (Книга Бытия, XIV в., СМ, I, 18); долЕзти, ср. Оустрой же и се рек: яко немощнии и болнии не могут долЕсти двора моего (Пов. врем. лет, СМ, I, 697). Что касается собственно комплетивных глаголов, то в памятниках XI—XIV вв., они представлены следующим образом:

1) глаголы, обозначающие физическое действие: додържати, ср. Чего их додержати? Хочемъ слЕпиги и (Пов. врем. лет., XIV в., СМ, I, 689); дострЕлити ср. От земля бо възАтъсА цркы и съ соущими въ неи възиде на въздоусЕ, яко не мощи имъ дострЕлити ея (Несторово житие Феодосия, XII в., СМ, I, 716) (в обоих случаях правильное говорить, как кажется, не о комплетивном, а о результативном значении, см. об этом ниже);

2) глаголы, обозначающие психические процессы и различные проявления человеческой деятельности: дописати ср. Оже ся гдЕ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправлявая Бога дЕля, а не клЕните (Пов. врем. лет, приписка, XIV в., СМ, I, 705); дожждати (с результативным значением);

3) глаголы, обозначающие речь и различные звуковые явления: доглаголати, ср. Не дръзнУ до възЕхъ доглати (XIII слов Григория Назианзина, XI в., СМ, I, 689);

4) глаголы со значением состояния: досЕдЕти, ср. Что хочете досЕдЕти (Пов. врем. лет, СМ, I, 717) (этот глагол, скорее, должен быть отнесен к результативным, см. его перевод: До чего хотите досидеться?²⁸). Глаголы других разрядов — по материалам, имеющимся у нас, в памятниках XI—XIV вв. не представлены.

В памятниках XIV—XVII вв., судя по нашим материалам, количество рассматриваемых глаголов также невелико. Среди локальных можно отметить: довести, ср. Абы ю Богъ того довелъ (Ипатьевск. лет., 1425, СМ, I, 685); доЕхати, ср. И нЕлзе бы ему ихъ полкомъ доЕхати тою рЕкою (Ипатьевск. лет., СМ, I, 719). Комплетивные глаголы: 1) со значением физического действия: добитися, ср. . . и того ся добыють, едва излезоуть живи . . . (Типографская летопись, XVI в., ДРС), в данном случае, как представляется, правильнее говорить о результативном значении; догорЕти, ср. И догорЕша свЕчи до зелиа . . . (Никонова лет., ДРС); догрузити, ср. . . и велЕть у тЕхъ судовъ быти цЕловалником безпрестани, безотходно; а не догрузя судовъ сполна, цЕловалниковъ отъ тЕхъ судовъ къ инымъ судамъ не посы-

²⁸ Повесть временных лет, ч. I, М.—Л., 1950, стр. 239.

лать, чтобъ тѣмъ въ соляномъ грузу счету не истерять (Акты исторические, IV, документ от 1679 г., ДРС); *доЕсти*, ср. *И когда коли не доемъ не бываю здравъ...* (Логика Авиасафа, рукопись 1433, ДРС), *И что волкъ не доестъ, мы то доедимъ* (Житие Аввакума, ДРС). Глаголы других семантических разрядов, ср. глагол речи *договорити* (с комплетивным значением): *... а на которого послуха истецъ послетсА, и послухъ не станетъ или ставъ на судЕ не договоритъ, в тѣхъ рЕчи, или переговоритъ, ино тотъ послух не в послухъ, а тотъ не доискался* (Псковская судная грамота, XV в., сп. XVI в., ДРС); глагол состояния *дожити*, ср. *Егда же дожили до четвертыя суботы, старецъ і дьяконъ взалкали...* (Пустозерский сборник, XVII в., ДРС); глаголы, обозначающие деятельность человека: *домолитсЯ*, ср. *игорь же слышавъ в порубЕ сыи оже идет ИзАславъ на брата его домолисА пославъ къ ИзАславу гЛА...* (Пов. врем. лет, СДР); *дочитати*: *К нему же Селевестръ отвѣща: «и ты которымъ имени тому наученъ еси или дочиталъ еси»* (Хроника Георгия Амартола, XIII—XIV вв., СДР).

Количество локальных глаголов с приставкой *до-* и особенно комплетивных глаголов в памятниках древнерусского языка довольно невелико. И хотя памятники не дают полного представления о степени продуктивности того или иного словообразовательного типа, можно все-таки сделать предположение, что комплетивный способ действия в русском языке XI и последующих столетий был развит слабо, хотя возможности для его развития были ввиду близости семантики локальных и комплетивных глаголов. Наличие в древнерусском языке особой группы результативных глаголов, оформляемых приставкой *до-* и довольно широко представленных в памятниках, может служить подтверждением нашего предположения о слабой продуктивности комплетивных глаголов в русском языке ранней поры.

Словари XVIII века говорят о распространенности комплетивных глаголов в языке этого времени. В «Лексиконе трехязычном» Ф. Поликарпова (1704) комплетивных глаголов нет, но уже в «Российском целлариусе» Ф. Гелтергофа (М., 1771) они представлены рядом примеров, причем перевод не оставляет сомнения в их комплетивном характере, ср. *«догавливаю... договоръ — bis zum Ende fasten* (стр. 100), *«догараю... zum Ende brennen»* (108), *«доиграть... zum Ende spielen»* (187), а также *домазываю, допекаю, допеваю* и некоторые другие. В словаре И. Нордстета²⁹ много комплетивных глаголов, особенно образованных от глаголов со значением физического действия, ср., например, *доварить, довязать, доглядить, доделать, дожарить, дожать, доиграть, донавозить, доработать, доткать* и т. д., в их переводе специально подчеркивается момент окон-

²⁹ И. Нордстет, Российский с немецким и французским переводами словарь, СПб., ч. I — 1780, ч. II — 1782.

чания действия, ср. *докать* — zum Ende weben, ausweben, achever de filser, achever la toile (I, 176). Другие семантические разряды слов представлены каузативными (*дозолотить, доморозить, досушить*), инхоативными (*докиснуть, домокнуть, домерзнуть, достынуть, досохнуть* и даже — *дотолстеть* — единственный пример инхоатива на -еть — с переводом *vollends sich werden, achever de grossir*) и статальными глаголами (*дожить, дозимовать*, правда, перевод последнего говорит, что он понимается как «перезимовать»: *überwintern, den ganzen Winter durch bleiben*). В Словаре Академии Российской³⁰ приводятся комплетивные глаголы со значением физического действия либо обозначающие деятельность человека, ср. *довязать, доглядить, догрузить, догрызть, домолоть, домолотить; довенчать, допеть, дослужить*. Из глаголов других классов отметим лишь *договорить* и *досушить*.

Таким образом, словари XVIII века говорят о наличии в русском языке этого времени значительного количества комплетивных глаголов. Бесспорно, этот способ действия сформировался не в XVIII веке, можно, очевидно, говорить о его развитии в предшествующие века, вполне возможно, что многие глаголы подобного рода не находили отражения в памятниках из-за их сниженного, бытового характера (см. примеры в словарях XVIII в.). Но предположение об относительно позднем развитии комплетивных глаголов все-таки остается в силе, об этом свидетельствует более активно представленный в древнерусском языке ранней поры тип результативных глаголов с приставкой *до-*.

8. В древнерусских памятниках ранней поры относительно — по сравнению с комплетивными глаголами — часты глаголы, оформленные приставкой *до-*, но выступающие в результативном значении. Об их отличии от комплетивных глаголов говорит, во-первых, их семантика: они обозначают не завершение действия, его последнего этапа, а итог действия, результат, приводящий к окончанию действия; во-вторых, отсутствие у этих глаголов предложного оформления с *до*; в-третьих, существительные, образуемые от них, так как существительные от глаголов со значением временного ограничения, как правило, не возникают. В отдельных случаях результативные глаголы с приставкой *до-* сохраняются и современным языком. Вот краткий перечень глаголов такого типа:

добыти — в результативном значении с деэтимологизированной приставкой выступает уже в ранних памятниках, сходно его значение в других славянских языках, это дает основание отнести его появление к праславянской эпохе, ср. *В тож лето на*

³⁰ Словарь Академии Российской, СПб., т. I — 1789, II — 1790, III — 1792, IV — 1793, V — 1794, VI — 1794.

зимоу быс̄ зима тепла не быс̄ снЕга черес̄ всю зиму і не до-
быша люд хлЕба быс̄ дороговъ велика ... (I Новг. лет., XIII в.,
СДР), а также многочисленные отглагольные существительные:
добытъкъ — имущество, владение (СМ, I, 685), совр. *добыча*,
диал. *добычь* (Даль, I, 446). Таково же значение глагола в дру-
гих славянских языках, ср. укр. *добути*, пол. *dobyć*, сербохорв.
добити (получить). Иногда встречается и омонимичный компле-
тивный глагол, ср. укр. *добути* — дожить до срока³¹, пол.
dobyć — пробыть до определенного времени, остаться³².

добити (целом) как результативный глагол к *бити* (целом).
В древнерусском языке добити выступает лишь в сочетании с
целом и имеет результативное значение. Комплетивное значение
в памятниках не представлено, в словарях XVIII века его тоже
нет, зато часто встречается *добитися* — в результативном зна-
чении;

домыслити — представить себе (в результативном значе-
нии), ср. уже в Изборнике 1073 г.: *Собьство же съ собьствомъ
прЕмЕнАемо ни сУштия, ни собьства, нѣ домыслимоуЮ нЕкою
вещь творить, яко же се: народѣ и ликѣ или съборѣ* (СМ, I,
703); в этом же значении выступает в ранних памятниках и
домыслитися. О результативном значении глагола свидетельству-
ет и отглагольное существительное *домыслъ*;

договорити — прийти к соглашению, ср. ... *И о томъ бы о
всемъ королевна Елизаветъ вам, своимъ советникамъ, съ нами
приказала договоръ чинити; и договора о всЕхъ о тЕхъ дЕлехъ
и какимъ докончалнымъ грамотамъ межъ гдремъ нашимъ и
королевны быть, и таковы списки, приговора, напишемъ* (Па-
мятники дипл. сношений с Англиею, 1582, ДРС). В этом же
значении *договоритися*, ср. отглагольное существительное *дого-
воръ*;

дождати — только в результативном значении, ср. *Они же
... дружины не дождавше, и сступишася* (Пов. врем. лет., СМ, I,
690), ср. совр. *дождаться*. В результативном значении исключи-
тельно или более ранними, по сравнению с комплетивным значе-
нием, примерами свидетельствуются следующие глаголы:
дозърЕти, домолитися, донести, досмотрЕти (ср. *досмотр*), *доста-
ти, достЕлити, досълати*. Только к результативному значению мо-
жет восходить семантика приставки в таких словах, как *досадить,
докучить* (ср. *досада, докука*), *доказать* (ср. укр. *доказ*), в ко-
торых произошло опрощение. О развитии результативного зна-
чения говорят и факты украинского языка (включая диалект-
ные), ср. *годити* — *догодити* (угождать — угодить), сущ. *дого-
да*; *довмитися, доумитися* — *додуматься, сообразить, смекнуть*,
ср. рус. *надоумить; ганити* — (поричать, укорять) — **доганити*

³¹ Б. Гринченко, Словарь української мови, Київ, 1958, т. I, стр. 400.

³² Mały słownik języka polskiego, Warszawa, 1969, стр. 120.

восстанавливается по отглагольному существительному *дога-на* — порицание, упрек, возможно, сюда же относится и *доісти* (наскучить, досадить), ср. рус. *надоеть* со вторичной приставкой; ср. в «Энеиде» Котляревского: *Мені найбільше доідає Рутульський Турн, собачий син*³³.

Показания памятников свидетельствуют о том, что результативный тип глаголов с приставкой *до-* развился до широкого распространения комплетивного типа глаголов. Совершенно очевидна близость результативного и комплетивного значений: понятие выполнения, завершения последнего этапа действия соседствует с представлением о выполнении всего действия, о достижении его результата. Соотношение двух типов можно представить следующим образом. Когда глагол находился на III ступени предложно-приставочного оформления («*otstúpiti čeho*»), приставка, присоединяемая к глаголу, вносила значение завершения, окончания действия, достижения его предела, что у глаголов с общим значением направленности действия на результат (*gъnati, žьdati, sълati, strěliti*) получало значение результативной (ср. видовой пары). Результативные глаголы выступали и в возвратной форме, ср. *домолитися*. Эти глаголы остановились на III ступени, тогда как глаголы с приставкой *до-*, имевшие значение предела, как бы выкристаллизовывали его, оформляясь предложным сочетанием (V ступень). Ввиду омонимичности этих двух типов, в результативном значении начинают использоваться преимущественно возвратные формы, в качестве образца могут выступать глаголы типа *домолитися*, ср. др.-рус. параллели *договорити* — *договоритися*, *домыслити* — *домыслитися*. Постфикс *-ся* здесь выступает в общевозвратном значении, обозначая «действие, происходящее в самом субъекте, как состояние этого субъекта»³⁴. Так разошлись формально эти два глагольных типа. Таким образом, если для современного языка такие глаголы, как *додуматься*, *дождаться*, являются результатом префиксально-суффиксального обрамления исходных глаголов, то с точки зрения исторического словообразования результативный разряд глаголов рассматриваемого типа возник в результате постфиксации результативных глаголов с приставкой *до-*.

9. В современном русском языке с помощью приставки *до-* и постфикса *-ся* от глаголов несовершенного вида образуются глаголы со значением «дойти до крайности, причинить себе вред, вызвать недуг действием производящей основы»³⁵. В памятниках древнерусского языка это значение глаголов не отмечается, нет таких глаголов и в словарях XVIII века и в «Сло-

³³ Украинские факты взяты из I тома «Словаря української мови» Б. Гринченка.

³⁴ Грамматика современного русского литературного языка, стр. 354.

³⁵ Б. Н. Головин, ук. раб., стр. 145.

варе Академии Российской» (1789—1794). М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» выделяет этот разряд глаголов: «До — значит худой конец какого дела: доиграл до побоев, досмеялся до слез»³⁶ (отметим параллельное использование глаголов — с постфиксом и без него). В «Словаре Академии Российской» (1806—1822) есть лишь два глагола рассматриваемого типа: договориться, доплясаться. К середине XIX века отмечается активизация глаголов с «отрицательной» результативностью³⁷. Широко фиксируются они «Словарем церковнославянского и русского языка» 1847 года³⁸, причем это значение отмечается как в глаголах без -ся, так и в глаголах с постфиксом. Примеры глаголов без -ся: «дображничать ... Довести себя бражничаньем до чего-либо неприятного. Он до того дображничал, что слег в постель» (98); «добрюзжать ... Брюзжанием доводить до неприятности» (332); «добуянить ... Буянством довести себя или других до неприятности» (332); «двороваль ... Воровать до чего-либо. Доворовал до того, что попался в тюрьму» (335); «догрешить ... греша дойти до чего-либо крайне неприятного» (337); «дошуметь ... Шумом довести себя до какого-либо неприятного последствия. Пьяный дошумел до того, что его принуждены были прогнать» (369), это же значение отмечается у глаголов дохвастать и дохворать (367). Примеров параллельного использования глаголов с -ся и без него немного, ср. доплакать — «Плачем довести себя до чего-нибудь неприятного» и доплакаться — «1) то же, что доплакать. Бедная вдова доплакалась до чахотки» (353); допрыгать — «Неумеренным прыганьем довести себя до чего-либо неприятного. Допрыгать до беды» и допрыгаться — «то же, что допрыгать» (355). Пример глагола с постфиксом: додружиться — «дружась дойти до чего-нибудь худого» (338).

Материал словаря позволяет высказать некоторые предположения о характере и времени появления глаголов этого типа. Поздняя фиксация глаголов со значением отрицательного результата, свидетельствует о том, что этот тип моложе результативных («положительная» результативность) и комплетивных глаголов (правда, их отсутствие в памятниках и словарях может быть объяснено их просторечным характером, но, как увидим ниже, есть и другие аргументы в защиту предположения об их позднем происхождении: словообразовательного и сравнительно-исторического характера). Семантика глаголов, отмеченных в словаре 1847 года, говорит, что базой образования нового типа были слова, обозначающие отрицательно оцениваемое

³⁶ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 7, М.—Л., 1952, стр. 529.

³⁷ Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века; Глагол, наречие, предлоги, союзы, М., 1964, стр. 94.

³⁸ Словарь церковнославянского и русского языка, составленный II отделением Императорской Академии Наук, 1847, т. 1.

мые действия: *бражничать, брюзжать, буянить, воровать, грешить, шуметь* (глагол *прыгать* — откуда *допрыгаться* — берется не в прямом значении, но обозначает какую-то энергичную отрицательно оцениваемую деятельность). От таких глаголов путем префиксации были образованы результативные глаголы, в период образования глаголов типа *допрыгаться* разряд, очевидно, еще продуктивный. О невозможности происхождения данного разряда от комплетивных глаголов свидетельствует различие их словообразовательной базы: глаголы типа *допрыгаться* образуются от глаголов в их неактуальном значении, глаголов-характеристик. Оформление постфиксом происходило по аналогии с соответствующим процессом у глаголов с «положительной» результативностью. Отрицательная семантика исходных глаголов привела к появлению нового значения у результативного типа, на это обратил внимание Б. Н. Головин³⁹. По аналогии к локальным и комплетивным глаголам этот тип оформился предложным сочетанием со значением итога-результата (ср. конструкции-модели глаголов этого типа: *довести себя до чего, дойти до чего* — см. толкования глаголов в словаре 1847 г.). Именно эта разновидность результативных глаголов сохранила продуктивность в настоящее время — особенно в разговорном языке и просторечии.

Таким образом, процесс эволюции глаголов с приставкой *до-* в русском языке может быть представлен в виде следующей схемы:



10. Отмеченные три главных (кроме локального) значения глаголов с приставкой *до-* по-разному представлены в других славянских языках. Они есть в украинском языке: 1) «положительная» результативность: *добути, добудитися, довідатися* (узнавать о чем-то), *довірити, довершити, догадатися, догодити* (во многих случаях приставка деэтимологизировалась); 2) ком-

³⁹ Б. Н. Головин, ук. раб., стр. 146.

плетивность: *доварити, довікувати* (дожить), *дограти, догребти*; 3) «отрицательная» результативность: *довоюватися, догавкатися, догарцюватися* (допрыгаться); в белорусском языке: 1) «положительная» результативность: *дагнаць, дадумацца*; 2) комплетивность: *дакасіць, дакрыць* (кончить крыть), *дакурыць*; 3) «отрицательная» результативность: *дакасіцца, далазіцца, даездзіцца*. Эти же три значения отмечены в польском языке: 1) «положительная» результативность: *domyślić się, dostukać się, dodzwonić się, dowołać się, dopytać się*; 2) комплетивность: *dosiedzieć, dożyć*; 3) «отрицательная» результативность: *doigrać się* (хоть словарь Дорошевского⁴⁰ и выделяет это значение у глаголов с *do-*, в польском языке, как представляется, этот тип малопродуктивен). Отсутствуют глаголы со значением «отрицательной» результативности в чешском и словацком языках.⁴¹ Из южнославянских языков рассмотрим соответствующие образования в болгарском. Здесь представлены результативные глаголы (с нередкой деэтимологизацией), ср. *доверя, догада се, догоня, докажа, допитвам се* (посоветоваться, ср. укр. *допитатися* — разузнать), *досада*. Деэтимологизация ряда глаголов и наличие их в ряде славянских языков делает правдоподобным предположение об их давнем, возможно, праславянском происхождении. Часты в болгарском языке комплетивные глаголы, ср. *добеля* (дочистить), *добия, добляжа* (долизать), *добоая* (дососать), *добръсна* (добрить), *довеза* (докончить вышивку), *доплача, достоя* и т. д. Но типа с отрицательной результативностью болгарский язык не знает. Мы не ставили своей задачей в этой статье рассмотрение словообразовательных типов с приставкой *do-* в современных славянских языках и истории их возникновения. Но и приведенные краткие справки, как представляется, могут служить подтверждением основных положений, полученных из анализа русского материала:

1) результативные глаголы с *do-* составляют древний слой славянской глагольной лексики, для современных славянских языков этот способ перестал быть продуктивным, результативные глаголы сохраняются в виде лексикализованных, нередко деэтимологизованных единиц;

2) комплетивные глаголы — живой и продуктивный тип современного славянского глагольного словообразования;

3) глаголы со значением «отрицательной» результативности являются поздним продуктом развития глаголов рассматриваемого типа.

⁴⁰ Słownik języka polskiego, t. 2, Warszawa, 1960, стр. 157.

⁴¹ М. Пушкар, Зворотні слова з префіксом *do-* у чеській та інших слов'янських мовах (Питання слов'янської філології, вип. 1, Львів, 1960), стр. 48; Eila Sekaninová, Slovesná predpona *do-* v ruštině a slovenčine (Ceskoslovenská rusistika, XVI, 1971, 5), стр. 197.

ИСТОРИЯ РУССКИХ ФИНИТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

Э. М. Джемакулова, П. С. Сигалов

1. Термин «финитивное» значение был введен Ф. Ф. Фортунатовым¹. Им он обозначил семантику глаголов, образуемых приставкой *от-*, типа *отобедать*: эти глаголы имеют значение «прекращения признака». В классификациях способов действия современного русского языка этот разряд глаголов последовательно выделяется. А. В. Исаченко относит глаголы типа *отобедать*, *отужинать*, *отдежурить* к финитивному оттенку результативной совершаемости². Ю. С. Маслов считает этот разряд особым — финитивным (или cessативным, ср. *cessare* — прекратить) способом действия³, так же поступает А. В. Бондарко⁴. Иногда этот разряд включают в т. н. окончательный подвид совершенного вида, наряду с глаголами типа *спеть*⁵. Последнее представляется неудачным, т. к. при этом утрачивается специфика глаголов типа *отдежурить*, кроме того, они иногда выступают и в несовершенном виде. Джуро Грубор этим термином называет глаголы (сербского языка), в которых «выражается завершенность последней части действия: *гради — догради кућу* «строит — достроил дом»⁶. Представляется более правильным для глаголов типа рус. *отзвонить*, *отдежурить* оставить термин «финитивные», а для глаголов типа рус. *достроить*, серб. *доградити* использовать термин «комплетивные глаголы», (см. о них статью в этом сборнике). В данной работе термин «финитивные

¹ Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1910 г., стр. 16.

² А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, т. II, Братислава, 1960, стр. 245.

³ Ю. С. Маслов, Система основных понятий и терминов славянской лингвистики, В сб.: Вопросы общего языкознания, изд. ЛГУ, Л., 1965, стр. 76.

⁴ А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, Русский глагол, Л., 1967, стр. 18.

⁵ См. из работ, вышедших в последнее время: О. С. Ахманова, Словарь лингвистических терминов, М., 1966, стр. 76.

⁶ Джуро Грубор, Из книги «Видовые значения». — В сб.: Вопросы глагольного вида, М., 1962, стр. 74

глаголы» (финитивы) используется применительно к глаголам со значением «полного прекращения действия, замкнутого в сфере субъекта», как говорится в Академической грамматике, где также выделяется финитивный способ действия⁷.

2. В современном русском языке финитивы представляют собой продуктивный тип глагольного словообразования. Эти глаголы обозначают не просто достижение результата действия, а полное прекращение действия, причем предполагается, что субъект находится как бы вне данного действия (что предполагает функционирование этих глаголов лишь в совершенном виде), повторное занятие данным действием в ближайшее время либо вообще не предполагается. В связи с этим можно выделить два разряда финитивных глаголов, различие между которыми обусловлено, прежде всего, значением производящих глаголов: 1) действие закончено и прекращено, немедленное повторение действия невозможно, ср. *отобедать, отгреметь, отбурлить, отговорить*. Этот оттенок обычен у глаголов со значением физического действия, глаголов, обозначающих речь и различные звуковые явления; 2) действие (точнее — действия) прекращено из-за невозможности его продолжать, ср. *отбегать, отплавать, отгрусить, отвоевать*. Для подчеркивания полного прекращения действия нередко используется слово «свое» (очевидно, результат опущения существительного в сочетании «свое время»), ср. *На кораблях мы с тобой, Григорий Прохорович, свое отплавали... Бандура это, а не корабль* (Л. Соболев, ССРЛЯ, 8, 1529⁸). В этом же значении может выступать и возвратная форма, ср. *Нет, брат, — сказал Саблин, — не по плечу теперь подвиги Жолудеву. Отплавался его .. «Орион»* (Н. Асанов, ССРЛЯ, 8, 1530). Сходное употребление для сосредоточения действия на субъекте можно отметить и в предыдущей группе ср. *Они уже отсеяли — Они уже отсеялись*. С этим оттенком выступают обычно дериваты глаголов, обозначающих привычное, часто выступавшее действие (он возможен и у глаголов первой группы) ср. примеры использования С. Есениным этого, столь характерного для его поэтики, разряда слов: *С чьей-то ласковости внешней отгрусил я в синей меле...; Я кричу им в весенние дали: «Птицы милые, в синюю дрожь Передайте, что я отскандалил...»; Отцвела моя белая липа, Отзвенел соловьиный рассвет; Нынче юность моя отшумела...; Мир тебе, отшумевшая жизнь; Слишком были такими недавними Отзвучавшие в сумрак года; Отзвенел давно звеневший сад; Все равно любящая отцветет черемухой; Отгрусил, отплакал дождь осенний...*

⁷ Грамматика современного русского литературного языка, изд. АН СССР, М., 1970, стр. 347.

⁸ Словарь современного русского литературного языка (ССРЛЯ), М., т. 8, 1959.

В «Словаре современного русского литературного языка» (ССРЛЯ) приводится свыше 180 глаголов с финитивным значением. Еще более велико количество финитивов в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. Все это свидетельствует о значительной продуктивности глаголов рассматриваемого типа. Можно отметить, что они образуются от глаголов следующих семантических разрядов (среди примеров приводим и слова, взятые из словаря Даля): 1) от ненаправленных глаголов движения, ср. *отплавать, отбегать, отлетать*, а в отдельных случаях — и от других глаголов движения, ср. *отшагать, отпрыгать, оттанцевать*. Как представляется, глаголы ненаправленного перемещения, ср. *носить, возить*, менее способны к образованию финитивных дериватов, хотя такое употребление и не исключается. Во всяком случае, непереходность — сосредоточение действия в самом субъекте — является если не обязательной, то преимущественной чертой глагольной базы, дающей финитивные образования; 2) наиболее активно образуются глаголы финитивного способа действия от глаголов, обозначающих длительные либо постоянные действия, деятельность субъекта как его характеристику, они обычно непереходны и близки к глаголам состояния, поэтому мы объединяем здесь эти две группы, ср. *отболеть, отбушевать, отбунзить, отвеселиться, отладеть, отдремать, отдружить, отжить, откичиться, откняжить, отмяться, отмодничать, отплотничать*; 3) от глаголов речи (от непереходных глаголов либо от глаголов в непереходном употреблении), ср. *отбалагурить, отбеседовать, отговорить, отгнусить, откартавить, откричать*; 4) от глаголов, обозначающих различные звуковые явления, ср. *отбарабанить, отгреметь, отзвонить, откудахтать, отмяукать, отохать*. Эти четыре группы исходных глаголов являются наиболее активной базой словообразования финитивных глаголов. Можно, очевидно, сказать, что от любого глагола, входящего в состав этих четырех семантических разрядов, может быть образован финитивный глагол; 5) от глаголов со значением физического действия финитивы образуются реже. Этому препятствует, во-первых, переходность многих глаголов такого типа, во-вторых, наличие у некоторых из них приставки *от-* с локальным или иным значением. Поэтому такие глаголы, как *откопать, отварить, отделать, отколоть, оторвать*, не выступают в качестве финитивов (этот факт может служить, кстати, доказательством позднего происхождения финитивного значения приставки *от-*). Но ср., с другой стороны, финитивные глаголы *откадить, отсеять, отстрелять*. В диалектной речи примеров глаголов такого типа больше, ср. приводимые в словаре Даля *отборонить/отборонивать, отбрызгаѣть, отвить/отвивать, отглодать/отгладывать, отжать/отжинать, отковать/отковывать, откоптить, отловить, отмазать/отмазывать, отмесить* и т. д. Е. А. Земская во многом права, когда пишет:

«Потенциально приставка *ot-* может придавать финитивное значение почти любому глаголу несовершенного вида, что находит отражение в большом количестве новообразований, которые по мере надобности создаются в устной речи и в художественной литературе»⁹. Но эта свобода ограничена или исключена для некоторых семантических классов глаголов. Так, глаголы со значением физического действия нередко не дают финитивных образований. Не образуются финитивы от каузативных и инхоативных глаголов. Это объясняется, очевидно, особой судьбой дериватов этих глаголов с приставкой *ot-* (см. об этом ниже). Что касается грамматических ограничений, то финитивы образуются лишь от глаголов несовершенного вида, преимущественно непереходных. Финитивы, как правило, одновидовы. В редких случаях они дают формы несовершенного вида, ср. *otgorieť* — *otgorać*, *otcwesti* — *otcwestać*. Судя по словарю Даля (примеры см. выше), в диалектах видовые пары финитивных глаголов встречаются чаще.

3. Польский лингвист В. Сьмех в статье, посвященной семантической эволюции приставки *od-* в польском языке¹⁰, говорит о пяти основных значениях глаголов с этой приставкой в современном языке: 1) удаление, отделение, отрыв: *odbiec*, *odciągnąć*; 2) исполнение, окончание чего-либо: *odcelebrować*, *oddeklamować*; 3) ответ, ответное действие: *odbąknąć*, *oddepeszować*, *odpisać*; 4) возвращение к предыдущему состоянию: *odbudować*, *odchudzać*; 5) к пятой группе он относит глаголы, которые являются антонимами к образованиям с приставками *za-*, *przy-*, не определяя их семантики: *odkryć*, *otworzyć*, *odemknąć*. Он устанавливает временные соотношения между первыми четырьмя семантическими разрядами. Первое — локальное — значение является исходным, здесь выделяется, прежде всего, локальная функция приставки при глаголах движения — *odbiec*, *odejść*. Другие глаголы с приставкой в отделительном значении были созданы по образцу глаголов-моделей, глаголов с обобщенным значением. Так, по его мнению, глаголы *odcedzić*, *odciosać* созданы по образцу глаголов *oddzielić*, *odjąć* и обозначают *oddzielić cedząc*, *ociosząc*. Глаголом-моделью, типовым для второй группы, он считает *odbyć*, который первоначально обозначал «удалять от себя, удаляться, освобождаться». Это значение изменилось в «выполнить, закончить», ср. фразу *odbyć praktykę*. По этому образцу возникали глаголы со значе-

⁹ Е. А. Земская, Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке. — В сб.: Исследования по грамматике русского литературного языка, изд. АН СССР, М., 1955, стр. 15.

¹⁰ W. Smiech, Kształtowanie się funkcji semantycznych czasownikowego przedrostka *od(e)-w* języku ogólnopolskim. «Z polskich studiów slawistycznych», seria 3, Warszawa, 1968.

нием исполнения, окончания действия, ср. *oddzwonić, odegrać*. Исходным глаголом для формирования семантики третьей группы был, по мнению В. Сьмеха, глагол *oddać*, который вначале обозначал «дать от себя», а затем получил значение «вернуть». По аналогии к нему возникли *odpłacić, odpowiedzieć*, а затем и *odpracować* и т. д. Четвертая группа возникла в результате калькирования латинских глаголов. Латинский префикс *re-* обозначал и удаление и повторное действие. Польский язык первое значение выражал префиксом *od-*, поэтому и второе значение при калькировании передавалось при помощи этого же средства. Этим объясняется появление в польском языке глаголов *odnawiam* (ср. лат. *renovo*), *odradzam* (ср. лат. *renascor*). Таковы этапы семантической эволюции приставки *od-* в польском языке. Последовательность описания значений соответствует хронологии их появления. Жаль только, что В. Сьмах не подтверждает свои положения фактами памятников польского языка. Кроме того, вполне вероятно, что некоторые из этих значений развились еще на почве праславянского языка.

Среди польских глаголов с приставкой *od-*, приводимых В. Сьмахом, к финитивному способу действия наиболее близок второй разряд — глаголы со значением выполнения, окончания действия (*oddzwonić, odegrać*). Но польские глаголы могут обозначать лишь прекращение конкретного действия, полного же, окончательного прекращения действия они не обозначают. Исключение составляет лишь устаревший глагол *odżyć*, имеющий это значение в силу своей семантики (и, возможно, *odkochać (się)*). Возникает вопрос: не является ли этот глагол либо глаголы подобного типа источником появления в русском языке особого разряда глаголов со значением полного прекращения действия?

Изучение появления и формирования финитивного класса глаголов в русском языке и составит содержание этой статьи.

4. Исходным значением приставки *ot-*, а тем самым и глаголов, образуемых с ее помощью, было значение «удаления, отделения». Это значение фиксируется во всех славянских языках и восходит к праславянской эпохе. В русском языке этот тип широко представлен уже в первых памятниках и сохраняет свою продуктивность вплоть до настоящего времени. Так, в памятниках XI—XIV вв. отмечены такие локальные дериваты от глаголов движения и перемещения: *отъбегати, отъвести, отъгнати, отънести*, от глаголов со значением физического действия: *отъбити, отъвити, отъразити, отъринутити, отърубити, отърЕзати, отъсълати*. Глаголы других семантических групп с локальной приставкой *ot-*, судя по нашим материалам, в языке XI—XIV вв. не представлены. Очевидно, приставка, первоначально выступавшая с глаголами движения и перемещения и уточняв-

шая локальную характеристику действия (см. в предыдущей статье описание предложно-приставочного оформления славянских глаголов, иллюстрируемое как раз на примере предлога-приставки *ot-* в работах чешских лингвистов Ф. Травничка и И. Немца), затем была использована для локальной характеристики физического действия. Такой глагол с приставкой обозначал удаление, отделение какого-либо объекта с помощью этого действия. Промежуточным звеном могли служить переходные глаголы перемещения типа *отвести*, *отнести*. Впоследствии локальные дериваты по аналогии возникали и от глаголов других семантических групп. Ср. глаголы состояния: **отстояти**: *А какъ обозъ учреждали тогда Его Величество изволилъ Ездитъ къ колодцу, которой от обоза отстоялъ верстахъ въ пяти...* (Походный журнал 1722, ДРС¹¹); глаголы, обозначающие разного рода человеческую деятельность: **отвыкнуть**:

Волъсви пришедъше отвыкнуть влзшвления и навыкнуть блразоумия (Ефрем Сирин, XIV в., СМ, II, 778); **отгуляти** (по аналогии к глаголам движения): *И рад бы шол да простился, с кем вчера побранился. И как мне Савушке не плутовать, а от цепи не отгулять* (Сказание о попе Савве, XVII—XVIII вв., ДРС); **отписать**: *А афицеровъ можешь достать.. из молодыхъ, которыя кроютца... А буде которых не могутъ найти, у тЕхъ вели деревни отписать, не такъ, какъ въ РозрядЕ дЕлаютъ: отпишутъ на недЕлю, да опять отдадутъ* (Письма и бумаги Петра I, 1708, ДРС), глагол образован по типу *отобрать*; **отдержати**: *А что Ваша любовь учинили и порадеЕли, татаръ велЕли отвести от Турского и противъ итти ему и отъ него ихъ отдержали, чтобъ они противъ насъ не ходили..* (Памятники дипл. сношений с Римской империей, II, 1596, ДРС), *Отдержи мысль* (о любви), *донеле зло тя не постиже* (История о Париже и Вене, XVIII в., ДРС). По вполне понятным причинам локальный тип словообразования в других семантических разрядах слов, кроме классов движения, перемещения и физического действия, не получил распространения.

Интерес представляет небольшая группа глаголов, которым противостоят дериваты с приставкой *за-*, ср. пары *открыть* — *закрыть*, *отомкнуть* — *замкнуть*, *отворить* — *затворить*, *отпереть* — *запереть*, *отгадать* — *загадать*, *откопать* — *закопать*. В. Сьмех выделяет особо значение приставки *od-* в этих образованиях (польского языка), не давая, впрочем, им семантической характеристики и предполагая, что исходным здесь является локальное значение. Эти глаголы есть в ранних памятниках русского языка, представлены они и в других славянских языках, ср. укр. *відкрити*, *відчинити*, *відперти*, *відгадати*, *відко-*

¹¹ Об условных обозначениях этой статьи — см. предыдущую работу. В примерах титла раскрыты, надстрочные знаки вынесены в строку.

nati; пол. *otworzyć, odemknąć, odgadnąć* (и *zgadnąć*), *odkopać*; серб.-хорв. *отворити, открити, отклонити* (открыть, отпереть), *откопати*; болг. *открива, отгърна* (открыть, раскрыть), *отгърдя* (расстегнуть пуговицы на груди), *отгадая*. Сходные образования существуют и в балтийских языках, ср. литовские глаголы (с приставкой *at-, ati-*): *atidaryti* (открыть, раскрыть), *atsivėrti* (открыться), *atskleĩsti* (раскрыть, обнаружить), *atspė̃ti* (отгадать). Инославянские и балтийские факты дают основание отнести этот разряд, по крайней мере, к праславянской эпохе, что делает более достоверным предположение о связи этого значения приставки с локальным. Последнее вытекает из семантического анализа группы. Локальное значение приставки включало как удаление субъекта/объекта, так и отделение объекта. Именно второй оттенок локального значения послужил, как представляется, первоисточником этого ответвления глаголов с приставкой *от-*, ср., например, функцию отделения в таких современных славянских глаголах с локальной приставкой: рус. *откинуть, оторвать, отвернуть*; серб.-хорв. *откинути, одврнути*; любопытно болг. *отгъна* — 1) отогнуть 2) открыть, развернуть. Таким образом, нет необходимости специально выделять (речь идет об историческом плане) это значение: этот разряд составляет часть общей группы локально характеризованных глаголов.

К локальному же значению примыкает и небольшая группа глаголов с приставкой *от-*, образованных от инхоативных, стальных и каузативных глаголов, ср. *отволгнуть, отмокнуть* (и *отмокать*), *отморозить, отмякнуть, стопреть, отсыреть*. Первоначально приставка имела здесь локальное значение, глаголы обозначали отделение чего-либо в результате процесса, выраженного исходным глаголом. Такое значение могло превратиться в результативное, на это обратил внимание уже А. Х. Востоков¹². Ср. два значения — локальное и результативное — в современном глаголе: *Но в свой черед с деревьев обветшалых осенний лист, отвянувши, падет* (Жуковский) — *Пахнет загнивающими в сырой земле корнями отвянувших цветов, дымом дальних пожарниц* (Фадеев), оба примера — ССРЛЯ, 8, 1303. Вполне возможно, что к такого рода глаголам (особенно переходным) восходит небольшая группа глаголов со значением болезненного результата какого-либо процесса. Это обычно образования от стальных глаголов: *отлежать* (руку), *отсидеть* (ногу), ср. также *отходить* (ступню) и некоторые другие. Ср. в словаре 1847 г.¹³ *отсушить* — «... поражать сухою». *Отсуши мне бог руки и ноги, если я лгу...»* (III, 132).

5. Глаголы движения с приставкой *от-* обозначали удаление

¹² А. Х. Востоков, Русская грамматика, изд. 12, СПб., 1874, стр. 81.

¹³ Словарь церковнославянского и русского языка, составленный II отделением Императорской Академии Наук, 1847.

субъекта, глаголы перемещения и физического действия имели значение отделения, удаления объекта. Дальнейшей эволюцией семантики рассматриваемого глагольного типа было появление нового варианта локального значения — значения отделения самого действия, это значение реализовалось в двух направлениях: 1) значение прекращения, завершения действия, значение, близкое к результативному 2) значение ответного действия, действия-реакции. Вполне возможно, что мостиком между локальным значением и значением ответного действия были глаголы *отдать, отдарить*. Именно такое предположение высказывает В. Сьмех: глагол *oddać* первоначально имел локальный оттенок (= дать от себя), а затем получил значение «возвращать». Факты древнерусского языка также свидетельствуют о такой эволюции семантики *отдать* (ср. использованный О. Э. Мандельштамом архаический оборот с локальным значением: *Здесь жены проходят, даруя От львиной своей красоты*). Нельзя, впрочем, и отбросить возможность появления значения действия-реакции непосредственно у глаголов речи, семантика которых предполагает их функционирование в качестве ответных действий. Глаголы речи чаще других разрядов дают образования с приставкой *от-* со значением ответного действия в древнерусском языке. Но если учесть, что в славянских языках функционирует древняя группа глаголов речи с приставкой *от-*, имеющих значение отвергнутого действия, ср. др.-рус. *отказати, отречи/отрицати, отггашати*, укр. *відмовити*, пол. *odmówić*, предположение В. Сьмеха окажется более предпочтительным. Отметим наиболее ранние примеры глаголов со значением ответного действия в русском языке: **отъславляти**: *Прославляему оцемь и отъславляющУ оца* (XIII слов Григория Назианзина, XI в., СМ, II, 812); **отъвытися**: ответить воем на вой: *Идучема же има, стаща начлЕгу и яко бысть полунощи, и вставъ Бонякъ отъЕха от вой и поча выти волчьскы и волкъ отвыся ему, и начаша волци выти мнози*¹⁴; **отъдавати**: *Врема не име пЕНАзи отдавати, а своего заклада просити* (Псковские судные грамоты, XIV, СМ, II, 784); **отъмьстити**: *Вложи Бъ в срдце Довмонтоу ... отъмьстити кровь хръстьяньскую* (Новг. I летопись, СМ, II, 800); **отъжечися** — сжечь в отмщение: *Оже есте мои Городецъ пожгли и божницю то я ся отожгу противу* (Ипатьевская лет., 1425, СМ, II, 787); ср. также **отъвѣчати, отъдарити, отъмьвити, отъзъвати, отказати, отъпѣвати**, выступающие в памятниках со значением ответного действия. Состав глаголов этого типа, как видим, иной, чем в случае локальной функции приставки: здесь выступают, прежде всего, образования от глаголов речи и близкие к ним по значению (*нЕти,*

¹⁴ Повесть временных лет, т. I, М.—Л., стр. 179.

выти), в редких случаях — глаголы со значением действия (*дати, дарити, жечи, мьстити*).

В дальнейшем словообразовательный тип со значением ответного действия в русском языке стал малопродуктивным. Глаголы этого разряда существуют сейчас в виде деэтимологизованных (*ответить*) либо архаических единиц (*отказать* в значении «завещать», ср. белор. *адказаць* — «ответить», *отписать* в значении «ответить на письмо», ср. белор. *адпісаць*) единиц. Лишь в редких случаях значение ответного действия ощущается в современном глаголе, ср. *отблагодарить, отплатить, отработать* (в значении «компенсировать что-либо своим трудом»), в меньшей мере — *отомстить*, ср. в «Словаре Академии Российской»¹⁵ одно из значений слова *отслужить*: «... отслуживаю кому за оказанную услугу» (IV, 558). Вряд ли верно следующее мнение: «Продуктивность этого типа возрастает к 40-м годам XIX в., когда круг производящих их основ расширяется»¹⁶. Почти все глаголы, приводимые в подтверждение этого, представляют собой аналогические образования к глаголам с локальной приставкой, ср. ... *думая, что отстращает его* (Герцен) = отгонит, «страшая», ср. *отпугнет; хоть два только талера, да отспорил у ней* (Достоевский) = отобрал, отыграл, споря. Здесь происходит своеобразная универбация, сжатие словосочетания, состоящего из глагола, обозначающего, так сказать, типовое действие (*отогнать, отобрать*), и слова, которое указывает на способ осуществления этого действия (*страшая, споря*). На материале польского языка эту проблему рассматривал В. Сьмех¹⁷. Приведенные выше глаголы не обозначают действие, производимое в ответ на такое же или другое действие. Лишь один глагол в этом перечне обозначает ответное действие: *Они тебе напакостили, а ты им отпакости* (Сологуб), где актуализованное употребление приставки (*от-* противопоставлено *на-*) способствует выявлению ответного действия.

6. Результативное значение явилось продуктом дальнейшей эволюции глаголов с приставкой *от-*: локальное значение приставки в сочетании со значением глаголов типа *алкати, сЕДЕти, слушати, служити* (а именно такие дериваты ранее всего выступают в результативном значении), т. е. в сочетании с глаголами состояния либо близкими к ним т. н. эволютивными глаголами, обозначающими действие как сплошной, не состоящий

¹⁵ Словарь Академии Российской, СПб., ч. I — 1789, ч. II — 1790, ч. III — 1792, ч. IV — 1793, ч. V — 1794, ч. VI — 1794. Часть и страница указываются в тексте.

¹⁶ Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Глагол, наречие, предлоги, союзы, М., 1964, стр. 169.

¹⁷ Rozprawy Komisji językowej, tom XI, Łódź, 1965.

из отдельных актов процесс, — привело к появлению значения — «отделение, прекращение действия». Ср. ранние примеры фиксации таких глаголов: **отъалкати, отъалковати** — окончить пост: *До възглашения курья отъалкъавъше, свитаЮшти едною отъ сУбогъ, еже есть недЕла* (Изборник, 1073, СМ, II, 772); *ЛЕпо е вЕрньнымъ до полоуноштьнааго чяса отъалковати* (там же); **отъпЕти**: *Си слышавъ Лазорь повелЕ еи на литургии престоати оу двѣрии цръквъньныхъ да егда отъпоють сътворять еи мѣтвоу маслѣмъ дрвнянымъ помажють еи роукою* (Сказание о Борисе и Глебе, СДР); **отъслоужити**: *Аще кто хоцеть причаститисА бжствьныхъ стнь рекше прѣстао тЕла и прстыя крѣве Га нашего Ис Хса да придетъ въ цръвь и отслоужившаго свАтителА да приметъ причащение* (Рязанская кормчая 1284, СДР); **отъсЕдЕти**: *а отъсидЕвъ свои (годы) ини потАнут мнЕ в дан своєю братьею по силЕ* (Жалованная грам. в. кн. Вас. Дмитр., 1392, СДР); **отъслоушати**: *а се егда поють въ цръкви прІ томъ пЕньи не подобаетъ себе пЕти ничтоже аще ли нІ своего. что отпоеть ни послушающих добрЕ отслушаетъ но отпЕти собе перед или а послЕ* (Златая цепь, конец XIV в. СДР).

Результативные глаголы с приставкой *от-* обозначают завершение, прекращение какого-то конкретного эволютивного действия, при таких глаголах обычны ограничители, указывающие на меру, время, в течение которого происходило это действие. Такого рода глаголы можно назвать результативно-финитивными. В произведениях XV—XVII вв. количество таких глаголов увеличивается. Это в значительной мере объясняется нередким отсутствием стабильных результативных (resp. видовых) пар типа простой глагол — приставочный глагол¹⁸, что создавало возможность появления результативных вариантов какого-либо глагола, часть которых впоследствии устранялась либо дифференцировалась по семантике или употреблению. Так, в памятниках XV—XVII вв. представлены результативно-финитивные глаголы с приставкой *от-*, образованные от глаголов следующих семантических групп:

1) глаголы состояния: кроме **отъсЕдЕти**, отмеченного ранее, укажем **отъжити**: *А не отживемъ мы тЕхъ лютныхъ дву годов и деревни не розчистивъ и поль не огородивъ* (Архив Строева, I, 1576, ДРС); ... *а какъ я Михайло у нихъ хозяевъ своихъ тЕ урочные три годы отживу и работу свою отработаю по добру, и имъ хозяевамъ меня Михайла съ двора отъ себя отпустить*...

¹⁸ См. об. этом: Е. А. Бахмутова, Развитие видовой соотносительности в русском языке, Казань, 1962.

¹⁹ И. Нордстет, Российский с немецким и французским переводами словарь, СПб., ч. I — 1780, ч. II — 1782. Финитивные глаголы во втором томе.

(Акты юридич. быта, 1687, ДРС); **отъвладЕти**: *А какъ онъ Марка того землею тЕ урочные пятьдесятъ лЕтѣ отъвладЕетѣ, и я ЛеонтЕи тЕхъ денегъ ... ему не заплачу ...* (Акты юрид. быта, II, 1693, ДРС); ср. также **отъбытися** — исчезнуть, перестать существовать — *Все погыбе, все отбысА* (Слова Афанасия Александрийского на ариан, XV в., СМ, II, 773);

2) глаголов со значением физического действия немного, ср. **отъкрасити**: *отъ иконы ... окладѣ и вЕнецѣ вычистилѣ и открасилѣ* (Забелин, О металлическом производстве в России до конца XVII в., т. V, вып. I, ДРС); **отъкипЕти**: *просол такѣ делаи возми крестецѣ вымачивай пят часов приставѣ в горшке а будетѣ нетѣ обвей в полотенцо а когда откипитъ вый почисти положи петрушки* (Артикул поварня, XVIII в., ДРС); несколько глаголов такого типа имеют общее значение действия, ср. **отъдЕйствовати**, трижды отмеченный в Картоотеке словаря русского языка XI—XVII вв., причем все случаи у одного автора (Арсений Суханов, XVIII в.), ср. *Аще есть дІакон, то идетѣ, цЕловавѣ руку, въ церковь вместЕ съ попомѣ, и пришедѣ въ церковь, говорятѣ входѣ, и облачася, дЕиствуютѣ проскомидІю по чину, и отдЕиствовавѣ ю, покроютѣ, и отпуст творитѣ у жертвенника, и ждуть патриарха; Вопрос (Арсения патриарху): Священникѣ, отдЕиствовавѣ, аще долго ждеть царя или патриарха, а изыметь его нужда тЕлесная, какѣ подобаетѣ быть разоблачася ль ему вонѣ выдти или въ облаченІи? (оба примера — ДРС); **отъдЕлати**, ср. *ВелЕно имѣ иконникомѣ давать подводы до Москвы и кормѣ, а какъ де они у нашихъ дЕлѣ живутѣ на МосквЕ, и безѣ нихѣ де ставятѣ на дворЕхъ ихѣ стояльцовѣ, а какѣ де на МосквЕ, отдЕлавѣ наши дЕла, приЕзжаютѣ къ зиме на Кострому ...* (Забелин, Материалы для истории русской иконописи, док. от 1654, ДРС); ... *велено описать на Черномѣ Яру, сколько на острогЕ наряду, ... и въ житницахъ хлЕбныхъ и кружечного двора всякихъ запасовѣ, и Черноярской городокѣ совсЕмъ ли отдЕланѣ, или что того Черноярского города не додЕлано ...* (Акты исторические, 1667—1672, ДРС); как видим, приставочный глагол выступает здесь в значении, близком к «чистой» результативности, это особенно ощутимо в первом примере, в последнем случае финитивность подчеркивается ее противопоставлением комплетивности;*

4) глаголы, обозначающие различные проявления человеческой деятельности, судя по нашим материалам, нечасто дают результативно-финитивные дериваты, ср., например, **отъписати** (у этого глагола результативно-финитивное значение нередко трудно отличить от значения ответного действия): ... *и Ивану съ ними послати великого князя татарѣ, а съ ними Ивану къ великому князю о всемѣ отписати подлинно, каковѣ его ко царю приЕздѣ, и какъ у царя великого князя дЕло дЕлаетца* (Памятники дипл. сношений Московского государства с Кры-

мом, 1515, ДРС); *И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ отпустили изъ Астарахани съ нашими дЕлы къ намъ къ МосквЕ станишниковъ тотчасъ... и съ ними отписали къ намъ подалино, что нынЕ у васъ в Астарахани дЕетца* (Дополнения к актам историческим, док. от 1635 г. ДРС); *отпоститися: Ихъ же отпостивъшесА начинаите стѣя пасхы недЕлю постАщесА за погибъшия юдея тако бо гсѣ повелЕ намъ поститисА ѣ дни сию юдеиска ради безаконья плакатисА ихъ повелЕвѣ о погибели ихъ ибо и самъ о нихъ прослезисА* (Пандекты Никона Черногорца, XIV в., ДРС);

5) глаголы речи: **отъговорити**, ср. *И вамъ великимъ посломъ мирной посолскою договор во всемъ остерегат и мимо шедшихъ дЕль которые отговорены не вспоминат* (Московские акты, 1635, ДРС); *А что в сеи жалованной грамоте написано, что судить на три сроки, и тЕ сроки отговорены* (Грамоты Важского уезда, 1621, ДРС); **отъкликати**, ср. *ПроповЕдникомъ ихъ откликавше скверную свою молитву, абЕ все воинство скакаху* (Книга степенная, сп. XVI—XVII вв., ДРС); *Во 14 же день февраля мЕсяца Турки откликавше скверную свою молитву начаша в сурмы играти и въ органы и на краи бити и прикотивши пушку и пищали многе начаша бити градъ* (Козмография, нач. XVIII в., ДРС); очень часто используется глагол **отъпЕти** (обычно в сочетании со словами *молебн, вечерню, канон, обедню*), ср. редкий случай его употребления без дополнения: *Женское лЕто по Семенъ день отпЕто* (Пословицы Симони, ДРС). К такого рода употреблению восходит закрепившаяся в языке группа выражений, характеризующих церковные службы, ср. *отпеть (молитву, обедню, вечерню), отслушать (молитву, обедню, вечерню), отслужить (службу), отпоститься, отговореть*. В связи с этим возникает вопрос о стилистических критериях употребления различных типов глаголов с приставкой *от-*, что выходит за пределы этой работы. Не касаясь вопроса о сферах употребления того или иного глагола либо той или иной группы глаголов, отметим лишь, что, как представляется, для русского языка XI—XVII столетий все три рассматриваемых словообразовательных разряда — локальный, ответного действия и результативно-финитивный — были живым явлением.

К результативно-финитивным глаголам примыкает и небольшая группа образований от глаголов с общим значением «есть», ср. *отзавтракать, отобедать, отпировать, оттрапезовать, отужинать*, кроме этих современных глаголов, отметим *отъестъ и отпить* (в результативно-финитивном значении), встречающиеся в памятниках и словарях Ср. *ТрАсесА землА... въ обЕдѣ, а инши оуже БАхоу отобЕдали* (Новг. I летопись, XIII в., СМ, II, 804), *отъЕсти* и *отъпити* в «Златой цепи» (XIV в., СДР). Вряд ли можно отнести эти глаголы к стилистически маркированным,

церковнославянским образованиям и связать их с предыдущей группой (*отпеть, отслушать*): они нередки в разговорном контексте: *И Парасковья ей молвить я де твоего мужа недавно видела на улицы перед обедом и та же Катерина опять сказала в другой рядъ какъ мы отобедали да я легла спат а Маркел пошел в Шаменики* (Акты Александро-Свирского монастыря, 1650, ДРС). В памятниках, наряду, с *отъЕсти*, в результативном значении отмечены *поЕсти* и *съЕсти*. Для выяснения причин закрепления приставки *от-* в качестве результативной у некоторых глаголов этой группы требуется специальное рассмотрение их семантического, стилистического и грамматического функционирования в русском языке.

7. Как свидетельствует материал, приведенный выше, уже с XI в. фиксируются глаголы со значением прекращения действия. Это, так сказать, первая ступень финитивности, глаголы обозначают прекращение какого-то конкретного действия. Это значение нередко близко к собственно результативному, поэтому мы и назвали такие глаголы результативно-финитивными.

Вторая ступень финитивности, значение полного прекращения действия, в памятниках XI—XVII вв. не отмечается, оно появляется, очевидно, позже и представляет собой результат дальнейшего развития глаголов первой ступени финитивности. Проследим, как фиксируется финитивность первой и второй ступени в словарях XVIII века.

В «Лексиконе трехязычном» Ф. Поликарпова (1704) таких глаголов нет. В «Российском целлариусе» Ф. Гелтергофа (М., 1771) приводится лишь глагол *отхотелось* с переводом «*die Lust ist vorher*». Около 15 финитивных глаголов есть в словаре И. Нордстета¹⁹, среди них четыре глагола со значением «есть»: *отзавтракать, отобедать, отужинать, отъесть*, ср. перевод некоторых из них: *отобедать* — *finir le repas*, *отужинать* — *achever de souper*, и т. д. Среди других глаголов — образования со значением физического действия: *отжать, отзвонить, отработать, отсеять, отыграть*; глаголы, обозначающие чувства и разного рода деятельность, ср. *отговорить, отзимовать, отлюбяюсь, отпеть, отпраздновать*. Здесь представлены преимущественно глаголы первой ступени финитивности, хотя некоторые из них, возможно, и могли выступать со значением полного прекращения действия: судить об этом трудно из-за отсутствия примеров, а перевод эти две ступени не отражает. Любопытной особенностью словаря являются видовые пары финитивных глаголов, ср. *отлюбяюсь* — *отлюбится, отслуживаю* — *отслужить, отсеваю* — *отсеять*. В «Словаре Академии Российской» (1789—1794) представлено 18 финитивных глаголов. Это, главным об-

¹⁹ И. Нордстет, ук. соч.

разом, производные от глаголов со значением физического действия (*отыграть, откосить, отмолотить, отплясать, отсосать, отшить*), глаголов, обозначающих деятельность человека (*отговеть, отмолиться, отпеть*). Кроме этих групп, отметим два глагола состояния (*отжить, отстоять*), один глагол речи (*отговорить*), один каузатив (*отсушить*). Почти все глаголы выступают в финитивном значении первой ступени, ср. объяснения и примеры: «отговариваю, отговорил ... 2) оканчиваю, к концу привожу речь, разговор... *Отговорить проповедь*» (II, 150); «отзваниваю... Оканчиваю звон, перестаю звенеть. *Уже к завтрашнему отзвонили*» (III, 28—29); «отыгрываю, отыграл... 2) к концу привожу игру, представление» (III, 196). В словаре уже фиксируются отдельные случаи значения полного прекращения действия, ср. «отживаю, отжил... 1) оканчиваю жизнь. *Отжил свой век, свои дни... 2) живя у кого в услужении и жильцах, оканчиваю определенное или уроченное время*» (II, 1157); «отсасываю, отсосал... 1) перестаю сосать. *Теленок отсосал, пора доить корову*» (V, 697). На примере таких глаголов можно проследить возникновение второй степени финитивности. Вначале — результативно-финитивный глагол с ограничителями типа *месяц, год* (ср. *отжить месяц, год*; именно такое употребление отражено памятниками), затем появляются абсолютные ограничители (типа *свою жизнь, свои дни*). Может быть, этот сдвиг в семантике глаголов типа *отжить* связан с оформляющимся приблизительно в это же время пердуративным способом действия (глаголы с приставкой *про-* типа *прожить, просидеть*), который закрепляется в функции, близкой к той, которую выполнял глагол *отжить* в *отжить месяц, год*. В связи с этим представляется возможным предположение о глаголе *отжить* как типовом глаголе. По аналогии к *отжить* и подобным ему глаголам и другие глаголы с приставкой *от-* получали возможность употребляться в качестве финитивов второй ступени. Любопытно, что именно *odżyć* в польском является единственным глаголом со значением полного прекращения действия. Сейчас это архаизм. В польском языке значение полного прекращения действия не получило развития.

Финитивность второй ступени в русском языке XVIII века, очевидно, лишь начинает формироваться. В «Русской грамматике» М. В. Ломоносова говорится лишь о первой ступени: «Отъ просто значит окончание действия: *отыигралъ*, то есть перестал играть...»²⁰ Среди глаголов (около 50), приводимых в «Словаре Академии Российской» (1806—1822), преобладают финитивы первой ступени. «Словарь церковно-славянского и русского языка» (1847) свидетельствует о широком распространении финитивных глаголов, причем в отдельных слу-

²⁰ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, М.—Л., 1952, т. 7, стр. 530.

чаях обозначается финитивность второй ступени. Очень широко в словаре представлены финитивные глаголы со значением физического действия, много глаголов, обозначающих деятельность человека, речь и звуковые явления, есть несколько глаголов движения: *отбѣгать*, *отползать*, *отпрыгать*, ср., например, *отходить свою очередь* 2) Сделатья неспособным к ходьбе. *Отходили мои ноженьки*» (III, 138); *отъездить* — «1) перестать ездить, окончить езду или отменить поездку. *Ты отъездил на свою долю, пора отдыхать*. 2) Сделатья неспособным к езде. *Отъездили мои сани, дрожжи*» (III, 143). В «Очерках по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.» отмечается продуктивность словообразовательного типа с финитивным значением в XIX веке²¹ (в «Очерках» не разграничиваются две ступени финитивности). Особое распространение получили глаголы со значением полного прекращения действия в XX веке, очень широкое — в разговорном языке.

8. Проследим наличие финитивных глаголов в других славянских языках, выделяя две ступени финитивности.

В словарях украинского языка²² фиксируется главным образом финитивность первой ступени. Регулярно возникают такие образования от глаголов речи и особенно — звука, ср. *відбри́нїти*, *відбубонїти*, *відгомонїти*, *відгрімїти*, *відгудїти*, *віддзвонити*, *відлементувати* и т. д. Нечасты глаголы со значением разного рода действий, ср. *відбомбити*, *відстріляти*, здесь иногда отмечается и финитивность второй ступени, ср. *відпнїти* (Гринченко, I, 222) с примером: *Чом же ви, каже, тату, не п'єте? — Я вже, каже, своє відпнв*. В украинском языке, как и в русском, глаголы такого типа свободно выступают в значении полного прекращения действия. Глаголы, обозначающие деятельность человека как его характеристику, как длительный процесс-состояние, дают обычно финитивы второй ступени, ср. *відгосподарювати*, *відпанувати*, *відцарювати*, от глаголов со значением кратковременной, периодически возобновляемой деятельности обычны финитивы первой ступени, ср. *відвартувати*, *віддежурити*, *віддекламенувати*.

Сходна ситуация в белорусском языке. Здесь нередки результативно-финитивные глаголы со значением физического действия (*адараць*, *аджаць*, *адкасіць*, *адпляскаць*), разного рода деятельности и состояния (*аджыць*, *адмучыцца*), звука и речи (*адбарабаніць*, *адгаварыць*, *адгрукаць*, *адзвінець*, *адкукаваць*). Белорусский язык использует обе ступени финитивности, ср. вто-

²¹ Очерки по исторической грамматике..., стр. 68—69.

²² Были просмотрены «Словарь української мови» Б. Гринченко (т. I, Київ, 1958) и «Українсько-російський словник» (т. I, Київ, 1953).

рую ступень: *адбегаць* — «ён ужо адбегаў сваё»²³, *адвазіць* — «ён сваё адвазіў».

Можно, таким образом, констатировать наличие глаголов финитивного способа действия в восточнославянских языках. Здесь представлены как результативно-финитивные глаголы, так и глаголы со значением полного прекращения действия, причем нередко (обычно это у глаголов со значением движения, физического действия, значительно реже у глаголов речи и звука) одна и та же глагольная лексема может реализовать оба этих значения. Мы не рассматривали здесь специально глаголы финитивного способа действия в украинском и белорусском языках, поэтому не будем говорить о степени его развития в отдельных восточнославянских языках, отметим лишь его наличие в них.

Остановимся вкратце на глаголах с этой приставкой в других славянских языках. Словари современного польского языка²⁴, анализируя семантику образований с приставкой *od-*, не выделяют значения финитивности (ср. близкое к ней значение в классификации В. Сьмеха). Из отмеченных значений ближе всего к финитивному разряд *d*: «*uintensywnienie tego, co oznacza czasownik podstawowy a ujęcie czynności (stanu) jako skutku czego, osiągnięcie skutku...*»²⁵.

Примеры глаголов этого разряда неоднородны и нередко ошибочны, ср. *odholować* (отбуксировать) с локальным значением, то же у глаголов *odliczyć*, *odmierzyć*; к глаголам ответного действия следовало бы отнести *oddziewkować się*. Если исключить эти глаголы, то в рассматриваемом разряде останутся слова с результативно-финитивным и результативным значениями. Последние в отдельных случаях могут иметь дополнительный оттенок «тщательное выполнение действия». Количество собственно результативно-финитивных глаголов в польском невелико. Это отдельные глаголы со значением физического действия (*odkądzić*), глаголы, обозначающие состояние и разного рода деятельность: *odpościć*, *odspiewać*, *odkochać (się)*, устар. *odżyć*, ср. «2) daw. przeżyć przeznaczony czas; przeżyć się, там же *odżyły* — daw. taki, który się już przeżył, przeżyty»; глаголы звучания (*odbęczeć*, *odbębnić*, *oddzwonić*). Образования последнего типа очень редки, так как глаголы, обозначающие звуковые явления, с приставкой *-od* имеют обычно значение ответного действия. Таким образом, можно отметить, что в польском языке результативно-финитивные глаголы представлены в небольшом количестве. Еще реже выступают они в значении полного прекращения действия, ср. лишь *odkochać (się)*

²³ Белорусско-русский словарь, М., 1962.

²⁴ *Słownik języka polskiego*, t. 5, Warszawa, 1965, стр. 638; *Mały słownik języka polskiego*, Warszawa, 1969, стр. 479.

²⁵ *Mały słownik języka polskiego*, Warszawa, 1969, стр. 479.

(разлюбить) и устар. *odźyć*, ср. перевод русских финитивов I и II ступени на польский: *otbégaty*, *otbégatyś* — *nie tóć (nie być w stanie) biegać*; *otweaty* — *skończyć wiać*; *otgorowaty* — *przeostać się martwić*, *otgudery* — *przeostać gwizdać*; *otczarowowaty* — *skończyć rapanowanie*, ср. также перевод глагола, который имеет как значение «тщательной» результативности, так и финитивности: *отгладить* — 1) *odprasować* 2) *skończyć prasować* со...²⁶. Как представляется, можно говорить о слабом развитии финитивного типа в польском языке, о наличии лишь первой его ступени.

Финитивные глаголы есть в южнославянских языках. В болгарском: глаголы звучания: *отбарабана*, *отгърмя*, *отзвъня*, *отзвуча*, *отшумя*; глаголы физического действия: *отжъгна*, *отмеля*; глаголы со значением состояния и деятельности: *отпразнувам*, *отживея*, *отстарея*, *отслужя*, *отговея*, *отгърдя се*. В сербском: глаголы звучания: *одбружати* (отшуметь), *одзвонити*; глаголы физического действия: *одвејати*, *одбуцити* (отбушевать); глаголы состояния: *одбурити се* (перестать дуться), *одједити се* (перестать сердиться).

Это краткое сопоставление русских финитивных глаголов с соответствующими образованиями других славянских языков дает возможность отметить, с одной стороны, общие моменты в параллельном семантическом развитии приставочных образований (ср. болгарский, сербский), с другой стороны, возможность иной эволюции (ср. польский). Вероятно, в польском языке продуктивность типа со значением ответного действия препятствовала развитию финитивных глаголов.

9. В статье сделана попытка обрисовать историю формирования глаголов финитивного способа действия в русском языке. Для этого необходимо было рассмотреть семантическую эволюцию глаголов с приставкой *от-* и место финитивов в этой эволюции. Исконное — локальное — значение приставки *от-*, оставаясь живым вплоть до настоящего времени, претерпевает различные изменения в зависимости от семантического класса глаголов, к которому такая локальная приставка присоединяется. Для глаголов движения это собственно локальное значение. К локальному значению восходят в конечном счете отдельные семантические группы, в которых по-своему реализовалось это общее значение. Отметим среди них глаголы с общим значением «открыть», глаголы с общим значением «отпасть, отделиться в результате какого-либо процесса» (глаголы этого типа могут делокализоваться) и связанные с последними глаголы типа *отсидеть (ногу)*.

Локальная приставка *от-*, присоединяясь к эволютивным глаголам, формировала класс с общим значением отделения,

²⁶ Перевод слов взят из Большого русско-польского словаря, т. I, Москва — Варшава, 1970.

прекращения самого действия. Так появились результативно-финитивные глаголы, глаголы с финитивностью первой ступени. Параллельно формировался класс со значением ответного действия. В. Сьмех предполагает, что он появился в результате семантического сдвига в глаголе *oddać*. Дальнейшей ступенькой в семантическом развитии глаголов с результативно-финитивным значением было появление собственно финитивного значения, значения полного прекращения действия ввиду невозможности его продолжать. Другим ответвлением результативно-финитивных глаголов были глаголы со значением «тщательно выполнить действие», ср. *отделать, отгладить*, восходящие, как показывает материал памятников, к опорному слову «отъдЕлати», ср. один из наиболее ранних примеров фиксации этого значения: *служи вЕрою да правдою безо всАкиА хитрости и безо всАкого лукавства во всемъ ёсдрьскомъ другу не дружи недругу не мсти и волокида бы людемъ ни в чемъ не была всАкого, отДЕланъ с любовью без брани* (Памятники древнецерковной учительной литературы, XVIв., ДРС), другие примеры приведены выше. Так представляется изменение семантики глаголов с приставкой *от-* (мы не касались ряда вопросов, связанных с рассматриваемой проблемой: формирование класса с общим значением «бить», ср. *отдубасить, отдуть, отколотить, отглушить* и т. д., роль приставки как видообразующего средства (особенно у заимствованных глаголов, ср. *отмобилизовать, отрапортовать, отрекомендовать* и т. д.)²⁷, соотношения форм с постфиксом *-ся* и без него).

Как видно из предыдущего, сдвиги в семантике приставки обуславливались взаимодействием ее значения и значения глагола, к которому она присоединялась (ср. судьбу образований от эволютивных глаголов). Вполне возможно, что появление нового значения связано с изменением семантики какого-то отдельного глагола, который становится моделью образования ряда глаголов. В. Сьмех говорит еще об одном источнике формирования нового значения приставки — калькировании. По его мнению, латинские глаголы с приставкой *re-* послужили причиной появления значения «вернуть к прежнему состоянию» у польской приставки *od-*, ср. пол. *odbudować, odnowić, odrodzić*. Сходные глаголы есть и в белорусском (*адбудоваць, аднавіць, адрадыць*) и в украинском языках (*відбудувати, відновити, відродити*), может быть, это в свою очередь, кальки польских глаголов. Любопытно в этом плане одиночное русское *отстроить*, отмеченное впервые словарями XVIII века, а также диа-

²⁷ См. статью А. Н. Тихонова, Префиксальные видовые пары (приставка *от-*), Материалы XXIV научной конференции профессорско-преподавательского состава СамГУ им. А. Навои, Серия филологических наук, Самарканд, 1968.

лекти. и простор. *отживать* в значении «оживать» (ССРЛЯ, 8, 1372), ср. в архангельском говоре существительное *отжив* — выздоровление, «Выражение: *идти, пойти на отжив* — выздороветь. *Лежал на мертвецкую, да пошел на отжив и выздоровел*»²⁸. Эти факты требуют дальнейшего изучения.

После того, как сформировалась группа глаголов с общей семантикой и общим формантом-выразителем этой семантики, новые дериваты могут образовываться по аналогии к ним, причем словообразовательная база может быть значительно расширена. Данное явление может рассматриваться как факт синхронного словообразования: приставка с определенным значением присоединяется к глаголам, в результате чего получается свободное сочетание словообразовательных частей, причем семантика деривата равняется сумме значения приставки и значения исходного глагола.

Приставочные глаголы нередко очень богаты семантически, и одна из задач их изучения заключается в необходимости разграничения индивидуальной семантической эволюции данного глагола и тех его разновидностей, которые являются отражением развития типа с данной приставкой. Это может быть одним из средств разграничения полисемии и омонимии приставочного глагола.

²⁸ А. Подвысоцкий, *Словарь областного архангельского наречия*, СПб., 1885, стр. 113.

К ВОПРОСУ О ЧЛЕНЕНИИ СТАРОСЛАВЯНСКИХ ТЕКСТОВ НА ЗАКОНЧЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Е. И. Гурьева

При изучении синтаксиса как простого, так и сложного предложения старославянского языка сталкиваемся со значительными трудностями, которые в первую очередь заключаются в том, что в древних памятниках текст был сплошной, без ограничения слова от слова, следовательно, и одного предложения от другого. И в этом, как отмечают некоторые исследователи, сказалось влияние не только греческого текста, но и определенной характер средневековых текстов вообще, когда целые абзацы были тесно связаны друг с другом¹. Определению границ предложений нередко препятствовало то обстоятельство, что каждая более или менее самостоятельная единица речи в старославянском языке обычно начиналась с какого-то союза; причем подчинение во многих случаях могло выражаться средствами сочинения. Даже в современном русском языке данный вопрос является актуальным. Сейчас проводится мысль о членении целого текста на определенные речевые единицы, объединенные единством содержания, его общим отвлеченным значением, а также грамматическими средствами — ритмомелодией и союзом².

В настоящей статье мы поставили перед собой ограниченную задачу — рассмотреть вопрос о выявлении внутри единого нерасчлененного текста отдельных сложных предложений, связанных гипотактическими отношениями, в одних случаях более или менее ярко выраженными, в других недостаточно четкими. Этот вопрос также тесно связан с проблемой отграничения сложного предложения от простого и сложноподчиненного от сложносочиненного, так как любой текст представляет собой

¹ См. IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. II. Проблемы славянского языкознания, М., 1962, стр. 213.

² См. об этом подробно в работе И. А. Фигуровского. Синтаксис целого текста и ученические письменные работы, М., 1961, стр. 30—33.

структурное объединение предложений, как простых, так и сложных.

При вычленении сложных предложений с гипотаксисом мы прежде всего основываемся на смысловом единстве и тесной смысловой взаимообусловленности отдельных частей предложения, входящих в сложное единое целое, на наличии грамматических средств связи. При этом необходимо также учитывать контекст и структуру смежных предложений³. Но здесь возникает вопрос, как отграничить самостоятельные смежные предложения от интересующих нас сложных, так как у них в тексте могут наблюдаться сходные связи и отношения. Известно, что сложное предложение нельзя свести к сумме составляющих его структурных частей. Смысловые отношения, существующие между частями сложного предложения, всегда определенным образом грамматикализованы. Например, порядок расположения составных частей и их количество способствуют определению как границ сложного предложения, так и синтаксических отношений между его частями. Кроме того, нередко внутри сложного предложения наличествуют соотносительные слова, которые, помимо своей лексической нагрузки, выполняют грамматическую функцию — они участвуют в грамматическом объединении частей сложного предложения и в выражении синтаксических отношений между ними. Соотносительные слова, как правило, нуждаются в конкретизации своего значения, которая совержится в другой части сложного предложения.

Важным синтаксическим средством для выражения смысловой и грамматической связи внутри сложного предложения являются союзы и союзные слова, хотя в древний период развития языка им была свойственна недостаточная дифференцированность смысловых и синтаксических функций.

Существенную роль в установлении смысловых отношений между частями предложений играет учет такой структурно-формальной особенности, как морфологическая соотношенность сказуемых — глаголов рядом стоящих предложений (соотношенность форм вида, наклонения, форм времени). Например, очевидно, что форма вида глагола-сказуемого одной части может определять форму глагола — сказуемого другой, а замена видо-временных форм в составных частях приводит к изменению в смысловых отношениях сложной конструкции.

Необходимость учета указанных структурных элементов при характеристике сложного предложения подчеркивают исследователи и современного русского и других славянских языков⁴.

³ На это указывают многие лингвисты. См., например, А. Г. Руднев, Проблема бессоюзных сложных предложений в историческом аспекте, В сб.: Вопросы синтаксиса и лексики русского языка, Л., 1965, стр. 117.

⁴ См., например, Н. С. Поспелов, О грамматической природе сложного предложения. В сб.: Вопросы синтаксиса современного русского языка,

Действительно, опираясь на эти критерии, в большинстве случаев тот или иной связный старославянский текст можно разбить на отдельные предложения с гипотактической зависимостью составляющих частей. Для анализа возьмем следующий отрывок: *вниде паки ись въ каперьнаоумъ по дьнехъ. I слоухъ бысть Еко къ томоу не вмЕщаахУ сА ни прЕдь дверьми. I глаше имъ слово. I придУ къ нему носАште ослабленъ жилами. носимъ четырьми. I не могУште пристуПити къ нему за народъ. отъкрышА покровъ идеже бЕ. I прокопавъше съвЕсишА одръ на немъже ослаблены сълежааше. видЕвъ же ись вЕру ихъ. гла ослабленоумоу...* (Мар. 120, Остр. 124, Мр. 2—5)⁵.

В данном тексте отчетливо выделяются следующие простые и сложные предложения, характеризующиеся смысловой и грамматической цельностью: 1) *вниде паки ись въ каперьнаоумъ по дьнехъ* — простое предложение, в котором выражается законченная мысль (перевод: через несколько дней пришел Иисус в Капернаум); 2) *слоухъ бысть Еко въ домоу ест* — сложное предложение, между составными частями которого существуют объектные (или атрибутивные) отношения (перевод: и слышно было (или слух был), что он в доме); 3) *I абье събърашА сА мънози. Еко къ томоу не вмЕщаахУ сА ни прЕдь дверьми* — сложное предложение с зависимой частью, указывающей на следствие, вытекающее из содержания господствующей (главной) части (перевод: и тотчас собрались многие, так что уже и около дверей не вмещались); 4) *I глаше имъ слово* — простое предложение (перевод: и он говорил им); 5) *I придУ къ нему носАште ослабленъ жилами. носимъ четырьми* — также простое предложение (перевод: и пришли к нему с расслабленным, которого несли четверо); 6) *I не могУште пристуПити къ нему за народъ. отъкрышА покровъ идеже бЕ. I прокопавъше съвЕсишА одръ на немъже ослаблены сълежааше* — сложное предложение с двумя атрибутивными зависимыми частями: первая (*идеже бЕ*) определяет имя существительное «покровъ» и присоединяется к господствующей части, во внутрь которой она вставляется, при помощи относительного наречия «идеже»; вторая зависимая часть (*на немъже ослаблены сълежааше*) определяет имя существительное «одръ», стоит после господствующей части и присоединяется к ней при помощи относительного

М., 1950; Т. И. Сильман, Синтаксические связи между предложениями и их значение для структуры отдельного предложения и структуры абзаца. — «Филологические науки», 1965, № 2 и др.

⁵ Нами проанализированы следующие памятники старославянского языка: Маринское четвероевангелие с примечаниями и приложениями И. В. Ягича, СПб., 1883; Остромирово евангелие 1056—1057 года с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, издал А. Х. Востоков, СПб., 1843.

местоимения «на немъже»; 7) видЕвъ же ись вЕрУ ихъ. гла ослабленому... — предложение с прямой речью (перевод: Иисус, увидя веру их, сказал расслабленному...).

Приведенный текст характеризуется тем, что почти перед каждым предложением (простым или сложным) стоит сочинительный союз **и**. Наличие разного рода присоединительных связей широко известно древнему письменному языку, что неоднократно отмечалось многими исследователями. Так, по мнению А. Потевни, «союзы назначают недостаточно сросшиеся швы между частями предложения»⁶. Э. И. Коротаева, развивая эту мысль; указывает, что подобного рода союзы являются скрепляющими внешними средствами, которые выступают на месте швов, возникших в силу слабой внутренней связи между отдельными членами и предложениями в древнем языке⁷.

Союз **и** в данном отрывке начинает все новые предложения, которые продолжают одну мысль, одну линию повествования⁸. Он является формальным выразителем смысловой связи с предшествующим контекстом.

Рассмотрим еще один, несколько иного характера отрывок: видЕвъши же жена Еко не оутай сА. трепещУщи приде I падъши прЕдъ нимъ. за нЮже винУ прикоснУ сА емъ. повЕдЕ емоу прЕдъ всЕми людьми. I Еко исцЕлЕ абие (Мар. 232, Остр. 101, Лк. 8—47).

Этот отрывок представляет собой сложную конструкцию, в состав которой входит господствующая часть («видЕвъши же жена трепещУщи приде I падъши прЕдъ нимъ повЕдЕ емоу прЕдъ всЕми людьми») и три зависимых с объектным значением: первая часть (Еко не оутай сА) зависит от причастия «видЕвъши», две другие относятся к глаголу сообщения «повЕдЕ». Но интересно, что одна из них (за нЮже винУ прикоснУ сА емъ) стоит перед глаголом, а другая (Еко исцЕлЕ абие), находящаяся в конце предложения, присоединяется к препозитивной господствующей части при помощи сочинительного союза **и** (приблиз. перевод: женщина же, видя, что она не утаялась, с трепетом подошла и, упав перед ним, поведала ему перед всем народом, по какой причине прикоснулась к нему и как тотчас-исцелилась). Такое построение, вероятно, отражает ту ступень развития сложного предложения с несколькими за-

⁶ А. Потевня, Из записок по русской грамматике, т. 2, М., 1958, стр. 197.

⁷ См. Э. И. Коротаева, К вопросу о развитии бессоюзного предложения в русском языке. Ученые записки ЛГУ, серия филологических наук, вып. 14, 1949, стр. 41.

⁸ На аналогичное значение союза **и** указывают исследователи древнерусского литературного языка. См., например, З. Д. Попова, К вопросу о так называемом союзном нанизывании предложений в древнерусском литературном языке. Труды (фил. фак.) Воронежского университета, т. 51, 1958, стр. 116.

висимыми частями, когда грамматически еще недостаточно была выражена взаимосвязь этих частей и отсутствовало внутреннее единство предложения. Г. С. Кнабе, характеризуя древнее индоевропейское предложение, указывает на слабую его централизованность, автономность отдельных слов, синтаксических групп и целых предложений⁹. Очевидно, следы такого состояния предложения в какой-то степени обнаруживаются и в старославянском языке.

Анализ данных отрывков показывает, что структура и смысловые взаимоотношения частей во многом предопределяют выделение предложений из древнего связного текста. Членение речевого потока на предложения, отмечает А. С. Мельничук, проявляется в таких выразительных формальных и смысловых признаках, как «в построении определенных разграничительных сигналов в ритмико-интонационной линии речевого потока, в синтаксической связанности расчлененных предложений и в отсутствии синтаксической связи между отдельными предложениями, в относительной отграниченности и в автономии содержания каждого предложения от содержания других предложений в контексте»¹⁰.

Однако выделение предложений с гипотаксисом в известных случаях вызывает затруднения, которые объясняются в основном тем, что гипотактические отношения в старославянском языке не всегда четко выражаются формально — структурными средствами. Анализируемый материал позволяет выделить несколько типов.

I Это конструкции, которые характеризуются дистантной связью относительного местоимения, начинающего второе предложение, и определяемого слова, находящегося в первом. Например:

сътъннику же етеруу рабъ бола зълЕ оумирааше. Иже бЕ емоу чъстенъ (Мар. 220, Остр. 6, Лк. 7—2).

Что собой представляет данный отрывок: сложное предложение с подчинительной зависимостью частей (тогда переводим: у одного сотника раб, который был ему дорог, умирал) или это сочетание двух простых предложений, которые тесно связаны между собой по смыслу и в лексико-грамматическом отношении и между которыми еще только намечаются отношения зависимости? Возможность второго толкования нам представляется более вероятной. Первое предложение (сътъннику же етеруу рабъ бола зълЕ оумирааше) предстает как грамматически и логически законченное. Во второй части отрыв местоимения **иже** от определяемого слова **рабъ** ослабляет связь меж-

⁹ См. Г. С. Кнабе, Еще раз о двух путях развития сложного предложения, — ВЯ, 1955, № 1, стр. 114.

¹⁰ А. С. Мельничук, Развитие структуры славянского предложения, Автореферат докт. дисс., Киев, 1964, стр. 10.

ду этими предложениями и в значительной мере способствует сохранению *иже* своего первоначального (указательного) значения. При таком понимании отрывок можно перевести следующим образом: у одного сотника раб, сильно болея, умирал; он (тот) был ему дорог.

Аналогичный подход, как представляется, может быть и к такому отрывку:

члкъ бЕ домовить. Иже насади виноградъ I оплотомъ I огради I ископа въ немъ точило. I созѣда въ немъ стлѣпь. I въдасты-и дЕлателемъ и отиде (Мар. 76, Остр. 78, Мв. 21—33).

Приблиз. перевод: некий человек был богат; он насадил виноградник, обнес его оградой, выкопал в нем точило, построил башню и, отдав его работникам, ушел.

Подобного рода конструкции, вероятно, можно рассматривать как переходные от паратаксиста к гипотаксису, когда отношения зависимости составляющих частей (или предложений) формально недостаточно четко выражены. Такие конструкции отмечены исследователями и в памятниках древнерусского языка. Они, как заметил В. В. Назаретский, есть следствие паратактического происхождения сложноподчиненных предложений, когда «одно предложение следует за другим в порядке простого присоединения; подчинительная зависимость опирается, главным образом, на логические связи и не нашла для себя еще надлежащего структурного выражения»¹¹.

Следует отметить, что самостоятельность предложений в рассматриваемом типе конструкций может увеличиваться в зависимости от разных обстоятельств. Возьмем такой пример:

Паки подобно естѣ царствие небское неводу въврѣженоу въ море. I отъ всЕкого рода избъравъшю. Иже егда испльни сА извлькъше и на край, I сЕдъше избрашА добрыЯ въ сьсУды. а зълыЯ изврѣгУ вонъ (Мар. 47, Мв. 13—47).

Вторую часть конструкции, начинающуюся местоимением *иже* и далее, можно принять за самостоятельное предложение, в котором временной союз *егда* вставляется во внутрь предложения, а местоимение *иже*, близкое по значению к указательному, стоит на первом месте (перевод всего отрывка: еще подобно небесное царство неводу, закинутому в море и захватившему всякого рода (рыб). Когда он (тот) наполнился, вытащили его на край и, севши, выбрали хорошее в сосуды, а плохое выбросили вон). Интересно, что в Остромировом евангелии (стр. 227), в отличие от Мариинского, перед второй частью стоит сочинительный союз *и*, который еще более ослабляет

¹¹ В. В. Назаретский, К истории сложноподчиненного предложения в древнерусском языке, вып. 1, Енисейск, 1960, стр. 27.

связь не только определяемого имени существительного (неводоу) и местоимения *иже*, но и самих предложений.

Значительно увеличивается самостоятельность предложений в составе анализируемых конструкций, когда предложение с относительным местоимением оторвано от определяемого имени целым другим предложением. Например:

бЕахУ же и жены издалече зрАштА въ нихъже бЕ и мариЕ магдалини. I мариЕ иЕкова малаею. I мати иосиова. I саломи. Яже егда бЕ въ галилеи по немъ хождаахУ и слоужаахУ емоу I ины многы въшедъшая съ нимъ въ илмъ (Мар. 182, Остр. 202, Мр. 15—40).

Здесь можно выделить две части, первая из которых (бЕахУ же и жены издалече зрАштА. въ нихъже бЕ и мариЕ магдалини I мариЕ иЕкова малаею I мати иосиова I саломи) представляет собой сложное предложение с зависимой атрибутивной частью; вторая (Яже егда бЕ въ галилеи по немъ хождаахУ и слоужаахУ емоу I ины многы въшедъшая съ нимъ въ илмъ) может быть истолкована как самостоятельное сложное предложение (перевод: те, когда он был в Галилее, за ним пошли и служили ему, а также многие другие, пришедшие с ним в Иерусалим) с временной зависимой частью, находящейся внутри господствующей (Яже по немъ хождаахУ...).

II Следующий тип — это конструкции, в которых второе предложение, начинающееся служебным словом *да*, может быть понято или как часть сложного предложения с гипотаксическими отношениями, или как часть сложного предложения с присоединительной связью (под присоединительной связью мы традиционно понимаем связь двух предложений, при которой содержание второго предложения является дополнительным сообщением, вызванным содержанием первого). Например:

Еко насытишА сА гла оученикомъ своимъ. съберЕте избыткы оукроухъ. да не погыблетъ ничътоже (Мар. 336, Остр. 35, Ио. 16—12).

Вторая часть сложного целого (да не погыблетъ ничътоже) содержит добавочное замечание, вывод по отношению к первой части и может быть понята как присоединение. Поэтому возможен такой перевод всего отрывка: «Соберите оставшиеся куски, пусть ничто не погибнет». Однако учитывая возможность образования сложноподчиненного предложения путем парного объединения предложений повествовательного и косвенного модальных планов¹², можно допустить, что второе предложение с косвенным модаль-

¹² Т. П. Ломтев этот путь считает основным при формировании сложноподчиненного предложения. См. Очерки по историческому синтаксису русского языка, изд. МГУ, 1956, стр. 489.

ным планом. (т. е. выражающее пожелание) выступает как зависимое (или как зависимая часть) со значением цели. В таком случае перевод интересующей нас конструкции будет: «... себе-рите оставшиеся куски, чтобы ничто не погибло».

По логическому подчинению частей к сложным предложениям со значением цели, очевидно, можно отнести и такие:

Исх же отъвЕштавъ начАть глати имъ блюдЕте сА да никто прЕльститъ вас (Мар. 168, Остр. 143, Мр. 13—5).

Приблиз. перевод: отвечая им, Иисус начал говорить: «Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас».

и рече гь рабоу. изиди на пУти и халУгы. и оубЕди вьнити да нальнить сА домъ мой (Мар 26, Остр. 107, Лк. 14—23).

III По-разному можно понимать конструкции типа: ины овьцА имамаъ Яже не сУть отъ двора сего. I ты ми подобаатъ привести (Мар. 358; Остр. 214, Ио, 10—16).

Въ врЕМА оно въходАщюу иусви въ вьсь нЕкУЯ и сьрЕте и. I прокаженъ мУжь иже стапА издалече и ти възнесошА гласъ глЮше... (Мар. 276, Остр. 109, Лк. 17—12).

Полагаем, что как первый, так и второй отрывок представляют собой одно сложное предложение, так как в смысловом и грамматическом отношении все его части тесно связаны друг с другом. Указательное местоимение **ты** (в первом отрывке), находящееся в последней части, грамматически и по значению связано с определяемым именем существительным **овьцА**. Труднее определить, какое это сложное предложение. С одной стороны, сочетание первых двух частей можно рассматривать как сложное предложение с зависимой атрибутивной частью, находящейся в постпозиции по отношению к главной, так как местоимение **Яже** определяет имя существительное **овьцА**. Сочетание второй части (**Яже не сУть отъ двора сего**) и третьей (**ты ми подобаатъ привести**) можно понять как сложное предложение с препозитивной атрибутивной зависимой частью, начинающейся относительным местоимением **Яже**. Указательное местоимение **ты** (тех) служит для уточнения взаимоотношений частей, но сочинительный союз и ослабляет их смысловую зависимость. При таком подходе данный отрывок представляет собой сложное предложение, совмещающее черты конструкций с препозитивной и постпозитивной зависимой частями (приблиз. перевод: и других овец я имею, которые не от этого двора, и тех надлежит мне привести).

Однако не исключено и иное толкование этого сложного предложения: как имеющего две постпозитивные зависимые части (первой и второй степени), из которых вторая относится к определяемому слову **овьцА** вместе с его развернутой характеристикой в виде первой зависимой части.

IV И, наконец, можно выделить такой тип конструкций, в котором отсутствуют грамматические показатели логико-смысловой связи между их составными частями. Например:

І абие вѣста дѢвица и хождааше. бѢ бо лѢтома двѣ Ема на дѢсАте (Мар. 134, Мр. 5—42).

Особенность данной конструкции в том, что существительное **дѢвица**, выполняя функцию подлежащего первой части, одновременно является подлежащим второй. Обе части грамматически не зависят друг от друга, и тем не менее вторая часть в смысловом отношении не является вполне самостоятельной. Она представляет собой как бы развернутое определение по отношению к первой. Следовательно, между частями этого предложения существуют вполне определенные логические, в частности атрибутивные, отношения, которые выражаются путем простого сопоставления частей, без грамматической связи между ними. Это своеобразные (с общим членом) архаические (паратактические) предложения, о которых А. Потемня писал, что по мере усиления гипотактичности и стремления к объединению предложения, по мере развития относительных местоимений они заменяются придаточными предложениями гипотактичными (в частности придаточными определительными)¹³.

Рассмотренные выше случаи указывают на определенные трудности при вычленении предложений из связного текста в старославянских памятниках и выявлении синтаксических отношений между их составными частями. Предполагая возможность и присоединительных конструкций (что особенно вероятно, если учесть разговорный в целом стиль языка евангелий) и вхождение предложений в единую сложную конструкцию, мы считаем, что при анализе ряда синтаксических конструкций возможно их двоякое толкование.

¹³ А. А. Потемня, Из записок по русской грамматике, т. III, М., 1968, стр. 251.

УСЛОЖНЕННЫЕ ГИПОТАКТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. И. Гурьева

Кроме гипотактических конструкций, состоящих из зависимой и господствующей частей, в памятниках старославянского языка зафиксированы конструкции, имеющие в своем составе две или несколько зависимых частей¹. По мнению исследователей исторического синтаксиса², такие конструкции представляют собой более поздний этап в развитии гипотаксиса, чем простые гипотактические конструкции. Их возникновение отражает более высокую ступень развития языка, связанную с дальнейшим развитием человеческого мышления и познанием объективной действительности. А. Потебня отмечал, что все совершающееся в языке «может быть понято лишь как следствие усложнения мысли»³.

¹ Данному вопросу посвящен ряд исследований на материале древнерусского и современного русского языка. См., напр., А. Н. Стеценко, Сложноподчиненное предложение с несколькими придаточными в древнерусском языке. Ученые записки Томского государственного пединститута, т. XVI, 1957; Его же, Сложные предложения усложненного типа в древнерусском языке. Труды Ун-та Дружбы Народов им. Лумумбы, т. 8, 1965, вып. 2; З. Н. Литвина, Неоднородное соподчинение двух придаточных предложений одному главному в древнерусском языке. Ученые записки Московского городского пединститута им. В. И. Потемкина, т. 73, 1959; Ее же, Конструкции с однородным соподчинением двух придаточных в древнерусском языке. Ученые записки Московского городского пединститута им. В. И. Потемкина, т. 73, 1959; И. А. Василенко, Последовательное подчинение в современном русском языке. Ученые записки Московского городского пединститута им. В. И. Потемкина, т. 73, 1959; В. А. Шитов, Сложные предложения с последовательным подчинением в современном русском литературном языке. Автореферат канд. дисс., М., 1952; В. В. Казмин, Сложные предложения с однородными придаточными частями (союзное подчинение). Автореферат канд. дисс., Ростов-на-Дону, 1954.

² См., например, А. Н. Стеценко, Сложноподчиненное предложение с несколькими придаточными в древнерусском языке. Ученые записки Томского государственного пединститута, т. XVI, 1957, стр. 268.

³ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. I—II, М., 1958, стр. 60.

При построении данных конструкций в старославянском языке используются различные сочетания двух или нескольких зависимых частей с одной господствующей: 1) сложные предложения с соподчинением зависимых частей, 2) сложные предложения с последовательным подчинением зависимых частей, 3) смешанные конструкции.

Как отмечают исследователи исторического и современного синтаксиса, термины «соподчинение», «последовательное подчинение» появляются впервые в гимназических учебниках второй половины XIX века, например, у А. Дмитриевского («Опыт учебника русского синтаксиса», ж. Филолог. записки, вып. 11, Воронеж, 1880), В. Зимницкого («Руководство к изучению синтаксиса русского языка», Пенза, 1885), П. Красногорского («Учебный курс синтаксиса русского языка», СПб, 1887). И хотя конструкция с соподчинением уже встречается в «Практической русской грамматике» (СПб, 1874) Н. Греча, но выделили в особый тип сложные предложения с соподчинением и последовательным подчинением вышеназванные авторы учебников.

I КОНСТРУКЦИИ С СОПОДЧИНЕНИЕМ ЗАВИСИМЫХ ЧАСТЕЙ

Структура данного типа предложений характеризуется тем, что все зависимые части относятся непосредственно к господствующей. Среди них можно отметить 1) конструкции, зависимые части которых одинаковы по семантике и относятся к какому-нибудь одному члену господствующей или же ко всей господствующей части в целом (однородное соподчинение зависимых частей) и 2) конструкции, зависимые части которых различны по семантике, или же одинаковы, но относятся к разным членам господствующей части (неоднородное соподчинение зависимых частей).

1. Предложения с однородным соподчинением не имеют широкого распространения в анализируемых памятниках⁴ старославянского языка и, как правило, состоят из двух зависимых частей, выполняющих одну и ту же функцию по отношению к господствующей. Однородно зависимые части обычно располагаются непосредственно друг за другом, поясняя один и тот же член главной части. Такие конструкции используют уже имеющиеся в языке синтаксические средства гипотактической связи предложений. Зависимые части могут

⁴ См. Маринское четвероевангелие с примечаниями и приложениями И. В. Ягича, СПб., 1883 г. и Остромирово евангелие 1058—1057 года с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, издал А. Х. Востоков, СПб., 1843.

выступать с самым различным значением, но чаще всего с объектным, причинным, целевым.

а) Конструкции с зависимыми частями, имеющими объектное значение.

В большинстве случаев зависимые части относятся к сказуемому, выраженному глаголом речи, чувствования, и обозначают объект действия этого глагола. В качестве грамматического средства связи с господствующей частью в большинстве случаев используется служебное слово **Еко**. Причем между зависимыми частями, как правило, находится сочинительный союз **и**, возможность употребления которого — свидетельство однородного соподчинения частей. Например:

отвѣштасте же имъ родителЕ его и рЕсте. вЕвЕ Еко съ естѣ снъ наю. І Еко слЕпъ сА роди (Мар. 354, Остр. 39, Ио. 9, 20).

Здесь обе зависимые части относятся к одному и тому же члену господствующей части — глаголу со значением знания «вЕвЕ» — и начинаются служебным словом **Еко**. Соединительный союз **и**, стоящий между зависимыми частями, способствует их более тесной связи.

Аналогично приведенному и такое предложение:

І кѣнижъници низъшедъшии отъ иерсма. глхУ Еко вельзевалъ иматъ І Еко о кѣнАзи бЕсъ изгонитъ бЕсы (Мар. 125, Мрк. 3, 22).

Обе зависимые части, начинающиеся служебным словом **Еко**, могут вставляться в середину господствующей, относясь к причастию, образованному от глагола знания:

вЕды ис **Еко** всЕ дасть емоу отць въ рУцЕ. І Еко отъ ба изиде и къ боу граДеть. вѣста съ вечерА и положи ризы І приемъ лентии прЕпоЕса сА (Мар. 371, Остр. 153, Ио. 13, 3).

В качестве служебного слова, стоящего в начале зависимых частей, отмечены **каково**, **елико**:

І ИсходАшту емоу отъ цркве. гла емоу единъ отъ оученикъ своихъ. оучителю виждъ **каково** камене и **каково** зъдание (Мар. 167, Мрк. 13, 1).

и събращА сА агли къ исоу. І възвЕстишА емоу всЕ **елико** сътворишА и **елико** наоучишА (Мар. 137, Остр. 288, Мрк. 6, 30).

В последнем случае зависимые части непосредственно раскрывают содержание определительного местоимения «всЕ», а через него уже сказуемое-глагол господствующей части, обозначают его объект действия.

Реже зависимые части с объектным значением присоединяются к господствующей различными служебными словами. Но и здесь характерно наличие сочинительного союза **и** между соподчиненными частями.

та повЕдашете **Еже** быша на Пути. **И Еко** позна има въ прЕломлении хлЕба (Мар. 311, Остр. 6, Лк. 24, 35).

Встречаются конструкции, в которых однородные зависимые части присоединяются к господствующей при помощи одного служебного слова (**Еко** или **елико**), находящегося в начале первой зависимой части. Но соединительный союз и обычно сохраняется.

Исъ же не дасть емоу... нъ гла емоу иди въ домъ твой къ твоимъ. **И възвЕсти** имъ. **елико** ти гъ сътвори и помилова та (Мар. 132, Мрк. 5, 19).

приде мариЕ магдалини възвЕштаЮшти оученикомъ **Еко** видЕ га. **И** си рече ей (Мар. 398, Ио. 20, 18).

И рече емоу кнѣжѣникъ добрЕ оучителю въ ИстинУ рече. **Еко** единъ есть. **И** нЕсть иного развЕ его (Мар. 165, Мрк. 12, 32).

они же слышавъше **Еко** живъ есть и видЕнъ бысть еЮ. не ЯсА вЕры (Мар. 184, Мрк. 16, 11).

В отличие от предыдущих двух примеров, в последнем зависимые части расположены не в постпозиции по отношению к господствующей, а вставляются в середину ее, непосредственно поясняя причастие «слышавъше».

Конструкции сложных предложений рассматриваемого типа могли возникнуть, как справедливо отмечают некоторые лингвисты⁵, из конструкций с подчинительным союзом перед каждым однородным придаточным в результате их дальнейшего развития и постепенного совершенствования. При отсутствии служебного слова перед второй зависимой частью связь между ними, несомненно, более тесная.

б) Соподчиненные зависимые части могут относиться к сказуемому-глаголу господствующей части и показывать причину или цель совершения действия. Между зависимыми частями, обычно начинающимися одинаковыми служебными словами **Еко** или **да**, стоит сочинительный союз и или нъ.

сътвори дѣва на десАте да бУдетъ съ нимъ. **И** да посылаатъ Я проповЕдати. **И** имЕти область цЕлити недУгы и изгонити бЕсы (Мар. 125, Мр. 3, 14).

отъвЕшта имъ исъ и рече. аминь амнь глЮ вамъ. иштите мене не **Еко** видЕсте знамение. нъ **Еко** Ели есте хлЕбы и насытите са (Мар. 338, Ио. 6, 26).

Сочинительный союз между зависимыми частями может отсутствовать, но такие примеры единичны:

⁵ См., например, А. Н. Стеценко, Сложные предложения усложненного типа в древнерусском языке. Труды Ун-та Дружбы Народов им. Лумбы, т. 8, 1965.

се рече не Еко о ништиихъ печаше сА. Еко тать бЕ I скриницу имы. I вмѣтаема ношаше (Мар. 366, Остр. 141. Ио. 12, 6).

Перед второй зависимой частью может не быть служебного слова, а находиться один сочинительный союз и:

не вы мене избърасте нъ азъ избърахъ вы и положихъ вы. да вы идосте и плодъ принесете. I плодъ вашъ прЕБУдетъ (Мар. 379, Остр. 273, Ио. 15, 16).

в) Соподчиненные зависимые части могут выступать с временным значением, поясняя глагол господствующей части. Зависимые части присоединяются как при помощи одинаковых, так и различных служебных слов.

аминь глЮ вамъ доондеже прЕидеть ибо и земля. игета едина или чръта не прЕидеть от закона. доидеже все си БУДУть (Мар. 11, Остр. 213, Мв. 5, 18).

рЕсте къ себе. не ордце ли наю горА бЕ въ наю. егда глааше къ нама на пути I Еко съказааше нама кнѣигы (Мар. 310, Остр. 5, Лк. 24, 32).

В первом примере зависимые части, начинающиеся доондеже, разорваны господствующей, поэтому естественно, что постановка сочинительного союза невозможна. Во второй конструкции обе зависимые части следуют одна за другой после господствующей и соединены между собою сочинительным союзом и.

г) Зависимые соподчиненные части могут иметь значение места. Обе они, как правило, расположены после господствующей, и между ними отсутствует сочинительный союз. В качестве служебного слова используется идеже, которое может находиться как перед первой, так и второй зависимой частью.

Не съкрывайте себе съкровишта на земли. идеже чръвъ ни тълЕ тълить. идеже татие подькопаваЮть и краДУть (Мар. 16, Остр. 124, Мв. 6, 19).

Почти аналогична по своей структуре конструкция:

съкрывайте же себе съкровишта нбсе. идеже ни чръвъ ни тълЕ тълить, идеже татие не подькопаваЮть ни краДУть (Мар. 16, Мв. 6, 20).

Перед второй зависимой частью может отсутствовать как служебное слово, так и сочинительный союз, т. е. средством связи является служебное слово, находящееся только перед первой зависимой частью.

сътворите себе вълагалишта не ветъшаЮшта. съкровиште не скуДЕемо на небсхъ идеже тать не приближаатъ сА, тълЕ тълить (Мар. 255, Остр. 106, Лк. 12, 33).

Отсутствие служебного слова идеже перед последующей из зависимых частей свидетельствует о близости однородных зависимых частей друг к другу.

В конструкциях с соподчиненными частями в значении места не зафиксировано ни одного случая употребления сочинительного союза. Видимо, существует какая-то зависимость наличия или отсутствия сочинительного союза как от характера служебных слов, так и семантики самой зависимой части.

д) Отмечен один случай, когда однородно соподчиненные части имеют атрибутивное значение.

обрЕте филипп натанаилЕ. І гла емоу. егоже писа мосии въ законЕ и проци обрЕтомъ иса сна иосифова же отъ назарета (Мар. 318, Ио. 1, 46).

По своему построению эта конструкция отличается от предыдущих тем, что господствующая часть занимает постпозитивное положение, а одна из зависимых частей расположена перед определяемым словом. Однако связь постпозитивной зависимой части с господствующей представляется менее тесной, чем препозитивной зависимой части с господствующей, потому что служебное слово *иже* в значительной степени приближается к указательному местоимению (тот, он).

Итак, в рассматриваемом типе конструкций для выражения подчинительных отношений используются грамматические средства не только гипотактической, но и сочинительной связи. Зависимые части вступают в тесную связь друг с другом, функционируют как единое целое. Поскольку вторая часть по своей синтаксической природе однородна с первой, возможно опущение перед ней служебного слова, наличие только одного сочинительного союза, а в некоторых случаях и пропуск его вместе со служебным словом.

В конструкциях с однородным соподчинением зависимых частей существует как структурно-грамматическая, так и лексико-грамматическая зависимость составляющих частей. Так, во второй зависимой части могут опускаться члены, лексически совпадающие с соответствующими членами первой части. Например:

«... І възвЕсти имъ елико ти гъ сътвори і помилова тА», или «... вЕвЕ Еко съ есть снъ наю. і Еко слЕшь сА роди». В обоих случаях во второй зависимой части отсутствует подлежащее, потому что оно совпадает с подлежащим первой части. Нередко те или иные члены (особенно подлежащее) бывают пропущены в обеих частях, они восстанавливаются из господствующей. Например: «и събърашА сА аяли къ исоу. І възвЕстишА емоу всЕ елико сътворишА и елико наоучишА», «приде мариЕ магдалини възвЕштаЮшти оученикомъ Еко виде га. І си рече ей».

Часто сопоставляются или противопоставляются те или иные члены в зависимых частях, как, например, «не съкрывайте

себЕ съкровишта на земи. Идеже чръвъ и тълЕ тълить. Идеже татие подковаЮть и крадУтъ».

Все эти (и другие) особенности свидетельствуют о тесной связи частей конструкции, о том, что характеристика господствующей части или ее членов осуществляется зависимыми частями совместно.

2. Предложения с неоднородным соподчинением зависимых частей. В анализируемых памятниках старославянского языка наиболее употребительны конструкции с двумя зависимыми частями, выполняющими разные функции по отношению к господствующей части. При этом зависимые части могут относиться как ко всей господствующей части или какому-либо ее члену, характеризую его с разных сторон, так и к ее разным членам. Как правило, зависимые части присоединяются к господствующей различными служебными словами, и это создает синтаксические возможности для разнообразной смысловой и грамматической структуры предложений.

I Значительным количеством случаев представлено неоднородное соподчинение зависимых частей, относящихся к господствующей части в целом. Среди таких конструкций можно выделить несколько разновидностей, потому что зависимые части могут быть различными по значению, могут находиться в самых разных сочетаниях друг с другом.

а) Чаще всего встречаются конструкции, в которых в препозиции по отношению к господствующей части расположена зависимая часть, характеризующая ее со стороны времени протекания действия глагола-сказуемого, а в постпозиции находится зависимая часть с причинным значением. Однако временная и причинная зависимые части отличаются друг от друга по характеру связи с господствующей. Более тесно связана с ней препозитивная временная зависимая часть, нередко в них один и тот же субъект действия. В таких случаях постпозитивная причинная часть как бы сообщает причину действия по отношению ко всему предыдущему высказыванию, а не только одной господствующей части. Каждая из зависимых частей начинается своим служебным словом, который не может быть опущен.

егда же родить отроцА къ томоу не помьнить скръби за радость. Еко роди сА члвкъ въ миръ (Мар. 383, Остр. 172, Ио. 16, 21).

егда же созърЕать плодь. абие посылеть сръпъ. Еко настоит жАтва (Мар. 231, Мв. 4, 20).

бысть же егда възврати сА исъ прияты-и народъ. бЕахУ бо вси чаЮште его (Мар. 231, Остр. 99, Лк. 8, 40).

Во всех приведенных примерах зависимые части отделены друг от друга господствующей, но они не могут существовать самостоятельно, так как отсутствие одной из них разрушило бы значение целого, что является характерной чертой данных синтаксических структур. Наличие двух (или более) зависимых частей позволяет глубже раскрыть содержание господствующей части в целом.

б) Сложная конструкция может начинаться временной зависимой частью, а зависимая часть, выражающая цель действия, занимает постпозитивное положение по отношению к господствующей.

егда же обрАщете и възвЕстите ми. да и азъ шедъ поклонУ сА емоу (Мар. 4, Остр. 251, Мм. 2, 8).

и егда порУгашА сА емоу съвлЕшА съ него прапрУдъ. I облЕшА и въ ризы своя. I извЕсА и да пропънУть I (Мар. 180, Остр. 189, Мрк. 15, 20).

в) В препозиции по отношению к господствующей части может находиться зависимая часть со значением места, в постпозиции — со значением времени или же наоборот.

Егда бЕ юнъ поЕсаше сА самъ i хождЕаше Еможе хотЕаше (Мар. 402, Остр. 53, Ио. 21, 18).

I глаше имъ **идеже** колиждо вънндете въ домъ. тоу прЕбывайте **дондеже** изидете отъ тУде (Мар. 135, Остр. 290, Мрк. 6, 10).

г) Нередко начинает конструкцию условная зависимая часть, а постпозитивная зависимая часть выражает цель или причину действия находящейся перед ней господствующей части.

аще ли тебе не послушаатъ. поими пакы съ собою единого ли два. **да** въ оустЕхъ дъвою ли трии съвЕдЕтель станеть въсЕкъ гль (Мар. 63, Остр. 56, Мв. 18, 16).

аще ли тебе не послушаатъ. поими пакы съ собою единого нЕсмъ. нъ азъ и посылавы мА отць (Мар. 348, Ио. 8, 16).

аште кто ходитъ въ дъне не потъкнетъ сА. Еко свЕтъ мира сего видить (Мар. 361, Ио. 11, 9).

д) В препозиции по отношению к господствующей расположена зависимая часть образа действия, в постпозиции — со значением причины.

Екоже бо отць живота имать въ себЕ. тако дасть и сынови живота имЕти въ себЕ. и область дасть емоу и сУдъ творити. Еко снъ члвскы естъ (Мар. 333, Ио. 5, 26).

Здесь зависимая часть образа действия тесно связана с соответственным наречием **так**о, начинающим господствующую часть.

II Более многочисленны и разнообразны в структурно-семантическом отношении конструкции, в которых одна из зави-

симых частей относится ко всей господствующей части в целом, а другая к одному из ее членов.

Одна зависимая часть может характеризовать господствующую со стороны времени протекания действия глагола-сказуемого, другая обозначает объект действия глагола и, как правило, следует непосредственно за ним.

егда оуже вЕЕ еЯ бУдетъ млада и листьє прозАбнетъ. вЕсте Еко близъ естъ жАтва (Мар. 90, Остр. 146, Мв. 24, 32).

Егда же оузърите объстоимъ вои имъ. тогда разоумЕете Еко приближи сА запоустЕние емоу (Мар. 294, Лк. 21, 20).

Объектная зависимая часть может находиться в середине господствующей, замыкает конструкцию атрибутивная часть, определяющая стоящее перед ней имя существительное.

Егда оубо вѣста отъ мрътвыхъ помЕнУшА оученици его Еко се глааше. I вЕрУ ЯсА кънигамъ и словеси еже рече исъ (Мар. 321, Ио. 2, 22).

Таким образом, данная конструкция состоит из трех зависимых частей, относящихся к различным частям и членам господствующей части.

Зависимая часть со значением времени может находиться не в начале конструкции, как в вышеприведенных примерах, а вставляться в середину господствующей.

такожде и вы. егда оузърите вьсЕ си. вЕдите Еко близъ естъ при двѣрьхъ (Мар. 90, Остр. 146, Мв. 24, 33).

тако и вы егда оузърите си бываюшѣ. вЕдите Еко близъ естъ цѣрствие бжие (Мар. 295, Остр. 120, Лк. 21, 31).

Зависимая часть с объектным значением, несомненно, очень тесно связана с господствующей, потому что она раскрывает содержание глаголов речи, знания, к которым она относится.

В конструкциях с препозитивной временной зависимой частью после господствующей может стоять зависимая часть с атрибутивным значением.

Егда же бЕ имЕ въ пасха въ праздникъ. мънози вЕровашА въ Имя его. видАше знамениЕ его. еже творЕаше (Мар. 321, Ио. 2, 23).

отъвѣшта ис... доньдеже день естъ придетъ. егда никтоже не может дЕлати (Мар. 353, Ио. 9, 4).

Распространены конструкции, в которых действие господствующей части зависит от условия, выраженного в препозитивной зависимой части, а в постпозиции находится объектная зависимая часть, поясняющая глагол-сказуемое господствующей части.

I аште миръ васъ ненавидитъ. вЕдите Еко мене прЕжде васъ възненавидЕ (Мар. 379, Остр. 169, Ио. 15, 18).

І аште речеть кто вама что речета. Еко гь трЕбууеть ею (Мар. 73, Остр. 140, Мв. 21, 3).

аще снѣ еси бжии. рещи каменію семоу. да бУдУть хлЕби (Мар. 8, Остр. 262, Мв. 4, 3).

Во всех рассмотренных видах конструкций препозитивной оказывается зависимая часть, относящаяся ко всей господствующей, то есть со значением общего типа. В постпозиции по отношению к господствующей части находится зависимая часть, раскрывающая содержание определенного ее члена, поэтому она в большинстве случаев более тесно связана с нeю. Но тем не менее полностью значение господствующей части будет раскрыто только при совместной характеристике ее зависимыми частями.

Нередко зависимая часть общего типа замыкает конструкцию, а первая зависимая часть относится к какому-нибудь определенному члену господствующей части.

Так, за господствующей частью может следовать атрибутивная или объектная зависимая часть, в конце конструкции расположена зависимая часть со значением причины:

тогда начАть поносити градомъ. въ нихъже бышА мно-
жЕишАЯ силы имъ. зане не покаашА сА (Мар. 35, Мв. 11, 20).

отвѣшта емоу иоанъ гла. оучителю видЕхомъ единого
именемъ твоимъ изгонАшта бЕсы. Іже не ходитъ по насъ.
І възбранихомъ емоу. Еко не послЕдова намъ (Мар. 152,
Остр. 248, Мрк. 9, 38).

І слышавъше архиереи и фарисеи притъчУ его. разоумЕшА
Еко о нихъ глаше. І искУште Яти и. оубоЕшАсА народа поне-
же Еко пророка имЕахУ и (Мар. 78, Мв. 21, 45).

В последних двух случаях первая зависимая часть вставляется в середину господствующей, следуя за определяемым членом. При таком расположении особенно тесна связь зависимой и господствующей части.

Зависимая часть, замыкающая конструкцию, может выражать цель действия глагола-сказуемого господствующей части:

поманУшА причАстникомъ иже бЕахУ въ друзЕмъ кора-
би. Да пришедъше помогУть имъ (Мар. 24, Остр. 90, Лк. 5, 7).

и вѣставъше изгнашА и вонъ из града. І вЕсА и до врѣху
горы. на неиже градъ ихъ създанъ бЕаше да бУ и низъринУли
(Мар. 208, Остр. 277, Лк. 4, 29).

Зависимая часть, относящаяся ко всей господствующей и стоящая в конце конструкции, может иметь значение следствия:

отцѣ бо любить сна и всЕ показаатъ емоу. Еже самъ тво-
ритъ. І большаа сихъ покажетъ емоу дЕла. да вы чюдите сА
(Мар. 332, Ио. 5, 20).

Здесь в середину господствующей части вставляется объектная зависимая часть, поясняющая определительное местоимение **всЕ**, а через него глагол-сказуемое **показаать**.

III Реже зафиксированы конструкции, в которых зависимые части относятся к разным членам господствующей.

а) Первая зависимая часть может быть атрибутивной, вторая — со значением объекта:

п^араклитъ же дхъ сты егоже посълетъ оцъ въ Іма мое. ть вы наоучитъ всемоу. І възпомЕнетъ вамъ всЕ еликоже рЕхъ вамъ (Мар. 377, Остр. 167, Ио. 14, 26).

В данном случае первая зависимая часть определяет имя существительное (в сочетании с прилагательным) «дхъ сты» и стоит в середине господствующей, а объектная часть непосредственно поясняет выступающее в синтаксической функции соотносительного слова определительное местоимение «всЕ», а через него сказуемое-глагол «въспомЕнетъ» и расположена в конце конструкции.

В середину господствующей части могут вставляться обе зависимые (атрибутивная и объектная):

се жена въ градЕ Еже бЕ грЕшъница. І оувЕдЕвъши Еко възлежитъ въ храмине фарисЕове. принесъши алавастръ мироу. І ставъши зади при ногу его. плачУшти сА начАтъ мочити его слъзами (Мар. 224, Остр. 222, Лк. 7, 37).

Первая зависимая часть определяет имя существительное «жена», а другая относится к причастию «оувЕдЕвъши», образованному от глагола со значением знания.

б) Обе зависимые части могут выступать с атрибутивным значением, то есть одинаковые по семантике, в отличие от всех предыдущих конструкций, в которых они имели различное значение.

ВсЕкъ оубо иже слышитъ словеса моЕ си и творитъ Е. оуподоблю и мУжу мУдроу. иже созъда храмину своЮ на камене... (Мар. 20, Остр. 60, Матв. 7, 24).

В данном примере обе атрибутивные зависимые части находятся внутри господствующей, начинаются одинаковым относительным местоимением «иже» и непосредственно следуют за определяемыми словами.

Зависимые части с атрибутивным значением могут присоединяться к определяемым именам при помощи разных служебных слов:

не могуште пристУпити къ нему за народъ. отъкрышА покровъ идеже бЕ. І прокопавъше съвЕсишА одръ на немъже ослаблены сълежаше (Мар. 120, Остр. 129, Мрк. 2, 4).

В отличие от предыдущей конструкции, здесь вторая зависимая часть расположена в постпозиции по отношению к господствующей. Однако в обеих конструкциях членами предло-

жения, к которым непосредственно относятся зависимые части, являются однородные члены (дополнения) господствующей части, требующие конкретной характеристики в виде атрибутивной зависимой части.

в) Зависимые части могут иметь объектное значение, например:

мы вЕмь Еко мосЕови гла б̄ъ сего же не вЕмь оть кУдоу ест̄ (Мар. 355, Ио. 9, 29).

Здесь зависимая часть «Еко мосЕови гла б̄ъ» определяет объект действия глагола-сказуемого «вЕмь», который повторяется во второй части главного предложения; к нему относится зависимая часть «оть кУдоу ест̄».

Одна из объектных частей может относиться к глаголу-сказуемому господствующей части, а другая к определительному местоимению:

не иМУшту же емоу въздати. повелЕ г̄ъ его да продадАть І и женУ его и чАда І все елико имЕаше І отьдати и (Мар. 64, Матв. 18, 25).

Отмечена конструкция с тремя зависимыми объектными частями, весьма интересная по построению:

ВидЕвъши же жена Еко не оутай сА. трепещУщи приде. І падъши прЕдъ нимъ. за нЮже винУ прикоснУ сА емъ. повЕдЕ емоу прЕдъ вьЕми людьми. І Еко исцЕлЕ абие (Мар. 231, Остр. 101, Лк. 8, 47).

Перевод: «Женщина, видя, что не угаилась, трепеща подошла и, падши перед ним, поведала ему перед всем народом, по какой причине прикоснулась и как тотчас исцелилась».

Здесь в господствующую часть («видЕвъши же жена трепещУщи приде і падъши прЕдъ нимъ повЕдЕ емоу прЕдъ вьЕми людьми») вклиниваются две зависимые, одна из них («Еко не оутай сА») поясняет причастие «видЕвъши», другая («за нЮже винУ прикоснУ сА емъ») следует не за глаголом сообщения «повЕдЕ», объект действия которого она обозначает, а находится перед ним, и, наконец, третья зависимая часть стоит в конце предложения, относится к тому же глаголу-сказуемому «повЕдЕ», оторванному от нее другими членами. Показательно также то, что перед этой частью находится соотносительный союз *и*, который должен был связывать ее со второй объектной зависимой частью. Подобного рода предложения, в которых грамматически еще недостаточно была выражена взаимосвязь частей, являются, возможно, реликтивными, отражающими длительный и сложный процесс становления конструкций с несколькими зависимыми частями.

Анализ конструкций с неоднородным соподчинением зависимых частей показывает, что 1) последние могут относиться ко всей господствующей части в целом, но характеризовать ее

с разных сторон, 2) одна из зависимых частей относится к господствующей части в целом, а другая к одному из ее членов, 3) обе зависимые части поясняют разные члены господствующей. В конструкциях первого типа засвидетельствован определенный круг зависимых частей, способных пояснять господствующую часть в целом. Чаще встречается сочетание временной с причинной или целевой зависимыми частями, условной с целевой, первые из которых обычно расположены в начале конструкции, последние за господствующей частью. Каждая из зависимых частей присоединяется к господствующей своим собственным служебным словом: для временной части характерно *егда*, причинной — *Еко*, условной — *аште*, целевой — *да*.

Распространены конструкции второго типа, в которых более многообразен и круг зависимых частей, способных пояснять не только господствующую часть в целом, но и ее определенный член. Здесь нередко встречается сочетание временной и условной зависимых частей с объектной, первые начинают конструкцию, объектная следует за глаголом-сказуемым господствующей части, который она поясняет; то есть препозитивны зависимые части общего типа, относящиеся ко всей господствующей части. Значительным количеством случаев представлено сочетание атрибутивной зависимой части, определяющей какой-то член препозитивной господствующей. Замыкают конструкцию чаще всего временная, причинная, целевая зависимые части. Для связи зависимых частей с господствующей или ее членом используются разнообразные служебные слова.

Менее употребительны конструкции третьего типа, в которых зависимые части относятся к разным членам господствующей. В них засвидетельствованы атрибутивно-объектные отношения зависимых частей, или только атрибутивные зависимые части, имеющие как одинаковые, так и различные служебные слова (относительные местоимения и относительные наречия) и определяющие различные члены господствующей части.

При неоднородном соподчинении, в отличие от однородного, зависимые части структурно не объединены, у каждой из них имеется служебное слово, сочинительный союз между ними невозможен. Хотя зависимые части и не связаны друг с другом, но полное раскрытие значения господствующей части возможно лишь при совместной характеристике ее зависимыми частями.

II. КОНСТРУКЦИИ С ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫМ ПОДЧИНЕНИЕМ ЗАВИСИМЫХ ЧАСТЕЙ

В конструкциях с последовательным подчинением первая зависимая часть относится к господствующей (или какому-либо ее члену), вторая зависимая часть к предыдущей, третья ко вто-

рой и т. д. Следовательно, господствующая часть связана только с последующей зависимой частью, и каждая последующая зависимая часть связана с предыдущей. Мысль, выражающаяся в сложном предложении с последовательным подчинением, имеет как бы ступенчатый характер, содержит в себе несколько звеньев⁶. Все зависимые части служат развитием (уточнением или добавлением) мысли господствующей части, поэтому все сложное предложение в целом представляет собой тесное смысловое и синтаксическое единство. По словам И. А. Василенко, структура такого предложения «дает возможность развивать мысль путем последовательного углубления ее в деталях каждой придаточной части»⁷.

Сложные предложения с последовательным подчинением имеют различный структурно-семантический характер. Они могут состоять из двух и более зависимых частей. В памятниках старославянского языка значительно преобладают сложные предложения с двухступенным последовательным подчинением. Зависимые части, входящие в состав такой конструкции, могут выражать 1) одинаковые смысловые отношения и 2) различные смысловые отношения.

I Конструкции с зависимыми частями, выражающими одинаковые синтаксические отношения, представлены незначительным количеством случаев.

а) Зависимые части могут обозначать объект действия глагола-сказуемого своей главной, или подчиняющей части, связь с которой, как правило, осуществляется с помощью различных служебных слов (Его-да, Еко-отъКудоу, Еко-елико). Например: ныне вЕмь Еко вЕси вьСЕ и не трЕбоуеши да кто тА въпрашаатъ (Мар. 384, Остр. 133, Ио. 16, 30).

Здесь как первая, так и вторая зависимые части имеют объектное значение, но зависимая часть, начинающаяся Еко, непосредственно относится к глаголу знания вЕмь, стоящему в господствующей части, а вторая зависимая часть раскрывает конкретное содержание действия предыдущей, следуя за глаголом-сказуемым трЕбоуеши. Таким образом, первая объектная часть, наряду с зависимостью от предшествующей, сама подчиняет себе другую зависимую часть.

Аналогичные смысловые отношения между частями существуют и в таких конструкциях:

ни помышлЕате. Еко оуне естъ намъ да единъ члвкъ оумреть за люди а не весь Язкъ погыбнетъ (Мар. 365, Ио. 11, 55).

⁶ См. В. А. Шитов, Сложные предложения с последовательным подчинением в современном русском литературном языке. Автореферат канд. дисс., М., 1952, стр. 6.

⁷ И. А. Василенко, Последовательное подчинение в современном русском литературном языке. Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина, т. 73, 1959, стр. 163.

отъ града же того мнози вЕровашА въ него. отъ самарЕнъ. за слово женЕ съвЕдЕтельствоуЮшти. Еко рече ми въЕ елико сътворихъ (Мар. 328, Ио. 4, 39).

отвъЕшта члкъ и рече имъ. о семь бо дивъно есть. Еко вы не вЕсте отъКудоу есть (Мар. 355, Остр. 40, Ио. 9, 30).

Тъгда запрЕти оученикомъ своимъ. да никоμούже не рекуТЬ. Еко съ есть исъ хъ (Мар. 56, Матв. 16, 20).

В последних двух случаях зависимые части, начинающиеся **Еко** и **елико**, поясняют глагол-сказуемое не непосредственно, а через соотносительные слова **о семь**, **въЕ**, конкретное значение которых они раскрывают.

б) Конструкции, в которых зависимые части выступают со значением причины. Грамматическая связь частей осуществляется при помощи неодинаковых служебных слов (**бо-Еко**, **да-Еко**, **бо-зане**).

хождаше по сихъ исъ въ галилеи. не хотЕаше **бо** въ Юдеи ходити. Еко искаахУ его людей оубити (Мар. 342, Ио. 7, 1).

В данном примере первая зависимая часть присоединяется к господствующей с помощью служебного слова **бо** и выражает причину действия этой части. Зависимая часть, начинающаяся **Еко**, обозначает причину действия, названного в предыдущей части.

Еще некоторые примеры с подобным характером зависимых частей:

Иродъ же видЕвъ иса радъ бысть зЕло. бЕ **бо** желЕЯ отъ многъ врЕменъ видЕти. зане слышааше сА знамение етеро видЕти отъ него бываемо (Мар. 303, Лк. 23, 8).

въЕкъ **бо** дЕлаЯи зъла. ненавидитъ свЕта. I не приходитъ къ свЕтоу да не обличАтъ сА дЕла его. Еко зъла сУтъ (Мар. 323, Ио. 3, 20).

в) Обе зависимые части могут выступать со значением цели.

съ приде въ съвЕдЕтельство. да съвЕдЕтельствуетъ о свЕТЕ. да вЕру имУть имъ (Ма. 314, Ио. 1, 7).

Здесь присоединяются зависимые части к своим главным (или подчиняющим) при помощи одинакового служебного слова **да**, но первая зависимая часть обозначает цель действия, выраженного в господствующей части, вторая — цель действия, обозначенного в предшествующей ей зависимой части.

В конструкциях с объектным, причинным, целевым значением обеих зависимых частей характерна постпозиция последних по отношению к своим главным частям и присоединение к ним в основном при помощи различных служебных слов.

II Большим количеством примеров, чем предыдущие конструкции, представлены усложненные гипотактические конструкции с последовательным подчинением, в которых зависи-

мые части выражают самые различные синтаксические отношения. В подавляющем большинстве случаев они состоят из двух зависимых частей. В работе приводятся конструкции с наиболее употребительным соотношением зависимых частей.

а) Распространены конструкции, в которых первая зависимая часть выступает со значением причины, вторая имеет объектное значение. Нередко зависимая часть, обозначающая причину действия господствующей части, присоединяется к ней при помощи служебного слова **бо**, зависимая часть, обозначающая объект действия глагольного сказуемого первой зависимой части, начинается **Еко**.

По дѣноу же дѣноу изиде отъ тУдоу и иде въ галилеЮ. самъ **бо** исъ съвЕдЕтельствова **Еко** пркъ въ своемъ отъчъствии не имать чьсти (Мар. 329, Ио. 4, 43).

І искаахУ Яти и и оубоЕшА сА народа. разоумЕшА **бо** **Еко** къ нимъ рече притѣУ І оставльше и отидУ (Мар. 163, Мрк. 12, 12).

изиду Яти и глахУ **бо** **Еко** неистовъ есть (Мар. 125, Мрк. 3, 21).

се же глааше искоушАя и. самъ **бо** вЕдЕше что хотА сѣтвори (Мар. 335, Ио. 6, 6).

Первая зависимая часть может обозначать причину действия господствующей части, а вторая находится в атрибутивных отношениях с предыдущей частью, к которой присоединяется с помощью относительных местоимений.

и по немъ идЕаше народъ мѣногъ. **Еко** видЕахУ знамениЕ **Еже** творЕше на недУжньныхъ (Мар. 335, Остр. 134, Ио. 6, 2).

не дивите сА семоу. **Еко** гРАдетъ година. въ нюже вьси сУштей въ гробЕхъ оуслышАть гмъ сна бжиЕ (Мар. 333, Остр. 14, Ио. 5, 28).

ГорЕ вамъ књижьници и фарисЕи. впокрити. **Еко** подобите сА. пробомъ пованьненомъ **иже** вьнЕЮдУ оубо сУть красни. вьнУтрЮдУ же плъни сУть кости мрътвыхъ и вьсЕкоЯ нечистоты (Мар. 85, Матв. 23, 27).

Во всех приведенных примерах в первой зависимой части имеется именное слово, требующее развернутого атрибута, какую роль и выполняет вторая зависимая часть.

б) Зависимая часть, относящаяся к господствующей, может иметь объектное значение, вторая выступает со значением причины.

шедше же наоучите сА. что есть милостыни хоштУ а не жрътвЕ. не придь **бо** праведникъ празваать. нъ грЕшньки на покаание (Мар. 26, Матв. 9, 13).

исцЕлЕвы же не вЕдЕаше кто есть. ис **бо** оуклони сА народоу сУшту на мЕстЕ (Мар. 331, Ио. 5, 13).

В обоих случаях первая зависимая часть относится к глаголам знания господствующей части и начинается относительным местоимением (что, кто), зависимая часть, обозначающая причину действия первой зависимой, начинается служебным словом **бо**.

Зависимые части могут присоединяться к своим главным с помощью одинаковых служебных слов:

и отъвЕштавъ ись рече имъ. мыните ли Еко галилЕане сии грЕшнѣиши паче всЕхъ члвкъ бЕша. Еко тако пострадаша (Мар. 258, Остр. 288, Лк. 13, 2).

Вторая зависимая часть может иметь причинно-условный оттенок:

рЕхъ оубо вамъ. Еко оумьрете въ грЕсЕхъ вашихъ аште бо вЕры не емлете Еко азъ есмь. оумьрете въ грЕсЕхъ вашихъ (Мар. 349, Ио. 8, 24).

Данная конструкция состоит из трех зависимых, но к последней из них бессоюзно присоединяется еще одно предложение, лексически полностью совпадающее с первой зависимой объектной частью.

Зависимая часть, следующая за объектной, может обозначать цель совершения действия этой части.

ис же разоумЕвъ Еко хотАть прити да въсхытАть и и сьтвоРАть црЕ. отиде паки въ горУ ть единь (Мар. 336, Ио. 6, 15).

Обе зависимые части в данном случае встаются в середину господствующей.

Вторая из последовательно подчиненных частей находится внутри первой:

нъ да разоумЕать миръ Еко люблю отца. и Екоже заповЕДЕ мьнЕ отць. тако творЮ (Мар. 377, Ио. 14, 31).

Здесь зависимая часть со значением образа действия находится непосредственно перед соотносительным словом **такое**, к которому она относится.

Первая зависимая часть обозначает объект действия господствующей, вторая определяет имя существительное в предшествующей зависимой части, с которой она соединяется с помощью относительных местоимений и наречий.

отъци наши въ горЕ сеи поклониша сА. и вы глте Еко въ емЕ есть мЕсто идеже кланЕти сА подобаать (Мар. 327, Ио. 4, 20).

вЕмъ Еко истиньно есть съвЕдЕтельство еже съвЕдЕтельствоуетъ о мьнЕ (Мар. 333, Остр. 14, Ис. 5, 32).

гла еи ис. жено вЕрУ ими ми Еко граДеть година егда ни въ горЕ сеи ни въ имЕхъ поклоните сА отцю (Мар. 327, Остр. 31, Ио. 4, 21).

Вторая зависимая часть может иметь объектно-условный оттенок:

вЕмь же Еко грЕшьникъ бѣ не послушаатъ нѣ аште кто бгочтець естъ. и волЮ его сѣтворить того послушаатъ (Мар. 355, Ио. 9, 31).

Особенность этой конструкции состоит в том, что вторая объектная зависимая часть расположена перед указательным местоимением, к которому она непосредственно относится.

Отмечена конструкция с трехступенным последовательным подчинением, в которой имеются две объектные и одна атрибутивная зависимые части:

разоумЕ же оцѣ. Еко та бЕ година. въ нуже рече емоу ис Еко снѣ твои живь естъ (Мар. 330, Ио. 4, 53).

Здесь первая зависимая часть обозначает объект действия глагола-сказуемого **разоумЕ**, находящегося в господствующей части. Во второй зависимой части, определяющей имя существительное **година**, стоящее перед ней, имеется глагол **рече**, объект действия которого и обозначает следующая за ним зависимая часть. Объектные зависимые части начинаются служебным словом **Еко**.

в) Зависимая часть, следующая за господствующей, может иметь не объектное значение, как во всех вышерассмотренных конструкциях, а выступать со значением цели. Вторая зависимая часть обозначает причину действия предыдущей:

и искаахУ архиереи и кнѣжьници како и бУ оубили. боЕахУ бо сА людии (Мар. 296, Лк. 22, 2).

Приступыше къ нему оученици его глашА. Еко поусто естъ мЕсто и юже година минУ. отъпусти Я да шедьше въ окръстннихъ селЕхъ. и всехъ коупАть себЕ хлЕбы. не имУть бо чего Ести (Мар. 138, Мрк. 6, 36).

За целевой зависимой частью могут следовать две зависимые части с причинным значением:

І слышашА кнѣжьници и архиереи. и искаахУ како и бУ погоубили. боЕхУ бо сА его. Еко весь народъ дивлЕхУ сА о оучении его (Мар. 161, Мрк. 11, 18).

г) Нередко встречаются конструкции, в которых зависимая часть, относящаяся к господствующей, имеет атрибутивный характер. Вторая зависимая часть может выражать различные смысловые отношения (объекта, времени, условия).

придЕте и видите члка. иже рече ми высЕ елико сѣтворихъ (Мар. 328, Ио. 4, 29).

и въпросишА Е глЮште. съ ли естъ снѣ ваю. егоже вы глете Еко слЕпъ сА роди (Мар. 354, Остр. 39, Ио. 9, 19).

В данных примерах зависимая часть, начинающаяся относительным местоимением **иже**, **егоже**, определяет имя существ-

вительное, находящееся в господствующей части. Замыкает конструкцию зависимая часть, обозначающая объект действия глагола-сказуемого предыдущей части.

Объектная зависимая часть может вставляться в середину атрибутивной.

паки подобно есть црствие нбское. сървицу сървеноу. на селЕ еже обрЕть члвкъ съркы. и отъ радости его идетъ. и все елико имать продаеть и коупаетъ село то (Мар. 46, Матв. 13, 44).

В середине атрибутивной зависимой части находится условная зависимая часть:

онъ же рече имъ. кто есть отъ васъ члвкъ. иже имать овчА едино. и аше выпадеть сА въ ЕМУ въ соботУ. не изьметъ ли его (Мар. 37, Матв. 12, 11).

Вторая зависимая часть, начинающаяся служебным словом доньдеже, ограничивает действие, выраженное предыдущей частью, во временном плане, потому что такова специфическая функция данного союза.

аминь глю вамъ. сУть етери отъ съде стояштихъ. иже не имУть сърмръти въкоусити. доньдеже видАть снъ члвчскы гРАДУшть въ црствии своемъ (Мар. 57, Матв. 16, 28).

д) Первая зависимая часть имеет временное значение, вторая — объектное. В таких конструкциях господствующая часть стоит в постпозиции по отношению к зависимым; часть, обозначающая время совершения действия господствующей, находится в препозиции по отношению к объектной.

егда же видЕшА народи Еко иса не бысть тоу ни оученикъ его, вълЕзУ въ кораблА. и приДУ въ каперънаоумъ. искУште иса (Мар. 337, Остр. 16, Ио. 6, 34).

егда же оуслыша Еко болить. тъгда же прЕбысть на немъ же бЕ мЕстЕ дъва дъни (Мар. 361, Остр. 136, Ио. 11, 6).

Засвидетельствована конструкция с четырехстепенным последовательным подчинением, в начале которой расположена временная зависимая часть.

Егда же оувЕДЕ гъ Еко оуслышашА фарисЕи. Еко исъ множаишА оученикы творить и крштаатъ неже иоанъ. а исъ самъ не крштааше нъ оученици его. остави иудеЮ. и иде паки въ галилеЮ (Мар. 325, Ис. 4, 1).

В состав данной конструкции, кроме временной зависимой части, входят две со значением объекта, начинающиеся одинаковым служебным словом Еко, и одна со значением уступки («а исъ самъ не крштааше нъ оученици его»), близкая к вводному предложению.

е) Нередко первой зависимой частью является условная, за которой следует атрибутивная или объектная зависимая часть. Господствующая часть обычно расположена в постпозиции по отношению к обоим зависимым.

аште же дЕль не бимь сѣтворилъ въ нихъ. ихъже инъ никъ-тоже сѣтвори. грЕха не бУ имЕли (Мар. 380, Остр. 170, Ио. 15, 24).

аше бо принесеси даръ твои къ олтарю и тоу помЕнеши Еко братъ твои иматъ нЕчто на тА остави тоу даръ твои прЕдъ олтаремъ (Мар. 11, Остр. 213, Матв. 5, 23).

Господствующая часть может находиться впереди зависимых:

Вы друзи мои есте. аште творите елико азъ заповЕдаЮ вамъ (Мар. 379, Ио. 15, 14).

Гла къ нимъ никодимъ... еда закона нашъ сУдить члвкоу. аше не слышитъ отъ него прЕжде и разумЕать чго творить (Мар. 346, Ио. 7, 50).

ж) Единичными случаями представлены конструкции, в которых первая зависимая часть выступает со значением места, следствия.

се рекъ ис... изиде съ оученикы своими. на онъ полъ потока кедрьска. идеже бЕ врѣтъ. въ ньже въниде самъ и оученици его (Мар. 387, Ио. 18, 1).

и възъпивъ и мьного прУжавъ сА изиде. и бысть Еко мрѣтъ. Еко мьнози глаахУ Еко оумьреть (Мар. 151, Мрк. 9, 29).

Таким образом, анализируемый материал показывает, что в памятниках старославянского языка преобладают гипотактические конструкции с двустепенным последовательным подчинением зависимых частей, выражающих как а) одинаковые, так и б) различные синтаксические отношения.

Для конструкций первого типа обычно характерны объектные, причинные, целевые значения обеих частей. Причем, как правило, зависимые части присоединяются к своим главным при помощи различных служебных слов и находятся в постпозиции по отношению к ним.

Шире распространены конструкции второго типа, в которых выражаются различные смысловые отношения зависимых частей. В большинстве случаев они также начинаются неодинаковыми служебными словами. Первая зависимая часть нередко выступает с объектным, причинным, атрибутивным, временным и условным значением. При этом в начале конструкции обычно встречается временная или условная зависимая часть, а объектная, причинная и атрибутивная расположены после господствующей. Вторая зависимая часть может выражать различные значения, но чаще отмечены такие комбинации частей: причинная-объектная или атрибутивная; объектная-причинная или ат-

рибутивная; атрибутивная-объектная; временная-объектная; условная-объектная или атрибутивная. Следовательно, зависимая часть, обозначающая объект действия глагола-сказуемого предшествующей части, является наиболее употребительной.

III СМЕШАННЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Данные гипотактические конструкции весьма разнообразны в структурно-семантическом отношении.

1) Наиболее употребительны конструкции, в которых имеются две неоднородно соподчиненные зависимые части, и вторая из них имеет при себе еще одну часть.

аште ли рече^мь отъ чл^къ лю^дие в^си ка^мениемъ поб^иЮ^ть ны. Изв^Естно бо б^Е людемъ **Е**ко иоан^нъ пр^къ б^Е (Мар. 288, Лк. 20, 6).

аше сн^ь еси б^жии вр^ьзи с^А до^лоу. писано **бо** яко агг^ломъ своимъ зап^ов^Есть **о** теб^Е (Мар. 8, Остр. 261, Матв. 6, 6).

В обоих случаях к господствующей части относится препозитивная условная и постпозитивная зависимая часть со значением причины, последней из которых подчинена еще третья зависимая часть, имеющая объектный характер. Таким образом, одна из зависимых частей как бы замыкается второй степенью последовательного подчинения.

Господствующая часть может занимать препозитивное положение по отношению к зависимым:

Ошедшимъ же вл^ьхвомъ се агг^ль гн^ь яви с^А въ сн^Е иосифоу гл^А. в^стани поими отроч^А и матере его и б^Ежи въ ег^упетъ и б^Уди тоу **дондеже** ти рек^У. **хоцетъ бо** иродъ искати отроч^Ате да пог^оубить е (Мар. 5, Матв. 2, 13).

Первая зависимая часть нередко находится внутри господствующей:

азъ же в^Ед^Ехъ **Е**ко в^ьсегда ми не послушаеши. н^ь народа ради стояштааго окр^ьсть р^Ехъ. да в^Ер^У им^Утъ **Е**ко ты м^А пос^ла (Мар. 364, Остр. 139, Ио. 11, 42).

разоум^Е же народъ мн^ог^оь отъ иудеи. **Е**ко тоу ест^ь I при^ду не иса ради ток^ьмо. н^ь да и лазара вид^Атъ. ег^оже в^ьскр^Еси отъ мр^тв^ьыхъ (Мар. 367, Ио. 12, 9).

Здесь разные члены господствующей части поясняют две зависимые: первая со значением объекта вставляется в середину господствующей и следует непосредственно за глаголом-сказуемым, к которому она относится; вторая имеет целевое значение, к ней, в свою очередь, в первом примере относится объектная зависимая часть, замыкающая конструкцию, во втором — атрибутивная зависимая часть.

Конструкции рассматриваемого типа отличаются друг от друга или семантикой зависимых частей, или местом расположения составляющих частей:

съ слышавъ **Еко** ис приде отъ иудеЯ въ галилеЮ. иде къ нему и молЕаше и. да сънидеть и исцЕлить сна его. бЕ бо оумираЯ (Мар. 329, Остр. 88, Ио. 4, 47).

В этой конструкции к господствующей части относятся зависимые объектные, различающиеся между собой лишь служебными словами. Третья зависимая часть обозначает причину действия предшествующей.

рече же имъ ис. егда възнесете сна члвчскааго тгда разоумЕате **Еко** азъ есмъ. I о себЕ ничесоже не творЮ. нъ **Екоже** наоучи мА отць мой си творЮ (Мар. 349, Ио. 8, 28).

В данном примере во второй зависимой объектной части имеются однородные сказуемые, к одному из них, расположенному в конце конструкции, относится зависимая часть, которая начинается служебным словом **Екоже** и имеет, очевидно, объектное значение (перевод последней части конструкции возможен такой: творю то, чему научил меня мой отец).

2) В составе сложной конструкции встречаются две неоднородные и две однородные зависимые части:

аште кто оуслышитъ глы моЯ. I не съхранить ихъ. азъ не сУждЮ емоу. не придь **бо** да сУждЮ мируу нъ да спсУ миръ (Мар. 370, Ио. 12, 47).

От господствующей части (азъ не сУждЮ емоу), расположенной в интерпозиции, зависят препозитивная условная и причинная, то есть зависимые части, характеризующие ее с разных сторон. Далее следуют две однородно соподчиненные части со значением цели, которые начинаются одинаковым служебным словом (**да**) и связаны между собою сочинительным союзом **нъ**.

ОтвъЕшта исъ и рече имъ. **аште** азъ съвЕдЕтельствоуЮ о мьнЕ самомъ. съвЕдЕтельство мое истинно естъ. **Еко** вЕмъ откъУдоу придь и **камо** грАдУ (Мар. 349, Остр. 27, Ио. 8, 14).

Этот пример отличается от предыдущего тем, что постпозитивная причинная зависимая часть имеет при себе две однородно соподчиненные объектные части, присоединяющиеся различными относительными наречиями (**откъУдоу** и **камо**) и связанные между собой сочинительным союзом **и**.

3) Смешанная гипотактическая конструкция может состоять из двух неоднородно соподчиненных частей, к последней из которых присоединяется простое предложение.

егда же приде въ галилЕЮ приЯсА и галилЕане. вьсЕ видЕвьше **елико** сътвори въ ИмЕхъ. въ праздникъ. I ти бо приду въ праздникъ (Мар. 329, Ио. 4, 45).

Начинает конструкцию зависимая часть, указывающая на время протекания действия господствующей, следующей за ней, в которой имеется причастие «видѣвшее», требующее раскрытия своего содержания. Оно и дается в объектной зависимой части, непосредственно находящейся за причастием. Со всем предыдущим содержанием тесно связано стоящее далее простое предложение, присоединяющееся к предыдущей части при помощи сочинительного союза **и**.

В некоторых случаях связь простого предложения с предыдущим представляется еще более тесной:

Аще бѣ отць вашъ би бѣилъ. любили мА бисте. азъ бо отъ ба изидь и придь. не о себЕ бо придь. нѣ тѣ мА посла (Мар. 351, Ио. 8, 42).

Здесь к господствующей части, расположенной в интерпозиции, относятся условная препозитивная и постпозитивная со значением причины, к которой при помощи противительного союза **нѣ** присоединяется простое предложение.

4) Зафиксированы конструкции, в которых две первые зависимые части являются однородно соподчиненными, а ко второй из них по принципу последовательного подчинения относится еще одна зависимая часть.

рѣци намъ. когда се бУдетъ. и кое бУдетъ знамение. егда имУть съконъчати сА всЕ си (Мар. 168, Мрк. 13, 4).

В господствующей части, находящейся в начале конструкции, имеется глагол речи «рѣци», конкретное значение которого раскрывают две объектные зависимые части, начинающиеся различными служебными словами (**когда** и **кое**) и связанные между собою сочинительным союзом **и**. За ними следует зависимая часть, которая определяет имя существительное «знамение» и имеет атрибутивный характер. Следовательно, для этой части в качестве главной выступает предшествующая зависимая часть, в которой имеется определяемое слово.

Иногда все зависимые части выступают с одинаковым значением:

и се дѣва мУжа съ нимъ глЮща. Еже бЕсте мосии I илиЕ. Еже Евльша сА въ славЕ глаашете исходъ его. иже хотЕаше съконъчати въ илмь (Мар. 236, Остр. 283, Лк. 9, 30).

В данном случае все три зависимые части имеют атрибутивное значение, они определяют имена существительные, находящиеся в предшествующих частях. Связь однородно соподчиненных частей бессоюзная.

Ко второй из однородно соподчиненных частей может относиться несколько последовательно подчиненных:

самъ же исъ не вѣдаше себе въ вЕрУ ихъ. имъже самъ вЕдЕаше всА. I Еко не трЕбоваше да кѣто съвЕдЕтельст-

воуоуть о члвцЕ самъ бо вЕдЕаше что бЕаше въ члвцЕ (Мар. 321, Ио. 2, 25).

К господствующей части, расположенной в начале конструкции, относятся две однородно соподчиненные части, обозначающие причину действия этой части. Первая присоединяется к господствующей при помощи служебного слова **имъже** (потому что), вторая начинается служебным словом **Еко**; между собою они связаны соотносительным союзом **и**. Следующая за ними зависимая часть имеет объектный характер, а далее идут две последовательно подчиненные части, выступающие с причинным и объектным значением. В такого рода конструкциях, несомненно, наблюдается очень тесная связь между составными компонентами, а сам факт их наличия в языке — показатель высокой стадии развития гипотактических отношений.

Две однородно соподчиненные зависимые части могут находиться в конце конструкции, а в господствующую часть, расположенную перед ними, вставляется еще одна зависимая часть:

сихъ же не разоумЕшА оученици его прЕжде. нъ егда прослави сА исъ. тгда помЕнУшА. **Еко** си бЕшА о немъ писана. **И** си сътворишА емоу (Мар. 367, Ио. 12, 16).

В приведенной конструкции вторая из однородно соподчиненных частей не имеет служебного слова, а присоединяется при помощи одного сочинительного союза **и**.

В следующем примере господствующая часть находится в интерпозиции по отношению к препозитивным соподчиненным и третьей зависимой части:

оть селЕ глЮ вамъ. прЕжде даже не бУдетъ. да егда бУдетъ вЕрУ имете **Еко** азъ есмъ (Мар. 372, Ио. 13, 19).

Здесь объектная зависимая часть замыкает конструкцию, присоединяясь к господствующей при помощи служебного слова **Еко**. Соподчиненные части являются временными, начинаются неодинаковыми служебными словами и между собою связаны союзом **да**.

5) Сложная гипотактическая конструкция может состоять из господствующей части, за которой следуют две последовательно подчиненных, и к первой из них относится еще одна зависимая часть.

сходАштемъ же имъ съ горы. запрЕти имъ да никомоуже не повЕдАтъ **Еже** видЕшА. тгьмо егда снъ члвцскыи въскрсьнетъ из мрѣтвыхъ (Мар. 149, Мрк. 9, 9).

Последовательно подчиненные части в приведенной конструкции имеют одинаковое (объектное) значение, а от одной из них, начинающейся служебным словом **да**, зависит временная часть с ограничительным оттенком.

Встречаются сложные конструкции, состоящие из господствующей и трех последовательно подчиненных частей, к одной из которых относится еще зависимая часть.

съ приде къ немоу ноштиЮ. и рече емоу раввии. вЕмь Еко отъ ба пришелъ еси оучитель. никтоже бо не можетъ знамении сихъ творити. Еже ты твориши. аште не будетъ бъ съ нимъ (Мар. 321, Остр. 7, Ио. 3, 23).

В данном случае глагол-сказуемое **вЕмь**, находящийся в господствующей части, поясняет зависимая часть со значением объекта, которая имеет при себе причинную зависимую часть. В ней имеется имя существительное «знамении», которое определяет следующая зависимая часть с атрибутивным значением. Замыкает конструкцию условная часть, относящаяся к причинной, присоединяющейся к предыдущей при помощи служебного слова **бо**.

Отмечены и другие разновидности конструкций, в которые входят последовательно подчиненные части.

Так, две последовательно подчиненные части могут находиться в постпозиции по отношению к господствующей, но не непосредственно, а между ними как бы на правах вводного предложения вставляется еще простое предложение.

Еко же въкоуси архитриклинъ вина бывъшааго отъ воды. І не вЕдЕаше отъкУдоУ есть. а слоугы вЕдЕахУ почръпъшеи водУ. пригласи жениха архитриклинъ (Мар. 320, Ио. 2, 9).

В состав следующей смешанной конструкции входит простое предложение и присоединенная к нему при помощи сочинительного союза **а** конструкция, имеющая две последовательно подчиненные части и расположенную после них господствующую.

отвъЕшта исъ и рече еи. вьсЕкъ пийЯи отъ воды сеЯ въжАждетъ сА пакы. а иже пиетъ отъ воды Юже азъ дамъ емоу. не въждАдаатъ сА въ вЕкы (Мар. 326, Ио. 4, 13).

За тремя последовательно подчиненными частями следует господствующая, а замыкает конструкцию присоединенное бессоюзное простое предложение:

гла емоу ис. аште хоштУ да тъ прЕбудетъ. донъдеже придУ что е тебЕ. по мнЕ ты граДи (Мар. 403, Ио. 21, 22).

6) В одной сложной конструкции могут объединяться две простые гипотактические:

Азь Еже видЕхъ оу отца моего глюЮ. І вы оубо Еже видЕсте оу отца вашего творите (Мар. 350, Ио. 8, 38).

Обе части этой конструкции, соединенные сочинительным союзом **и**, характеризуются параллелизмом структуры. Зависимые части имеют одинаковое (объектное) значение и расположены перед глаголом-сказуемым, к которому они относятся.

Замыкать подобного рода конструкцию может простое предложение, присоединенное при помощи сочинительного союза:

рече же имъ ис. аще бисте слЕпи были. не бисте имЕли грЕ-
ха. нынЕ же глете. Еко видимъ. и грЕхъ вашъ прЕбываатъ
(Мар. 356, Ио. 9, 41).

7) В памятниках старославянского языка встречаются и дру-
гого типа усложненные конструкции, например:

подобно естъ црствие нбское зрѣноу гороушьноу. еже
вземъ чловЕкъ всЕ на селЕ своемъ. еже мѣне отъ всЕхъ
сЕмень. егда же въздрастетъ боле зелии естъ. I бывааатъ дрЕ-
во. Еко прити птицамъ нбскимъ I витати на ветвехъ его (Мар.
45, Остр. 241, Матв. 13, 31).

Приведенная конструкция состоит из сложного предложе-
ния, в которое входят две однородно соподчиненные атрибутив-
ные части, находящиеся в бессоюзной связи, и сложного пред-
ложения с зависимой временной частью и двух господствующих,
ко второй из которых относится зависимая часть со зна-
чением следствия.

Еще пример:

Слыша же иродъ четвѣртовластець. бываюштаа отъ него
всЕ. I не домыслЕаше сА зане глагль бЕ отъ етерь. Еко
иоанъ вѣста отъ мрѣтвыхъ. отъ инЕхъ же Еко илиЕ Еви сА.
отъ другихъ же Еко пркъ нЕкы отъ дrevньнихъ възкръсе (Мар.
234, Лк. 9, 7).

Здесь непосредственно за господствующей частью следует
зависимая часть с причинным значением, которая имеет при
себе объектную зависимую часть. Следующий весь текст —
отрезок можно рассматривать как два сложных предложения,
в господствующей части которых пропущено слово, к которому
относится зависимая часть с объектным значением. Оно опу-
щено потому, что совпадает со словом, находящимся в первой
зависимой (причинной) части. Следовательно, смысл последую-
щих сложных предложений может быть понят только в связи
со значением первого. Это свидетельствует о тесной взаимосвя-
зности данных предложений, входящих в состав единой ус-
ложненной гипотактической конструкции.

Таким образом, проанализированные тексты древнейших
старославянских памятников обнаруживают многочисленные
разновидности гипотактических конструкций усложненного ти-
па, в которых выражаются сложные смысловые взаимоотноше-
ния составных частей. Если для простых гипотактических кон-
струкций было характерно наличие различных переходных ти-
пов от паратаксиса к гипотаксису, нередко отсутствие тесной
подчинительной зависимости составляющих эту конструкцию
частей, то данные конструкции свидетельствуют о дальнейшем,
более глубоком развитии гипотактических отношений, о более
высокой ступени развития языка, а следовательно, и более
сложном познании окружающей действительности.

ОБ ОТРАЖЕНИИ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ОДНОГО ИЗ РУССКИХ ГОВОРОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЭСТОНИИ

Х. И. Хейтер

Северо-восточная Эстония давно привлекала внимание исследователей особым смешанным этническим составом населения, сложным переплетением русских и эстонских элементов как в языке, так и в материальной и духовной культуре. На этой территории русское население в течение многих веков проживало в тесном социально-экономическом, культурном и религиозном контакте с коренными жителями — эстонцами, в результате чего в западной части этого ареала, на территории бывшего прихода Ийзаку, образовались поселения, характеризующиеся русско-эстонским двуязычием.

По данным археологов и антропологов в Ийзаку в XII—XV вв. проживало смешанное водско-славянское население. Начиная со II половины XVI в., в период Ливонской войны и в последующие годы в связи с приходом русских крестьян из-за Наровы и с восточного берега Чудского озера увеличивается русское население в северном Причудье, и к XVII веку окрестность Ийзаку стала настоящим русским краем с преобладающим русским языком общения.

С конца XIX века в Ийзаку начался процесс этнической ассимиляции русского населения с эстонским. Этому процессу в значительной мере способствовали общий характер экономической жизни (основным занятием русского населения Ийзаку было, как и у окружающих эстонцев, земледелие), тесные связи с соседними эстонскими районами и центрами, а также вероисповедание. Русские прихода Ийзаку принуждены были уже с XVII в. принять лютеранство. Переходы из православного вероисповедания в лютеранство, несомненно, содействовали процессу этнического смешения в этом районе.

Отсутствие в течение долгого времени влияния русского литературного языка, изоляция от материковых, а также соседних русских говоров Эстонии, постоянные контакты с иноязыч-

ной средой привели к образованию русского-эстонского двуязычия, к значительным изменениям в фонетической и лексической системах говора.

В настоящей статье рассматриваются те сдвиги и изменения, которые произошли в лексической системе русского говора Ийзаку. Особое внимание уделяется лексическим заимствованиям из эстонского языка, а также явлениям, объясняемым меной языка и лексической интерференцией.

Заимствования из одного языка в другой при синхронном сопоставлении двух языковых систем представляют собой воспроизведение в заимствующем языке модели языка источника. Обычно слова, проникая в другую лексическую систему, подвергаются ассимиляции. Усваиваясь устным путем, заимствованные слова преобразуются в соответствии со звуковыми и грамматическими нормами заимствующего языка. Часто наблюдаются семантические сдвиги, утрата части значений, а также сужение первоначального значения.

При рассмотрении заимствований следует иметь в виду, что далеко не все слова заимствованы этим говором из эстонского языка: часть их известна и материковым русским говорам, а также и другим языкам (латышскому, литовскому, немецкому, финскому), которые могли послужить источником заимствования. Поэтому не всегда легко установить, из какого языка или через какой язык заимствовано то или иное слово, но это и не входит в задачу данной работы.

Большинство заимствований в исследуемом говоре восходит к эстонской (диалектной или общенародной) лексике. Семантически они разнообразны. Это слова, обозначающие реалии и понятия сельскохозяйственного производства, предметы домашнего обихода, названия пищи, продуктов питания, одежды, обуви, строительные термины и т. д., т. е. они относятся к самым равнообразным сферам жизни и трудовой деятельности населения этой местности.

Среди рассматриваемых эстонских заимствований, как показывают материалы, выделяются слова, употребляющиеся в ассимилированной форме, с русской аффиксацией, другие перенесены без особых изменений в их формальной характеристике.

Представляется, что первые из них можно отнести к наиболее ранним заимствованиям. Они прочно вошли в словарный состав местного русского говора и выступают обычно как единственная лексема для обозначения той или другой реалии. Наши предположения подтверждаются данными, приведенными Ю. Трусманом в конце XIX века в списке наиболее употребительных слов в местности Ийзаку, приложенном к его работе «Исакские полуверцы в Эстляндской губернии».¹ Почти все сло-

¹ Ю. Трусман, Исакские полуверцы в Эстляндской губернии. Временник Эстляндской губернии, кн. II, 1894, Ревель, 1895.

ва этой группы отмечены в данном словарики как эстонизмы и, очевидно, были известны говору уже более 70 лет назад.

К более ранним заимствованиям можно отнести следующие слова:

ва́гуша 'борозда' < эст. vagu; навоз клали в вагуши; ва́гуши лошадям розаривали;

килимат 'лукошко' < эст. külimit; килиматом называли посуду, куда клали семена;

ку́буша, мн. кубуши ~ кубу́шья 'пучок': < эст. kubi; лен завязали в кубуши;

ко́ппель 'выгон для скота' < эст. korrel; в ко́ппели скотина ходила; змея ей кусил месяц назад в ко́ппели;

кя́рпсик 'прясло, приспособление из продольных жердей на столбах для сушки сена' эст. kãrbis; клевер на кярпсике клали;

ре́дель, мн. ределя́ 'приставная деревянная рама с поперечными перекладами для сушки ярового, клевера' < эст. redel; жито на ределя клали;

ко́пуша 'картофелехранилище, зарытое в землю' < эст. koobas, гер. коора; копуши таки делал, картошку в копуши поставили;

ма́лжуша '1. дубина, 2. палки, расставляемые вокруг стога' < эст. malk; ма́жуши — прутья нарубишь, вокруг стога обовьешь, вирубишь три штуки, свяжешь в кучу, чтобы витек не разгонял сено;

тру́ллия 'укатка' < эст. gull, диал. trull; труллией труллибили 'укатывали' землю;

калика 'брюква' < эст. kaalikas; в огороде калика растёт;

логуша 'скошенная трава, покос' < эст. loog;

рей 'помещение для сушки снопов, зерна' < эст. rehi;

сепик 'хлеб из непросеянной пшеничной муки' < эст. seplik; картошку ели с хлебом, сепиком;

си́лька ~ си́лака 'салака' < эст. silk; раньше си́льку кушали; летом ели си́лку и кисло масло с боку, скусно були и все сити 'сыты' и здорови були; соленые силаки покупали раньше;

са́йка 'булка' < эст. sai; сайку так пекем;

во́рстик 'кровяная колбаса' < эст. vorst; из кишков, крови и круп ворстики делали;

вя́рвель 'пояс, гашик' < эст. värvel; передники носили на вярвеле; блузи около вярвеля вишити були;

та́нуя 'повойник' < эст. tanu; таную играли; невести таную надевали; женщины одевали тануи;

во́кка ~ во́куша 'прялка' < эст. vokk; нитку на во́кки спрядем; стара во́кка уже служивши сколько лет; пряли во́ккам; пряли на во́кки; на во́кку и спрядем; на во́куши пряст знаю; прядем жи́цу 'пряжу' во́ккой;

кáрзи мн. ч. 'начес' < эст. диал. karsid (мн. ч.); карзям чешу шерст; тепер нет таких карзей;
 кáрзять ~ кáрзить ~ кáрзевать ~ кáрзевить 'чесать шерсть' < эст. диал. kaarsma; жицю 'пряжу' карзяем; вот карзяли едаким карзям; сами накарзим; сами карзевали шерст; как длинна шерст, то трудней карзебит; карзебит лекче коротку шерст; сами карзем шерст;
 тэккия 'одеяло, покрывало' < эст. tekk; теккии вишити були; лошадей во время свадьбы украшали вишитим теккиям;
 пáстоны 'поршни' < эст. pastlad; на работу на ноги носили пастолы;
 кúльпия 'деревянная ложка' < эст. kulp 'поварёжка'; кúльпией сметану беру; кúльпией вертю масло;
 кап ~ кáпка 'черпак деревянный' < эст. kapp; кáпка — это кругла посудина, подойников мало було, в капку доили;
 тáссия 'чашка' < эст. tass; жестяни кружки — тассии були;
 кáстия 'сундук' < эст. kast 'ящик'; уже старши 'родители' кастию — сундук купили; в комнате шкали и кастии; в кастии держали белье;
 сáрика, мн. сарики 'стропило' < эст. диал. sarik; я выбираю на сарики тонки жерди; ён сарики прибывал; прибыю на первую сарику;
 áампалька ~ áамбалька 'потолочная балка, матица' < эст. aampalk; потолок на аампальках держится; внизу аампалки, потолще, не сгибаются;
 кéрикса 'каменка' < эст. keris; баня с кериксей; эта керикса — воду кинешь на каменя;
 трéпия ~ трéшка 'лестница' < эст. trepp;
 мýза ~ мýза 'имение, поместье' < эст. mõis;
 мýзник ~ мýзник 'помещик' < эст. mõisnik;
 вёруша 'веревка' < эст. pööt.

Поздние заимствования вошли в русский говор без существенных изменений, в основе они минимально используют русские словообразовательные аффиксы. И по семантике эти слова отличаются от более ранних заимствований, обозначая предметы и явления современного быта.

К поздним заимствованиям можно отнести следующие слова:

пúльбер '1. порошок, 2. химическое средство в виде порошка для уничтожения вредителей растений, насекомых, 3. искусственное удобрение' < эст. pulber 'порошок'; такой пúльбер сею навёрх; пúльбером посыпишь и так пúльбером уничтожаю всех.

мúллик 'телка' < эст. tullik; муллика вирастил; йона работает на мулликах;

вейн 'вино' < эст. vein; бутылка вейна;

кёмен, мн. ч. кёмена 'тмин' < эст. köömen; в хлебно тесто кёмена надо класт в серёдку;
 кле́йта 'плате' < эст. kleit; опять в ёй нова клейта; клейту разорвё; в ёй польтев и клейтев много;
 суссики 'летние туфли' < эст. sussid 'тапки'; суссики таки крепки делали;
 а́нкур 'бочонок для хранения кваса или пива' < эст. ankur; анкуры из дерева были сделаны; большой анкур вина було; ляхкры мн. ч. 'бочонок вместимостью в несколько литров для питьевой воды, кваса, молока' < эст. lähker;
 кю́хвель 'совок, лопата' < эст. kühvel; кидаю кюхвелем;
 пурка ~ пурочка 'банка' эст. purk; в нас много пурок наварено було брусниц; шурочку меда принесла от швейки;
 кирн 'маслобойка' < эст. kirn; кирн такой ящик сбитый, хрясты в серёдке, вянтом 'ручкой' гоняешь;
 па́пка 'картон' < эст. papp; стены обил папкой;
 пуссик 'нож' < эст. puss; большой ножик пуссик называли;
 та́хвель 'доска, плита' < эст. tahvel; в классе бул черный тахвель; писали на тахвели; этаких тахвелев обещал привест; тахвель да грифель в каждого були;
 кю́бьяс 'надсмотрщик, бурмистр' < эст. kubjas;
 ка́дрипяэв ~ кадринапяэв 'Катеринин день (25 ноября)' эст. kadripäev;
 ма́рдипяэв 'Мартынов день' < эст. mardipäev;
 пи́бель 'библия' < эст. piibel; пибель знаю; по пибелю так сказано;
 кате́измус 'катехизис' < эст. katekismus;
 ке́стер 'дьякон' < эст. köster;
 ле́ра 'конфирмация в лютеранской церкви' < эст. leeg; семнадцати год надо було в леру итит;
 са́льмики мн. ч. 'песни' < эст. salm 'стишок'; сальмики були, что в церкви пеят, вси в голови доложни бут;
 плац 'площадь, площадка' < эст. plats; ми встроились на плаце;
 бусь 'автобус' < эст. buss; с буссия так далёка домой итит; ён на буссии езди; машини и буссия не було;
 и́львес 'рысь' < эст. ilves; ильвеси в леси ёе;
 се́кла 'столовая' < эст. söökla; старша дочка в се́кли кокком — поваром работае;

пи́льтик 'картинка' < эст. pilt; в книжки пильтков много було.

Приведенные слова представляют собой неполный перечень имеющихся в говоре эстонских заимствований, однако их достаточно, чтобы убедиться в том, что они занимают значительное место в словарном составе исследуемого говора.

Не все рассмотренные нами слова являются эстонскими по происхождению. Среди них имеется немало германизмов, которые вошли в исследуемый говор через эстонский язык в форме,

преобразованной по фонетико-морфологической системе эстонского языка. Это относится и к некоторым интернационализмам, которые, по-видимому, также проникли в говор из окружающей эстонской среды. Сказанное могут подтвердить такие слова, как *тахвель* 'доска' < эст. *tahvel*, *рента* 'аренда' < эст. *rent*, *грунт* 'участок земли' < эст. *krunt*, *пібель* 'библия' < эст. *piibel*, *катекізмус* 'катехизис' < эст. *katekismus*, *мётр* 'метр' < эст. *meeter*, *кілометр* < эст. *kilomeeter*.

Целый ряд приведенных выше заимствований известен и другим русским говорам, как на территории Эстонии², так и на соседних территориях Псковской, Ленинградской областей, а также Латвийской ССР,³ образуя некоторые славяно-балто-финские изоглоссы, свидетельствующие о тесных исторических связях носителей славянских, балтийских и финских языков между собой.

За пределами Эстонии известно такое слово, как *редель* 'приставная лестница' — эст. *redel*, лат. *redeles*, лит. *redelė*. Оно широко распространено в северных районах Псковской области и в Ленинградской области, а также в латышском и литовском языках. Некоторые исследователи относят это слово в русских говорах к сравнительно поздним эстонским заимствованиям,⁴ другие рассматривают это слово как производное из нижненемецкого *Redel*.⁵

Калика ~ *калива* ~ *каливка* ~ *калига* и др. — эст. *kaalikas*, фин. *kaali* 'капуста', лат. *kālis*, лит. *kolis*, белор. *каліўка*, *каліка* 'брюква'. По Далю, слово распространено на трех участках. — новг., пск., твер. В словаре Фасмера это слово дается в форме *каликка* уже с большей территорией распространения — пск., новг., вятск., пермск., твер., смол. По Фасмеру, это слово заимствовано из эстонского языка. М. Веске также считает *калива*, *калига*, *калика*, *каливка* заимствованиями из эстонского *kaalikas*.⁶

² Некоторые заимствования, встречающиеся в русском говоре Ийзаку, отмечены также в русских говорах западного побережья Чудского озера. См.: В. Мюркхейн, Эстонские лексические заимствования в одном из русских говоров Эстонской ССР. — «Советское финно-угроведение», 1973, № 1; Е. В. Рихтер, Заметки о терминах сельскохозяйственных орудий и жилища в русских говорах западного Причудья. Труды Прибалтийской диалектологической конференции 1968, Тарту, 1970.

³ Т. Ф. Мурникова, М. Ф. Семенова, Некоторые лексические изоглоссы русских старожильческих говоров Прибалтики. Известия Академии наук Латвийской ССР, 1972, № 2, стр. 103—110.

⁴ Такой точки зрения придерживается А. Вийрес в работе *Sõnavaralisi paralleele Peipsi-tagustes vene murrakutes ja eesti keeles*. — «Keel ja Kirjandus», 1959, № 2, lk. 105.

⁵ См. Т. Ф. Мурникова, М. Ф. Семенова, ук. раб., стр. 107.

⁶ М. Веске, Славяно-финские культурные отношения по данным языка, Казань, 1890, стр. 12.

Далеко за пределами Эстонии известно слово *рей* 'овин' — эст. *rehü*, лат. *rija*, старолит. *rejà*, восточнолит. *rija*, бел. рэя.

В словаре Даля *рей* приведено как пск., зап. с указанием на источник — эстонский язык; известно и в русских говорах Литвы.⁷

По мнению проф. П. Аристэ⁸, это исконно прибалтийско-финское слово, которое через посредство нижненемецкого языка перешло во все балтийские языки, а также в русские говоры Прибалтики и соседних с ней территорий.

Слово *вагуша* 'борозда' — эст. *vagu*, лат. *vaga*, лит. *vaga* в форме *vaga* распространено во всех говорах Прибалтики.⁹

Баркан ~ *боркан* 'морковь' — эст. *porgand*, фин. *porkkana*, лат. *burkāns*, бел. баркан. Слово отмечено в ПОС¹⁰ в значении морковь; по Далю, боркан, баркан, барканица — новг., пск., твер. — считается немецким. По Фасмеру, *боркан* — русское слово, которое дало в лит. *burkantai*, *burkunas*, лат. *burkāns*.

Макса 'рыбья печень, печень налима' — эст. *taks*, фин. *maksa* 'печень'. По Далю, слово *макса* отмечено как пск., твер., оно известно и в русских говорах Карелии¹¹, в которых рассматривается как прибалтийско-финское заимствование.

Трудно решить вопрос о первоисточнике заимствованных слов. Однако некоторые из рассмотренной выше группы слов все же можно считать прибалтийско-финскими или эстонскими по происхождению (макса, калика, рей, вагуша), другие, генетически восходящие к немецкому или какому-либо другому языку, могли быть заимствованы или через русский, или через эстонский язык — язык непосредственного окружения.

Часто в речи двуязычных информаторов для обозначения той или другой реалии или понятия встречаются лексические параллели — дублеты. Они появляются тогда, когда информатор желает уточнить что-либо, более точно передать какие-либо названия. Первым членом таких парных высказываний обычно стоит русское слово, за ним следует эстонское, часто с эстонскими флексиями. Например: в огороде свёкла — *пéти* растё; раньше сундуки — *кёрстуд* були; Ягорый — *юрипяэв* бул большой праздник; овес — *кáэрад* первое сеяли; *кёмена* 'тмин' — *кёмнед*; *именья* — *мйзи* 'мызы' були; он лесник — *мётсавахт*.

Очень часто носители говора вставляют в свою речь эстонские слова. Такое явление, наблюдаемое в условиях двуязычия,

⁷ Е. З. Марченко, Названия некоторых хозяйственных построек в русских говорах Зарасайского района Литовской ССР. Диалектологический сборник. Материалы II диалектологической конференции, Рига, 1968, стр. 76.

⁸ Т. Ф. Мурникова, М. Ф. Семенова, ук. раб., стр. 106.

⁹ Там же, стр. 107.

¹⁰ Псковский областной словарь I, Л., 1967, стр. 120.

¹¹ В. В. Сенкевич-Гудкова, Семантическая структура переносных значений в русских говорах Карелии. Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности, Череповец, 1970, стр. 138.

принято называть меной языка. П. Аристе в одной из своих работ¹² высказывает мысль, что мену языка следует четко отличать от заимствований. В русском говоре Ийзаку мы сталкиваемся с частичной меной языка, когда в родную речь говорящего вставляются отдельные слова и словосочетания на другом языке, при этом соблюдаются нормы обоих языков. Мена часто наблюдается в речевой ситуации, когда информатор или затрудняется с подбором наиболее подходящего слова для более точного оформления мыслей, или же специально привлекает иноязычное слово, чтобы подчеркнуть его эспрессивную функцию. Иногда вставляется эстонское слово, русское соответствие которого не знают. Сказанное могут проиллюстрировать следующие примеры: в соседнем доме вайбад 'ковры' ткнут; молоко возили в мейерей 'на молочную фабрику'; нитка тонка, бистро катки 'порвется'; привел кяру 'тачку' или телегу; пили куммели чай 'чай ромашковый'; с оржаной муки варили кёрти 'жидкую кашу'; в суп еще паркани 'морковь', сйбула 'лук' и тилли 'укроп' кладут; там в лесу палвема 'молешня', туды пеать ходили ўскликуд 'верующие'; Ида не могё ходить, тазакалу 'равновесия' нету; осина на винёр шел 'фанера'; когда кончила в школу ходить, тогда лэри ляксиме 'в лесу ~ на конфирмацию пошли'; валяйте на пиду 'гулянье, вечер'; клэазид 'банки' поставили на тело; нярвид 'нервы' перережем; жала в день одну вакамаа 'пурное место'; у йаво этот вяхк 'рак' бул; муракад 'морoshка' во мху расту; ён такой нярвилине 'нервный' и др.

Обилие вставляемых в русскую речь эстонских слов и выражений, связанных с современным бытом, производственной деятельностью, и отсутствие при этом русского эквивалента, на наш взгляд, объясняются относительной изоляцией русского говора Ийзаку от основной территории распространения русских говоров Эстонии, а также незначительным влиянием русского литературного языка в течение значительного периода времени.

Кроме случаев мены, в исследуемом говоре встречается множество слов и конструкций, созданных по структурной модели слов или слов сочетаний эстонского языка. В таких случаях заимствуется только общее строение сложного или производного слова или сочетания слов вместе с его значением. Это т. н. кальки (англ. loan translation — букв. заимствование — перевод, франц. calque). Например: детски дети, старши 'родители' померши; на колесе 'на велосипеде' ездит не знаю; под резенем 'на операции' була; брат полтора года бул старый (эст. vend oli poolteist aastat vana) 'брату полтора года'; в школе штуки (эст. tükki) давали выучить 'уроки задавали учить';

¹² P. Ariste, A. Case of Language Shift. — «Советское финно-угроведение», 1968, № 2, стр. 81—84.

глазья́ (эст. silmad) 'петли на спицах'; младшая сестра ребёнка держала (эст. last hoidma) 'нянчила' летом и т. п.

Нам представляется, что приведенные случаи переноса значения вместе со структурой слова или сочетания слов из семантической системы одного языка в систему другого языка нужно рассматривать как явление лексической интерференции, в отличие от заимствования, при котором наблюдается перенесение лишь отдельных материальных элементов в составе языковой структуры, «заимствования связей и отношений этих элементов с другими элементами не происходит».¹³

Известно, что при заимствовании в любом языке самым существенным изменениям подвергается фонетическая сторона заимствуемого слова. Это наблюдается в основном тогда, когда звуки заимствуемых слов не укладываются по своим артикуляционным характеристикам в систему свойственных языку говорящего фонологических отношений. В таком случае обычно происходит отождествление чужого звука со звуком родного языка на основе акустической близости, т. е. происходит фонетическая субституция.

В русском говоре Ийзаку при освоении эстонских слов большим изменениям подверглись удвоенные (гемианты) и долгие согласные, долгие и сверхдолгие гласные.

Приспосабливаясь к русскому произношению, эти долгие и сверхдолгие гласные и согласные заменяются или одиночными короткими звуками, или полудолгим произношением соответствующего долгого звука.

Например: кёменá (эст. köömned), сёкла (эст. söökla 'столовая') метер (эст. meeter 'метр'), ампальки (эст. aampalk 'бревно-матица'), старша дочка коком (эст. kokk 'повар') работала.

Однако отмечаются случаи сохранения долгих гласных и согласных в речи двуязычных представителей говора. Например: вокк ~ вóкка ~ вóккия 'прялка', коппель 'выгон для скота', буссь 'автобус', суссики 'тапки', тэккия 'покрывало', меетер, ампальки и др.

Когда состав заимствованного слова не противоречил фонетической системе принимающего языка, то слова осваиваются без существенных фонетических отклонений. В исследуемом говоре слова пáстор, кубьяс, тохтер, мыза, пáстола, капка, кáстия, сáйка, тáнуя и другие освоились в говоре без особых изменений, так как фонемный состав и сочетаемость звуков не противоречат артикуляционным особенностям и сочетаемости звуков в русском языке.

¹³ Л. И. Баранникова, Сущность интерференции и специфика ее проявления. — Сб.: Проблемы двуязычия и многоязычия, М., 1972, стр. 93.

Однако во многих случаях в исследуемом говоре заимствованные из эстонского языка слова не могут быть адекватно переданы фонетическими средствами русского языка и отсутствующие в нем звуки передаются по возможности наиболее близкими к языку-источнику звуками. Так, эстонские гласные переднего ряда *Õ, Ä, Ü* во многих словах эстонского происхождения сохраняются к*Õ*мен, с*Õ*кла, к*Õ*рти, к*Õ*стер, к*Ü*хвель, к*Ä*рпсик, в*Ä*рвель и др. Перед этими гласными согласные, как правило, не смягчаются или произносятся как полумягкие. Ослабление палатализации наблюдается в позиции перед гласными *и* и *е*: в*и*н*е*р, с*е*п*и*ж, а*п*т*е*к 'аптека', м*е*т*е*р, м*а*нт*е*л 'пальто', р*е*нт 'аренда', п*и*б*е*ль и т. п. Здесь мы сталкиваемся с непосредственным влиянием эстонского языка, в котором палатализация согласных выражена весьма слабо, а в северо-восточных эстонских говорах, к которым примыкает и исследуемый русский говор, палатализация согласных перед передними гласными может совсем отсутствовать.¹⁴

Эстонские слабые согласные в русской речи часто заменяются звонкими звуками: риз 'рис', р*и*зови пироги; п*е*нзия, эст. *penzion*, русск. пенсия, идти на п*е*нзию; п*и*ду, эст. *pidu* 'вечер'; в*а*йбад 'ковры'.

В соотношении с велярным *л* постоянно произносится эстонский звук *l*: п*у*лбер, м*а*нт*е*л 'пальто', к*о*ппел, т*а*хвель, гр*и*фел и т. д.

Особое внимание обращают на себя встречающиеся в эстонских заимствованиях случаи отсутствия чередования долгот гласных и согласных — характернейшая черта северо-восточного прибрежного эстонского диалекта¹⁵, которая отражается и в русской речи двуязычных людей. Нами отмечены следующие примеры: к*р*ампид 'судороги' (эст. *kramp*: *kramppiD*); мардисантид 'ряженые, ходившие в мартинов день по домам с песнями и танцами' (эст. диал. *mardisant*: *mardisantiD*); т*и*лкад 'капли' эст. диал. *tilk*: *tilkkaD*).

Ударение в большинстве эстонских заимствований сохраняется на начальном слоге.

Наблюдения над грамматическим освоением эстонских заимствований свидетельствуют о том, что оформление грамматических категорий слов в известной степени определяется их фонетическим обликом в языке-источнике. Так, существительные, оканчивающиеся на *-а* в эстонском языке, в русском говоре Ийзаку относятся к женскому роду, слова на согласные — к мужскому роду, и изменяются по образцу русских имен существительных *I* и *II* склонения.

¹⁴ M. Must, Vene-eesti kakskeelsus Kirde-Eestis Slaavi-läänemeresoome suhete ajalooost, Tallinn, 1964, lk. 110, 116.

¹⁵ M. Must, ук. раб., стр. 116.

Многие эстонизмы вошли в русскую речь двуязычного населения или без изменений в основе с конечным согласным, или как бессуффиксные образования женского рода: сѣпик 'хлеб из непросеянной пшеничной муки', кѣпсик 'ковшик' < эст. kopsik, бусс 'автобус' < эст. buss, лѣзик 'единица измерения льна' < эст. leesik, кѣмен 'тмин' < эст. kōõmen, вокк ~ вѣжка 'шрллка' < эст. vokk, тѣхвель 'доска' < эст. tahvel, рѣдель 'приставная лестница' < эст. redel, пѣльбер 'порошок' < эст. pulber, кюхвель 'совок, лопата' < эст. kühvel, кѣппель 'выгон' < эст. koppel, мѣллик 'телка' < эст. tullik, сѣкла 'столовая' < эст. söökla, рѣнта 'аренда' < эст. rent, сѣрика 'стропило' < эст. sarik, лѣра 'конфирмация' < эст. leeg, клейта 'платье' < эст. kleit, мѣза < эст. mõis, максѣ 'рыбья печень' < эст. maks. Многие эстонские слова на гласные (кроме а), а также на согласные, оформляясь русскими словообразовательными суффиксами -к(а), -уш-, на русской почве становятся существительными женского рода. С помощью форманта -ик образуются, как правило, слова мужского рода. Например: вѣгуша < эст. vagu, кѣбуша < эст. kübi, кѣпуша < эст. koobas, ген. коора, лѣгуша < эст. loog, вѣкуша < эст. vokk, нѣруша < эст. nõu, трѣпка < эст. trepp, сѣлька < эст. silk, сѣйка < эст. sai, пѣрка 'банка' < эст. purk; кѣрпсик < эст. kärbis, вѣрстик < эст. vorst, пѣлтик < эст. pilt, сѣльмик 'стишок' < эст. salm, пѣссик < эст. puss.

Продуктивным является способ словообразования, когда к гласному основы (к конечному гласному эст. паритива) присоединяется русская флексия -а с эпентетическим -j: тѣнуя < эст. парт. тапи; трѣппия < эст. парт. treppi; трѣллия 'каток' < эст. диал. trull, парт. trulli; тѣккия 'покрывало' < эст. парт. tekki; кѣльпия 'поварешка' < эст. парт. kulpi; кѣстия 'сундук' < эст. парт. kasti; тассия 'чашка' < эст. tassi.

Среди глагольных форм вызывают интерес встречающиеся в говоре Ийзаку формы инфинитива, представляющие собой контаминацию эстонских и русских словообразовательных элементов. В таких образованиях к эстонской основе глагола наст. времени с признаком 3-го лица -b прибавляются русские суффиксы и -т(ь): кѣрзебит(ь) 'чесать шерсть' < эст. karsib; крохвибит(ь) 'штукатурить' < эст. krohvib; регистрерибит(ь) 'регистравать'; пѣрибит(ь) 'унаследовать' < эст. pärib и др.

Эти глаголы в говоре могут иметь все аналогичные с русскими глаголами спрягаемые формы.

Приведенный материал свидетельствует о том, что в условиях контактирования разнотипных языков в словообразовательной системе могут произойти изменения, в результате чего могут появиться новые, ранее неизвестные аффиксы (-бит).

Нами были рассмотрены некоторые наиболее характерные для русского говора Ийзаку способы оформления эстонских

займствований. Очевидна незначительная роль словообразовательных аффиксов в процессе освоения эстонских заимствований. Суффиксация является почти единственным способом, случаев префиксации не отмечено. Большой продуктивностью в образовании существительных обладают суффиксы -к(а), -уш-, -ик, остальные суффиксы менее употребительны или вообще не встречаются.

Семантическое освоение иноязычного слова всегда отличается сложностью, наличием смысловых сдвигов, образованием новых значений. Семантическая структура иноязычного слова при заимствовании, как правило, упрощается: многозначное слово приходит в будущий язык с более ограниченным кругом значений по сравнению с языком-источником.

В русский говор Ийзаку большинство эстонских слов перешло в прямом, конкретном значении: вóкка 'прялка', кя́рпсик 'прясло', ва́гуша 'борозда', кúбуша 'пучок', сéпик 'хлеб из непросеянной пшеничной муки', ре́й 'овин' и др. Это чаще всего слова, отражающие специфику предметов и понятий этой местности.

Однако нередки случаи, когда иноязычное слово употребляется в одном из его относительно узких, ограниченных значений.

Ср. кáстия 'сундук', эст. *kast* 'ящик', кисéль 'еда из овсяной муки', вóрстик 'кровяная колбаса', эст. *vorst* 'колбаса', кúльпия 'деревянная ложка', эст. *kuulp* 'поварешка'.

Иногда заимствованное слово может обозначать более широкое понятие по сравнению с языком-источником.

Например, эст. *pulber* 'порошок'; в говоре пульбер — 1. порошок, 2. химическое средство в виде порошка для уничтожения вредителей растений, насекомых, 3. искусственное удобрение.

В настоящей статье нами рассмотрены только наиболее характерные для лексической системы говора явления, обусловленные взаимодействием разных языковых систем.

Результаты такого интенсивного контактирования нуждаются в дальнейших исследованиях.

О СООТНОШЕНИИ ВОЗВРАТНЫХ И НЕВОЗВРАТНЫХ ГЛАГОЛОВ В ОДНОМ ИЗ РУССКИХ ГОВОРОВ ЭСТОНСКОЙ ССР

В. В. Мюркхейн

Как известно, в русском языке противопоставление глаголов по признаку возвратность/невозвратность перекрещивается с противопоставлением по признаку непереходность/переходность. Наличие у возвратных глаголов форманта -ся ставит их в разряд глаголов с формально выраженной непереходностью.¹ Однако в русских народных говорах эта особенность не всегда последовательно выдерживается. Так, невозвратные переходные глаголы (по нормам литературного языка) в говорах могут выступать в возвратной форме, и в свою очередь, на месте возвратных глаголов появляются невозвратные.² До настоящего времени эта черта русской диалектной речи в достаточной мере не изучена: не очерчен ее ареал, не выяснено лексико-грамматическое наполнение глаголов, допускающих указанные отклонения от литературной нормы.

Ряд исследователей конца прошлого и начала нынешнего столетия полагал, что почти все русские глаголы способны выступать как в невозвратной, так и в возвратной форме. Известны высказывания Н. П. Некрасова и разделявшего его точку зрения в этом вопросе С. О. Карцевского о том, что каждый русский глагол может присоединять частицу -ся³. В. Клас-

¹ Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров, Очерк грамматики русского языка, ч. I. Фонетика и морфология, М., 1945, стр. 162; А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. II, Братислава, 1960, стр. 405; А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, Русский глагол, Л., 1967, стр. 151; Н. А. Янко-Триницкая, Возвратные глаголы в современном русском языке, М., 1962, стр. 60; Грамматика современного русского литературного языка, М., «Наука», 1970, стр. 350.

² С. П. Обнорский, Очерки по морфологии русского глагола, изд. АН ССР, М., 1953, стр. 60—69; Русская диалектология под редакцией Н. А. Мещерского, М., 1972, стр. 196.

³ Н. П. Некрасов, О значении форм русского глагола, СПб., 1865, стр. 70—71, 82; S. Karcevski, Système du verbe russe, «Essa ide linguistique synchronique», Traque, 1927, стр. 89.

совский отмечал свойство почти всех русских глаголов принимать частицу *-ся* если не в литературном языке, то в церковнославянском и в устной народной поэзии.⁴ Позже С. П. Обнорский, анализируя случаи «употребления возвратной формы глаголов вместо ожидаемой (с точки зрения литературной нормы) невозвратной», указывал, что это явление в языке старшей поры было неоднородным. С одной стороны, оно было присуще русскому языку органически, с другой — шло от церковнославянской книжной традиции.⁵ Поэтому факты, известные в литературном употреблении в XVIII — начале XIX вв. и в фольклорных текстах, он рассматривает главным образом как архаизмы языка. Часть из них, а также случаи использования невозвратных глаголов вместо возвратных С. П. Обнорский считает формами «просторечного и областного происхождения».⁶ В. И. Чернышев объяснял колебания в употреблении глаголов с *-ся* и без *-ся* в языке писателей влиянием народных говоров.⁷

В настоящей статье мы остановимся на явлениях, свидетельствующих о нарушении противопоставления возвратных и невозвратных глаголов по формальному признаку (наличие или отсутствие элемента *-ся*) и связанных с ним лексико-грамматических различиях в русском старожилецком говоре Мехикоорма Эстонской ССР. Это один из островных говоров, расположенных в юго-восточной части ЭССР, носители которого традиционно владеют эстонским языком в его местном варианте и многие — литературным.

Анализ фактического материала будет производиться в такой последовательности:

- 1) случаи употребления возвратных форм глагола, синонимичных в лексико-грамматическом отношении невозвратным;
- 2) использование невозвратных глаголов в соответствии с возвратными без изменения лексико-грамматического значения.⁸

Наблюдения над глаголами первой группы показывают, что в ней выделяются две подгруппы в зависимости от того, переходный или непереходный глагол является основой образования возвратного глагола.

⁴ В. Классовский, *Нерешенные вопросы в грамматике*, СПб., 1870, стр. 67—68.

⁵ С. П. Обнорский, *Очерки по морфологии русского глагола*, стр. 60.

⁶ Там же, стр. 63, 67—68.

⁷ В. Чернышев, *Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики*, Петроград, 1915, стр. 277.

⁸ Возвратность мы понимаем как лексико-грамматическую категорию. См. Б. Ю. Норман, *Переходность, залог, возвратность*, Минск, изд. БГУ им. В. И. Ленина, 1972, стр. 88 и др.

Возвратные глаголы, образованные от непереходных, представлены в следующих случаях: штó-та ана запаздáлась, дай-ка я пакалачúсь в акнó 'постучу в окно'; пол в избý пиримаразýлся 'пол промерз'; яблани фси пиримаразýлись 'перемерзли'; с гваздóв всё пáдайтса 'с гвоздей все падает'; ф тыл ня такт-та ляхкó пападёшса 'в тыл не так легко попадешь'; старýк был сбит как нáсмерть а ажýлся 'старик был убит до смерти, но ожил'; цыплёнак ажýлся; фсё уж и зажýлась ф тябý 'у тебя все уже зажило'; тяпёрь зажýлись мнóга лúчы 'теперь зажили лучше'; я састряпалась с ёйнай скатýнай 'я управлялась с ее скотиной: накормила, подоила корову и пр.'; на сякúшку тяпёрь ни бярётса 'рыба на берет на сижушку' (сижуша, сижушка — это определенный вид приманки, способ лова. В. М.).

Наряду с указанными образованиями на -ся в говоре функционируют сопоставимые с ними невозвратные глаголы с тем же значением. Ср. яблани фси пиримаразýлись — гарáс сýльны марбóзы бýли чарнýка примёрзла; старýк ажýлся — кúра падбýта бýла тяпёрь ажýла, рýба тяпёрь ни бярётса — фчарá óкунь харашó брал.

В. В. Виноградов отмечал в подобных глаголах на -ся оттенок значения «бóльшей субъективной поглощенности действием».⁹ В отдельных случаях этот нюанс прослеживается, ср. штó-та ана запаздáлась — фчарá ётат афтабýс запаздáл; тяпёрь зажýлись мнóга лúчы — ани абвянчáлись и зажýли харашó. В некоторых случаях можно отметить оттенок интенсивности действия в возвратных глаголах по сравнению с производящими. Например: дай-ка я пакалачúсь в акнó; Лúза гарáз захлапатáлас как сястрá приёхала, все уж и зажýлась в тябý. Однако эти различия в значении возвратных и невозвратных глаголов так незначительны, что в целом следует говорить о почти полном совпадении семантики этих глаголов.

Возникновение отклонений от нормы в индивидуальном употреблении возвратных глаголов, образованных от непереходных основ, объясняется действием грамматической аналогии, так как «... в языке имеется ряд соотносительных возвратных и невозвратных непереходных глаголов, не различающихся или почти не различающихся по значению».¹⁰ В диалектах, где действие аналогии не сдерживается рамками нормы, возвратные глаголы, синонимичные невозвратным, могут появляться с еще бóльшей легкостью. Тем более в говоре, где нормирующее

⁹ В. В. Виноградов, Русский язык, изд. 2, М., 1972, стр. 508.

¹⁰ Н. А. Янко-Триницкая, Возвратные глаголы в современном русском языке, стр. 238—239.

влияние русского литературного языка ограничено конкуренцией эстонского языка.

Вторую подгруппу составляют возвратные глаголы, образованные от переходных глаголов. Как правило, такие образования лишаются грамматического значения переходности и в той или иной мере изменяют лексическое значение. Так, в русских говорах и просторечьи известны возвратные глаголы со значением усилительного обнаружения действия в интересах субъекта.¹¹ Эти глаголы встречаются и в нашем говоре: два дня стирáлась да убирáлась, сидéли да фс'о шы́лись тут, он мяня́ ни нахвáлитса, так ани и дабы́ваются 'так они добывают средства для жизни'; куды ани дабы́ва́тса пойдúт, такá ляна́ и в избý ни убирáлась 'такая ленивая, что не убирала даже избу' и др.

Наибольший интерес представляют возвратные глаголы, образованные от переходных глаголов и сохраняющие переходность в производных формах.¹² Например: тру́нна фтарóй язык учы́цца, он призна́лся Ольгу 'он узнал, признал Ольгу'; привяди́ мне пóлку ёсли тяб́я ésta ни затрудни́тса; штоб эту цёркавь ухваты́ть сама дёитильнасть устро́ились 'организовали самостоятельность, чтобы на средства от нее построить церковь'; прóста фтрёбавали пириминава́цца свай фамы́лии 'требовали переменить фамилии'; ф пёрву миравúю вайну́ мно́гих убы́лись; в Измёнки тóжы убы́лись нёкатарых; дятéй тяпéрь заучы́лись; он мяня́ ни нахвáлитса; там прибáвятса шырстяну́ пря́жу. Более регулярно отмечается употребление глагола учиться вместо учить в значении «приобретать знания, готовиться к занятиям.» Например: я матимáтику харашó учы́лась; анакак начнёт истóрию учы́тса ей так на́да вы́учытса фс'о как стишóк; ф шкóли ма́ла рúський язык учатса; ей на́да уро́ки учы́тса; ана ни учы́лась истóньскава язы́кá. В единичном случае отмечен глагол учиться вместо учить в значении «преподавать, обучать»: брат ехал ф Пй́рисар учы́тса 'брат ездил на остров Пийрисаар обучать детей, был учителем'. Обратное явление, т. е. использование глагола учить вместо учиться, нами не зафиксировано.

Отклонение от нормы в данной группе глаголов заключается в том, что глаголы с элементом **-ся** сохраняют основное грамматическое значение исходного

¹¹ С. П. Обнорский, Очерки по морфологии русского глагола, стр. 63.

¹² В оценке проблемы переходность/непереходность мы исходим из позиции, изложенной в «Грамматике современного русского литературного языка», М., 1970, стр. 350.

переходного глагола — транзитивность. В лексическом значении возвратные глаголы и соотносительные с ними невозвратные не имеют различий. По всей вероятности, это не свойственное для русского языка в целом явление возникло в двуязычной диалектной среде под воздействием эстонского языка. Видимо, интерференция в данном случае стала развиваться в результате наложения эстонских пассивных конструкций на русские страдательные обороты с возвратным глаголом. В эстонском языке в пассивных конструкциях объект действия не становится субъектом, а остается объектом.¹³ В русском контактирующем диалекте это положение вначале могло отражаться лишь на страдательных пассивных оборотах, а затем по аналогии перейти и на другие, сходные внешне конструкции с возвратным глаголом. Возможно и в самой системе русского говора могли быть какие-то предпосылки для развития интерференции такого рода, так как, по замечанию Б. Ю. Нормана, «... в современном русском языке редко, но встречаются случаи факультативного употребления прямого дополнения после возвратного глагола (обычно — *reflexiva tantum*), например: я очень боюсь чехословацкую команду, ...». Подобные факты встречаются в болгарском языке «на грани литературной нормы», а также в чешском литературном языке.¹⁴

В паре глаголов *учить/учиться* регулярность замены невозвратного глагола возвратным в большей мере можно объяснить воздействием эстонского языка. Русским глаголом *учиться* и *учить* в значении «приобретать знания, готовиться к занятиям» в эстонском языке соответствует один глагол *õppima*. Носители русского говора, попеременно пользуясь то одним, то другим языком, постепенно стали употреблять для выражения этих значений одну лексему. В самой системе русского языка основанием для этого перехода могла служить близость семантических полей глаголов *учиться* и *учить*. Таким образом нейтрализовалась оппозиция возвратности/невозвратности в данной паре глаголов и произошла лексикализация возвратного глагола, который оказался в семантическом и грамматическом отношении более емким (при нем сохраняется прямое дополнение).

Противоположное явление, т. е. использование невозвратных глаголов соответственно возвратным литературного языка наблюдается в говоре менее регулярно. Часть из ожидаемых возвратных форм образована от непереходных глаголов, например: *м а л а д ъ б ж а с т а н и т с ю д а* 'молодежь останется здесь'; *в о т ѓ т а к и м м а н е р а м о н г р ѓ х н у л н а п а л н я м о г и*

¹³ К. Kont, *Kaändesõnaline objekt läänemeresoome keeltes*, Tallinn, 1963, стр. 153—155.

¹⁴ Б. Ю. Норман, *Переходность, залог, возвратность*, стр. 102—103.

здынутса 'вот так он грохнулся, т. е. упал, на пол — не мог и подняться'; фси ужахну́ли 'все ужаснулись'.

Образования от переходных глаголов зафиксированы в следующих случаях: ско́лька ми́ру туда сабра́ла 'сколько народу там собралось'; я кагда нахади́л ф шкóбли мяня́ ни зна́ли што я ру́ськи 'когда я находился в школе...'; ана как се́дит так и ня зды́нет да ве́чера 'она как сядет, так и не поднимется до вечера'; што-та на́кинула на мяня́ 'что-то накинулось на меня'; я ей ни разряшы́ла а вот ана ни паслу́шала. Эти образования выступают в говоре в качестве омонимов к соотносительным невозвратным переходным глаголам. Ср.: кагда я нахади́л ф шкóбли — старик фсягд́а нахади́л ры́бныи мяста́; ана ня зды́нит да ве́чера — э́таку прóписину ня зды́нит и мушшы́на и др.

Сравнительная малочисленность и нерегулярность отмеченных фактов не позволяет проследить какие-либо закономерности в их природе и функционировании, а также сделать сколько-нибудь убедительные выводы о их генезисе. Отдельные факты могут быть реликтами языка. Например, словоформа оста́нет ведет к старой форме глагола остати,¹⁵ что отмечено еще С. П. Обнорским.¹⁶ Условно можно отнести к архаизмам глагол нахо́дил (в значении нахо́дился), сближающийся с некоторыми значениями древнего глагола находити (приходить, идти).¹⁷ Но более вероятно, появление формы нахо́дил вместо находился — это результат приспособления носителей диалекта к литературной по происхождению лексике в условиях относительно слабого влияния литературной нормы русского языка. Остальные факты подобного рода следует, видимо, рассматривать как инновации, возникшие в результате выравнивания по аналогии (ср. ... ана ни паслу́шала ← ана ни паслу́шала ради́телей) или под влиянием синонимичных конструкций (например: што-та на́кинула на мяня́ ← што-та на́шло на яё), в которых глагол закономерно выступает без элемента -ся. Кроме того, влияние могут оказывать и актуальные в данном языковом коллективе причастные формы на -ши, употребляющиеся, как почти повсеместно,¹⁸ без -ся, например: я здесь ради́фшы 'родился', он пять гот как жани́фшы.

¹⁵ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, том II, СПб., 1895, стр. 739.

¹⁶ С. П. Обнорский, Очерки по морфологии русского глагола, стр. 69.

¹⁷ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, стр. 347.

¹⁸ И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко, Синтаксис причастных форм в русских говорах, М., 1971, стр. 13, 120.

В какой-то мере на отклонения от нормы в употреблении возвратных и невозвратных глаголов может влиять русское говорение нерусской части населения Мехикоорма. Эстонцы, как показывают наблюдения, при недостаточном владении нормированной русской речью, довольно часто пользуются возвратными формами глагола вместо невозвратных и наоборот.

В заключение подведем итоги. Материал двуязычного русского говора, находящегося в тесных контактах с эстонским языком, обнаруживает в системе глагола определенные нарушения оппозиции возвратность/невозвратность и переходность/непереходность. Однако, как показывают факты, это положение нельзя всецело относить за счет влияния эстонского языка, не располагающего соответственными глагольными категориями. В данном случае можно наблюдать сложное взаимодействие внутренних процессов в развитии говора (обобщение по аналогии, возникновение лексикализованных и контаминационных форм) с внешним влиянием, идущим от наложения неродственной системы языка.

Рассмотренные явления позволяют предполагать, что интерференция на таком малодоступном для иноязычного проникновения уровне, как морфологический, развивается при наличии внутренних предпосылок для этого. Механизм интерферентных явлений так сложен, что в каждом конкретном случае он приводится в действие сугубо частными причинами, которые в изменившихся условиях могут и не вызвать должного эффекта. Наиболее общим условием, способствующим иноязычному вторжению на уровне диалектной речи (видимо, любой ненормированной), следует считать функциональное ослабление односистемного литературного языка.

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЭМОЦИОНАЛЬНЫМИ СИНОНИМАМИ

(к вопросу о понятийном и эмоциональном в слове)

Э. А. Вайгла

Вопрос о лексической синонимии, как известно, — один из спорных, нерешенных вопросов лексикологии. Не существует общепринятой цельной теории синонимов. Более того, некоторыми исследователями ставится под сомнение не только возможность изучения синонимов, но и их наличие (в традиционном понимании) в лексике вообще. Дискуссионным является вопрос об основе выделения синонимов (критерий взаимозаменяемости, общности значения или понятия, близости значения или понятия). Споры ведутся вокруг т. н. идеографических синонимов и т. д.

По-видимому, нельзя не согласиться с теми авторами, которые в существующих условиях считают полезным исследование конкретных вопросов, имеющих отношение к лексической синонимии. Думается, что такие исследования действительно могут оказаться не бесполезными с точки зрения будущей теории синонимов. В настоящей работе мы не будем касаться спорных вопросов о сущности синонимии и об идеографических синонимах, а остановимся лишь на некоторых вопросах, связанных с синонимизацией эмоциональных слов.

Как известно, эмоциональная лексика определяется в основном двояко: или на основе функции эмоционального воздействия (а также эмоционального восприятия слова или называемого явления) или на основе функции выражения эмоциональных оценок, отношений, чувств. Предметом нашего рассмотрения является эмоциональная лексика, понимаемая именно таким образом, т. е. выделяемая на основе функции выражения эмоциональных моментов, причем речь идет об эмоциональных моментах, присутствующих в слове узуально, независимо от контекста (хотя возможно варьирование их в контексте), что находит (или может находить) отражение в толковых словарях в виде эмоциональных помет (*ласкат., пренебр., неодобр., презрит., ирон.* и т. п.).

Итак, наличие в языке слов, выражающих различные эмоциональные оценки и отношения, возражений не вызывает. Но неизученным остается вопрос о взаимоотношениях предметно-логического и эмоционального в слове, а отсюда — вопрос об условиях возникновения эмоциональных синонимов и эмоциональных слов вообще. Характерными являются высказывания о том, что «семантика слова предопределяет эмоциональность слова. Эмоциональность — производное в слове, определяемое семантикой»¹ или что «эмоциональная окрашенность определяется оценкой, положительной или отрицательной, заложенной в самом предметно-логическом значении слова...»² Бесспорно, определенная связь, обусловленность и т. д. между предметно-логическим значением и эмоциональным моментом существует. И все же это утверждение представляется слишком общим, нуждающимся в конкретизации. Возникает вопрос, каковы взаимоотношения эмоционального и понятийного в слове, ведущие к образованию эмоциональных синонимов, и отсюда — хотя бы в самом общем плане — каковы условия возникновения эмоциональных слов. Небезынтересно, наконец, и то, какова при этом роль формы самого языкового знака (образный или необычный знак и т. п.).

В настоящей работе и делается попытка поставить эти вопросы. Материал взят из «Словаря синонимов русского языка», т. I—II, изд. АН СССР, Л., 1970—71, под редакцией А. П. Евгеньевой (сокращенно СС) и из «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (условное обозначение О). Для справок использован также «Словарь синонимов русского языка» З. Е. Александровой. Выбор источников не случаен: в словаре С. И. Ожегова и в СС пометы и указания эмоционального характера представлены наиболее «щедро», а может быть, и смело. Ведь эмоциональность слов — это область, где многое воспринимается индивидуально и где во многих случаях невозможны однозначные решения. Поэтому и количественные определения могут быть сделаны, по-видимому, лишь на уровне сопоставлений типа «больше-меньше». Неизбежно «допущение, что присутствие эмоциональной и стилистической окраски можно определить интуитивно и подтвердить примерами употребления».³

¹ Н. С. Старикова, Эмоциональная экспрессия как компонент синонимических отношений. Уч. зап. Казахского гос. женск. пед. ин-та, вып. IV, Алма-Ата, 1964, стр. 325.

² С. Б. Берлизон, Эмоциональные слова с редупликацией основ в современном английском языке типа *hocus — pocus, shilly — shally*. — Вопросы германо-романского языкознания и методики преподавания иностранных языков, вып. 2, Иркутск, 1972, стр. 331.

³ И. В. Арнольд, Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования (на материале имени существительного), Л., 1966, стр. 77.

Прежде всего, как нам кажется, целесообразно анализируемые слова (во многих случаях — лексико-семантические варианты слов) с точки зрения особенностей их значения (а отсюда — и по функции) условно разделить на две большие группы: слова, функция которых — номинация того или иного явления, без характеризующего момента в значении, «чистое наименование» (слова с семантикой типа Н) и слова, функция которых — характеристика явлений, указание на какие-то качества, свойства (семантика типа Н_{хар}). Делается предположение, что эмоциональность как явление, в основе своей идущее от субъекта, тяготеет к различным характеристикам.

Слова типа Н (номинация без характеристики) обозначают самые различные явления действительности, которые с точки зрения общественной практики и обычного восприятия могут быть «положительными», «отрицательными» или «нейтральными» (*дружба, родина; война, враг, украсть; глаза, бегать* и т. д.). Значения этих и подобных слов чисто номинативные; их функция — «бесстрастная», не осложненная выражением эмоционального отношения фиксация явлений посредством языковых знаков. Регистрация явлений окружающего нас мира — примарная задача лексики. Нет явления, для обозначения которого в языке в случае надобности не возникло бы название (нередко составное), причем обычно название объективное, не осложненное выражением субъективных моментов (хотя употреблению слова могут сопутствовать определенные эмоциональные наслоения и сознания).

Итак, синонимический ряд в этих случаях, как правило, имеет эмоционально нейтральную доминанту, «призванную» лишь обозначать какое-то явление или понятие, независимо от того, является ли сам «предмет» для нас «приятным» или «неприятным» и т. д. Более того, эмоционально нейтральное слово может быть единственным представителем отсутствующего синонимического ряда, т. е. наличие синонимов, в том числе эмоциональных, — явление факультативное. Эмоционально нейтральны, например, слова *любовь, радость, ненависть, свобода, народ, революция, передовик, горе, болезнь, смерть, лесть, взятка, отчаяние, спекулировать, фашист, вор, драться, разбойник* (в прямом значении) и т. п. Конечно, значения этих и подобных слов относительно легко обрастают эмоциональными наслоениями (индивидуальными или общими для всех или большинства говорящих), основанными на восприятии называемых явлений говорящими. Иногда воспринимается эмоционально само слово (напр., термины с внутренней формой⁴). Тем не

⁴ См. В. Н. Прохорова, Об эмоциональности термина. В сб.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии, М., 1970; З. П. Коломолова, Эмоциональность прагматимов (на материале товарных марок США). «Актуальные проблемы лексикологии», ч. 1—2, Новосибирск, 1971.

менее, трудно согласиться с теми авторами, которые, исходя из наличия в слове подобных сопутствующих эмоциональных моментов, все слова, называющие общественно «положительные» или «отрицательные» явления, относят к эмоциональной лексике. Далее, в этих случаях, по-видимому, уместнее говорить об эмоциональной коннотации⁵ или «ореоле»⁶, а не об эмоциональном значении.⁷ Ведь подобные сопутствующие употреблению слова моменты, возникающие в сознании говорящих, и выражение эмоциональной оценки или отношения — принципиально разные явления.

Конечно, сказанное не значит, что мы отрицаем возможность выражения эмоциональной оценки явлений самим словом-названием. Эмоциональные оценки могут быть выражены, например, средствами интонации, а также при помощи субъективно-оценочных суффиксов, предоставляющих богатые возможности для выражения различного рода эмоциональных оценок и отношений (ср., например: *старик, старец, старичок, старикан, старикашка, старичина; старуха, старушка, старушонка, старушенция*). Нас же в данном случае интересует, могут ли быть прослежены какие бы то ни было закономерности относительно возникновения эмоциональных синонимов к словам типа Н.⁸

Наблюдения показывают, что слова с семантикой типа Н часто имеют высокие, торж., трад.-поэт., приподнятые, а также шуточные и иронические синонимы.

Как шуточные, так и высокие слова свидетельствуют об определенном эмоциональном отношении к высказываемому, об определенном настроении говорящего. Непосредственная же оценка в этих словах может отсутствовать. («Оценка — это положительная или отрицательная характеристика предмета или явления, даваемая ему на основе его определенных признаков».)⁹

Высокие, трад.-поэт., торж., приподнятые, а также шуточные и иронические синонимы имеют, напр., наименования как «положительных», так и «отрицательных» или «нейтральных» явлений (чаще это отвлеченные, а также конкретные существительные, в том числе названия частей тела человека, названия лиц

⁵ Н. Г. Комлев, Компоненты содержательной структуры слова, изд. МГУ, 1969, стр. 114.

⁶ Е. Ф. Петрищева, Об эмоциональной окрашенности слов в современном русском языке (опыт лингвистического эксперимента). В кн.: Развитие лексики современного русского языка, М., 1965, стр. 40.

⁷ Ср.: Н. Павлова, Изменение эмоционального значения, Доклады межвузовской научно-теоретической конференции аспирантов, Филологические науки, Ростов-на-Дону, 1970, стр. 140.

⁸ Исходя из целей нашего наблюдения, мы намеренно оставляем в стороне анализ собственно стилистической окраски слов. Учтена она лишь там, где это имеет непосредственное отношение к выражению эмоций.

⁹ М. Н. Брандес, Стилистический анализ, М., 1971, стр. 127.

по профессии, по роду деятельности, по взаимоотношениям, а также относительные прилагательные и глаголы — в основном, обозначающие действия человека и т. д.). Приведем примеры высоких, торж. и т. д. синонимов.

Надежда — упование; участь — жребий; аромат — благовоение; красота — краса; гниль — тлен; смерть — кончина; зов — клич; родина — отчизна; отечество; произведение — творение; заключение — заточение; тюрьма — темница; лодка — челн; жемчужина — перл; лошадь — конь; глаза — очи; враг — недруг, супостат; повелитель — властелин, владыка; основоположник — родоначальник, отец; создатель — творец, создатель; скульптор — ваятель; земной — дольний; боевой — бранный, ратный; весенний — вешний; будущий — грядущий; грустить — кручиниться; вырастить — взлелеять; вылечить — исцелить; окровавить — обагрить; покорить — пленить, полонить.

Примеры синонимов шутливой и иронической окраски: *жалоба — иеремиада; верх — верхотура; свиданье — рандеву; драка — баталия, рукопашная; деньги — монета, гроши, капиталы, финансы; кальсоны — невыразимые; медведь — топтыгин, косопланный; врач — лекарь, эскулап; поклонник — обожатель; вздыхатель; муж — благоверный, половина; любовный — амурный; новый — новоиспеченный, свежееиспеченный; брить — скоблить; бить — кокать; влюбиться — втюриться, влопаться, врезаться, втрескаться; бояться — дрейфить; уйти — ретироваться; разойтись — разжениться; называться — титуловаться.*

Указания на шутливый или иронический характер слова в СС в большинстве случаев объединяются. По-видимому, в словах, имеющих ироническое звучание, оценочное отношение базируется не столько на оценке самого называемого явления, сколько на оценке ситуации, на отношении говорящего к носителю называемого признака и т. д. (см., напр., шутл.-ирон. синонимы к словам *деньги, свиданье* и др.). Но ирония может быть выражена и к самому называемому явлению, которое характеризуется как отрицательное, не соответствующее каким-нибудь условиям и т. д. (*иеремиада, персона*). В ряде случаев отрицательная оценка в иронических словах возникает в связи с характеризующим моментом (*иеремиада* — это многословная слезная жалоба; *изречь* — о напыщенном, но бессодержательном высказывании и т. д.). В этих случаях мы имеем дело с т. н. стилистико-идеографическими синонимами; по наличию в них характеризующего момента эти синонимы относятся к словам типа $N_{\text{хар}}$ (хотя доминанта ряда строится по типу N).

Кроме иронии, отрицательная оценка в синонимах к словам типа N может быть выражена и более резко (пренебрежение и т. д.). Приведем примеры. *Вмешиваться — соваться, лезть, влезать; ухаживать — волочиться, ухлестывать* и др.; *бояться — трусить, дрожать, трястись; медлить — мямлить; загля-*

деться — *зазеваться*; *гнусавить* — *гундосить*; *бранить* — *лаять*, *собачить*; *напиться* — *набраться*, *нагрузиться*, *нализаться* и др. (более 15-и синонимов); *изменять* — *продавать*; *убийца* — *душегуб*; *мальчик* — *шкет*; *любимец* — *любимчик*; *любовник* — *хахаль*; *толпа* — *орава*, *орда*; *изменник* — *шуда*; *торговец* — *торгаш*; *ложь* — *вранье*; *глаза* — *гляделки*, *мигалки*, *бельма*, *зенки*.

Имеются слова-синонимы, в которых наименование явления сопровождается выражением положительной оценки, ласки, почтения, вежливости и т. д., хотя количество их ничтожно, по сравнению со словами отрицательными (*старик* — *старец*; *есть* — *кушать*; *мальчик* — *мальчуган*, *паренек*; *дети* — *детвора*, *ребятня* и т. п.).

Обращает на себя внимание, что синонимы отрицательной эмоциональной оценки к словам с семантикой типа Н имеются в основном в сфере глаголов, называющих различные действия человека (реже такие синонимы имеют существительные типа Н, обозначающие человека, его действия и т. д.). Главным образом это действия, которые обычно оцениваются как отрицательные, или такие, которые в определенных условиях могут быть восприняты как отрицательные. Отсюда возможность употребления этих синонимов в качестве средства выражения отрицательной оценки данного действия вообще или по отношению к конкретным лицам. Другие существительные типа Н имеют синонимы отрицательной окраски в сравнительно редких случаях. По-видимому, для выражения эмоциональной оценки различных явлений (особенно *недействий*) без их дополнительной характеристики в русском языке чаще используются другие средства — интонация, суффиксальные модификации, контекст. Резервы скрываются также в возможности использования стилистически сниженных слов (вместо их стилистически нейтральных синонимов), в которых уже в силу их грубоватого характера заложены потенциальные возможности выражения отрицательной эмоциональной оценки, хотя стилистически сниженные слова не всегда содержат эмоциональный момент. Часто такие слова, как известно, свидетельствуют лишь о некоторой свободе словоупотребления, иногда о некоторой грубости или недостаточной образованности говорящего. Об этом писалось не раз. Сама же эмоциональная оценка (пренебрежительная и др.), которая может быть выражена посредством этих слов, относится не столько к самому обозначаемому явлению или признаку, сколько к его носителю. Эта двойственность в употреблении стилистически сниженных слов находит отражение и в пометах, которыми эти слова снабжаются в словарях. Примеры: слова *брюхо*, *пузо*; *гундосый*, *гугнивый*; *кумекать* в О эмоциональной пометы не имеют (есть помета стилистическая — *прост.*), в СС же снабжены следующими пояснениями: *брюхо*, *пузо* — чаще

с пренебр., презрит. оттенком; *гундосый, гугнивый* — часто с пренебр., презрит. оттенком; *кумекать* (в знач. 'думать') — иронич., пренебреж.

Более регулярная эмоциональная оценочность, по-видимому, имеет место в тех словах — синонимах к словам типа Н, которые содержат характеризующий момент (т. е. это слова, семантика которых строится по типу $N_{хар}$, представляющие из себя стилистико-идеографические синонимы, которые могут быть рассмотрены и самостоятельно, вне данных синонимических рядов¹⁰); *есть* — *жрать* (есть жадно и неряшливо); *жаловаться* — *ныть, стонать, скулить, хныкать* (о преувеличенных, назойливых жалобах); *драка* — *потасовка* (беспорядочная драка); *имущество* — *манатки* (о мелких, незначительных предметах); *задор* — *запал* (усилительное значение: чрезвычайная горячность); ср. также *красить* — *малевать*; *идти* — *вышагивать*; *запросить* — *заломить* (цену); *беречь* — *дрожать, трястись* (над чем-н.); *просить* — *клянуть, канючить, цыганить, хвалить* — *славословить* и т. п. Тем не менее, эмоциональная нагрузка подобных слов также не всегда фиксируется в словарях. Из приведенных выше, напр., слова *потасовка, манатки, запал, вышагивать, дрожать, трястись* в СС описываются как эмоциональные; в О эмоциональная помета не дана. Конечно, в том, что стилистические и эмоциональные пометы в словарях далеко не всегда совпадают, нет ничего нового. Очевидно, факты различной интерпретации подобных слов в словарях говорят о нечеткости, вариантности самого явления, т. е. эмоциональных моментов, сопутствующим денотативному значению слов типа Н, что ведет к различному восприятию эмоциональной нагрузки слова, а также к возможности употребления этих слов с различным, варьирующимся — иногда в широких пределах — эмоциональным заданием. *Писулька*, напр., в СС — пренебреж., в О — шутол. В СС часто даются указания, говорящие о вариативности выражаемой эмоции: *выгурить* — шутол. и пренебр.; *мчаться* — шутол., иронич. или неодобр.; *возлечь* — торж., а чаще шутол.-иронич.; *войка* — шутол.-иронич. или добродушно-пренебр. и т. д.

Наблюдения показывают, что у эмоциональных синонимов к словам типа Н эмоциональность в большинстве случаев является выраженной (у высоких, шутовых и иронических слов почти всегда). Кроме образной мотивации (в том числе переносности) и морфологической выраженности, эмоциональность слов часто опирается на устарелый характер слова (высокие слова, а также многие шутовые и иронические).

¹⁰ См., напр.: С. Г. Бережан, (рец.) Словарь синонимов русского языка (в двух томах). I (А—Н). ВЯ, 1971, № 5, стр. 128.

В некоторых стилистически сниженных словах-синонимах характеризующий момент возможен факультативно (*женщина* — *баба*; *лицо* — *морда*, *рожа*). Отсюда — возможность тройкого употребления этих слов: в качестве только стилистически сниженного синонима или синонима с эмоциональным заданием — без характеризующего момента (пренебрежит. и т. д. наименование женщины, лица и т. п.) или с характеризующим моментом (ср. *не женщина, а баба*; *морда, рожка* о некрасивом лице и т. д.). Возникает своеобразный случай многозначности — один и тот же знак начинает функционировать как средство обозначения понятия без ограничений или для наименования какой-то разновидности этого же понятия: отношения, близкие к видо-родовым. По-видимому, такая возможность обозначения одним и тем же словом более широкого и более узкого понятия чаще является потенцией, реализующейся окказионально (ср. *не помер, а издох* — М. Горький, *Мать*); в некоторых же случаях она стала узуальной, что фиксируется в словарях (*лицо* — *рожа, рыло* в СС). Аналогичное явление имеет место в сфере высокой лексики: в архаизмах, утробляющихся в качестве «высокого» синонима к нейтральным словам, возникает семантический оттенок: Таковы пары типа *глаза* — *очи*: *очи* как стилистический синоним слова *глаза* вообще (с общим эмоциональным оттенком некоторой лиричности и т. п., сопровождающим стилистический оттенок высоты) и *очи* о красивых глазах. «Примеры типа *чело* — *лоб* дают основание предположить, что различная стилистическая окраска, во всяком случае, многие ее типы, порождает семантические различия, вполне подобные тем, которые обычно называются различиями в оттенках значения».¹¹ По Ю. Д. Апресяну, это квазисинонимы (прыщавый лоб в нейроническом контексте нельзя назвать челом). Но вопрос усложняется тем, что слова типа *очи*, *чело*, *уста* выступают в качестве средства обозначения красивых глаз и т. д. лишь в определенном образом организованном контексте (речь идет о прозаических текстах), а именно при особом подчеркивании этого различительного момента, при особом заострении внимания на нем (откуда и антосинонимия¹² типа *не глаза, а очи*). Более того, при противопоставлениях подобного рода не всегда подчеркивается именно красота глаз (очей), хотя это всегда не «просто» глаза, а глаза чем-то необычные. Например, в СС: «женщина... с такими огромными карими глазами, к которым больше подходило слово «очи»» (А. Гончаров). У Л. Леонова — «...тусклые, как бы непромытые спросонья очи таинственного старого мира». Без такого специфического задания эти слова функционируют в речи просто как стилистическое средство. Не-

¹¹ Ю. Д. Апресян, *Синонимия и синонимы*, — ВЯ, 1969, № 4, стр. 90.

¹² Термин Ю. Н. Караулова. См.: Ю. Н. Караулов, *Структура лексико-семантического поля*. НДВШ, Филологические науки, 1972, № 1, стр. 64.

возможны, например, в современном прозаическом тексте высказывания типа *пыль попала ей в очи* или *волосы были зачесаны на чело* (какие бы красивые глаза, лоб и т. п. не имелись при этом в виду). Реализуется в таких случаях только стилистическая окраска; в приведенных примерах результат оказывается ироническим или юмористическим (высокие слова в нейтральном, бытовом тексте). Ср. стихи, в которых обыгрываются возможности сопоставлений типа *глаза — очи*, напр., С. Наровчатова, Северные Ярославны («Ланитами я щеки назову; румянец Веры вспомнив наяву...»); Л. Мартынов, Удача («Но теперь я отчетливо вижу, различаю все четче и четче, как глаза превращаются в очи, как в уста превращаются губы»). и др. По-видимому, семантические различия в таких случаях являются вторичными, порожденными не столько стилистическим, сколько эмоциональным моментом (восторженное и т. д. отношение поэта).

Таковы в общих чертах результаты наблюдений над словами группы Н. Конечно, в силу объективных причин, о которых выше говорилось, пока могут быть сделаны лишь предварительные выводы, намечены какие-то самые общие закономерности. Имеются исключения и из последних. Например, выше говорилось о том, что среди лексики этого типа, как правило, имеются прежде всего эмоционально нейтральные слова для обозначения явлений реальной действительности. Исключение составляют, например, некоторые шуточные слова, такие, как *хламида* (переносно), *посошок* (переносно), *вприглядку* (юмористическое образование по аналогии, ср. *внакладку*, *вприкуску*) и некот. др. Следовательно, вопреки общему «правилу», здесь отсутствует эмоционально нейтральный лексический синоним (разумеется, для нейтрального обозначения понятия может быть использован описательный способ — словосочетание). По-видимому, потребность в шутке иногда оттесняет на задний план даже первичную функцию слова — функцию номинативную: отсутствует лексическая единица для неэмоционального обозначения явлений, в то время как язык реагирует на потребность в выражении эмоции.

От слов, выполняющих чисто номинативную функцию, отличаются слова с характеризующей функцией (типа $N_{хар}$). Прежде всего это, конечно, слова, денотат которых — признак, т. е. имена прилагательные. Среди эмоциональных прилагательных особую группу составляют собственно эмоционально-оценочные слова и слова эмоционально-усилительные, которые образуют многочисленные ряды мотивированных слов-синонимов (*удивленный, изумительный, поразительный, дивный, чудный; превосходный, прекрасный, распрекрасный, великолепный, замечательный, отличный, отменный, идеальный; гадкий, мерзкий, мерзостный, омерзительный, отвратительный, отвратный; дивный, чудный, чудесный, волшебный, сказочный; страшный, ужасный, жуткий; дорогой, ненаглядный, желанный, драгоценный, родной, роди-*

мый; немилосердный, убийственный, нещадный, беспощадный и т. д.).

Это ряды, в которых эмоциональными являются все члены, поскольку само понятие в них — эмоциональная оценка (в эмоционально-усилительных — эмоциональное выражение понятия о высшей степени качества и т. п.).

Вторую (и гораздо более многочисленную) группу составляют прилагательные, обозначающие все другие признаки — т. е. не указывающие непосредственно на вызываемую явлением эмоцию, но являющиеся носителями характеристики, опирающейся на эмоциональное восприятие явления.

Прилагательные, обозначающие различные качества предметов, явлений, дают часто ряды нейтральных с эмоциональной точки зрения синонимов, независимо от «положительного» или «отрицательного» характера самих называемых качеств (*неплохой, недурной, приличный; печальный, скучный, унылый, невеселый; неустойчивый, нетвердый, шаткий, зыбкий* и т. п.). Примеры эмоциональных синонимов различной эмоциональной окраски: *пророческий — вещий; горький — горестный, скорбный; незабываемый — незабвенный; вечный — бессмертный, нетленный; лучистый — лучезарный; красивый — прекрасный; дешевый — копеечный, грошовый*. Но обращает на себя внимание, что основная масса эмоциональных прилагательных относится ко всевозможным качествам и характеристикам человека, его поступков и действий и т. д. Это же можно сказать о глаголах и существительных. Эмоциональные синонимы к глаголам, обозначающим действия не человека, редки (*вонять — разить*). Столь же редко встречаются эмоциональные синонимы к существительным, не имеющим непосредственного отношения к человеку (*глушь — дыра, трущоба*).

С другой стороны, самые различные положительные и отрицательные характеристики человека также могут быть выражены и нейтрально, причем в языке часто имеются целые ряды эмоционально нейтральных синонимов для выражения той или иной характеристики: *верный, неизменный, преданный, надежный; недобросовестный, небрежный, нерадивый; ласковый, нежный; добродушный, благодушный, незлобивый, беззлобный; неразумный, несмышленый, глупый*.

Но весьма часто характеристика человека выражается эмоционально. Повод для выражения отношения к человеку дает, например, его внешность: *красавица — красотка, краля; верзила, верста, каланча; малявка, пигалица; невзрачный, неказистый — плюгавый; толстый — жирный, толстомясый; бутуз, пузырь, пузан; болезненный — хлипкий, дохлый; напряженный — расфуфыренный*.

Эмоциональная оценка дается человеку на основе его материального и общественного положения: *богач — богатей, тол-*

стосум; беспризорный — уличный; небольшой, незначительный — маленький, мелкотравчатый, мелочь, мелкота, мелюзга; знаменитость — звезда, светило.

Но богаче всего состав эмоциональных синонимов в сфере характеристик человека по его качествам и действиям (в том числе поступки, поведение, речь и т. д.). Примеры шуточных и иронических синонимов: *чувствительный — слезливый, душещипательный, сердцещипательный* (о словах и т. д. человека); *безгрешный — святой, непорочный; бесчувственный, нечуткий* и др. — *толстокожий, твердокожий*. Примеры синонимов ласково-снисходительной окраски (часто создаваемой с помощью суффиксов): *соня — сонуля; глупыш, глупышка, несмышлениш*. Встречаются синонимы высокой окраски: *смелый — отважный; самоотверженный — беззаветный*.

Особенно же много синонимов, выражающих характеристику, окрашенную отрицательной эмоцией пренебрежения, презрения, неодобрения и т. п. Приведем примеры. *Праздный, досужий — праздношатающийся; надоедливый, назойливый* и др. — *привязчивый, прилипчивый, липкий* и др.; *гладкий, плавный, складной — приглаженный, прилизанный, зализанный* (о речи); *безнравственный — растленный; завистливый — завидующий; глупый, неумный — безголовый, пустоголовый, безмозглый; слабавольный* и др. — *мягкотельный; несообразительный — тупоумный, бестолковый, твердолобый* и др.; *притворщик — актер, комедиант; хитрец — хитрюга, плут; болтун — балаболка, пустомеля, пустослов, звонарь, мелево* и др.; *нелюдим — дикарь; женолюб — бабник, юбочник; бездельник — лодырь, лоботряс, шалопай; льстец — низкопоклонник* и т. д.

Относятся к сфере «человек» и глаголы, обозначающие самые различные человеческие действия и отвлеченные существительные, обозначающие действия и поступки человека и результаты этих действий, а также абстрактные существительные, называющие качества, свойства людей. Все эти слова (с семантикой типа $N_{хар}$) дают возможность для характеристики человека, правда, более косвенным образом. Здесь также, независимо от «положительного» и т. д. характера самого явления или действия, возможны как эмоционально нейтральные, так и эмоциональные синонимы; и здесь больше всего синонимов, выражающих отрицательные оценки. Некоторые примеры: *скупиться — жадничать, скряжничать, скупердяничать, жилииться, жаться* и др.; *упрямиться — артачиться; угодничать — подхалимствовать; смесь — винегрет, каша, крошка; самолюбие — амбиция; самоуверенность — самонадеянность, апломб; франтовство — пижонство*. (Следует оговориться, что некоторые слова, относимые нами условно к типу $N_{хар}$, представляют из себя переходное явление между типами N и $N_{хар}$. Точнее, семантика этих слов строится по типу N , но они могут употребляться как

$N_{\text{хар}}$, в характеризующей функции. Применение этих слов для обозначения человеческих действий, поведения и т. п. дает последним определенную характеристику. Примеры: *скандалить, слоняться, хвастаться, угодничать, упрямиться, бездельничать, клеветать, грубить, самоуверенность, самолюбие* и др.)

Итак, если слова с семантикой типа N сравнительно редко имеют бесспорные эмоционально-оценочные синонимы (исключение составляют, как мы видели, в основном глаголы, обозначающие действия человека), то к словам с характеризующей функцией в языке широко образуются эмоциональные синонимы, особенно часто к словам, содержащим отрицательную интеллектуальную оценку.

Как мы видели, эмоциональные синонимы могут в языке и отсутствовать. Но более интересно, на наш взгляд, то, что нередко случаи, когда в синонимическом ряду пустует место эмоционально нейтрального слова (впрочем, об этом писал еще Ш. Балли¹³). В таких случаях весь ряд состоит из эмоциональных слов (причем эмоциональная окраска может быть различной) или отсутствует вообще, и эмоциональное слово оказывается его единственным «представителем» (см. также выше, стр. 122). Приведем примеры синонимических рядов, состоящих из эмоционально-оценочных слов (по СС): *краснобай, златоуст; грязнуля, грязнуха; мальчишка, молокосос, щенок, сосунок, сопляк; размазня, рохля, недотепа, мямля, шляпа, тюфяк; нежничать, миндальничать; тараторка, трещотка, сорока, чечетка, балаболка, цокотуха, таранта; связаться, спутаться, снюхаться, спознаться*. (Следует отметить, что в О не все приведенные слова снабжены эмоциональными пометами [в последнем, X-м издании], в том числе и такие, как *тюфяк, шляпа*).

Примеры эмоциональных слов, не имеющих синонимов (эмоциональная окраска слов указана в X-м издании О): *обезьяна* (переносно), *попугай* (переносно), *левак, партизанщина, мания* (переносно), *маниловщина, левачество, литературищина, отсебятина, приbedняться, перестраховщик, политикан* и др.

Подчеркиваем, что любые оценки и характеристики могут всегда быть выражены и нейтрально (напр., описательным способом). Но отсутствие в языке ряда неэмоциональных лексических эквивалентов свидетельствует о важности функции выражения эмоционально окрашенной оценки: в словах типа $N_{\text{хар}}$ эта функция нередко оказывается примарной (в отличие от слов типа N , где такие случаи представляют из себя исключение, как мы видели выше).

Отсутствуют эмоционально нейтральные синонимы и к словам, в семантике которых содержится компонент 'плохой' (с вариациями — 'бездарный' и т. д.): *плохой писатель — бумаго-*

¹³ Ш. Балли, Французская стилистика, М., 1961, стр. 210.

маратель, марака, писака, пачкун; плохой врач — *коновал*; плохой художник — *мазила*; плохой поэт — *вишпенлет, стихоплет* и т. д.; ср. также *кляча, одер*. (Все эти слова обычно не относят к синонимам не оценочных слов *писатель, поэт* и т. д.)

Отсутствие в ряде случаев эмоционально нейтральных синонимов для обозначения различных оценочных, характеризующих понятий, на наш взгляд, не противоречит общему положению об относительной независимости эмоционального момента от понятийного в слове, тем более, не говорит о фатальной взаимосвязанности понятийного и эмоционального в слове вообще. Ведь любые оценки могут быть выражены без примеси эмоции, интеллектуально-логически.

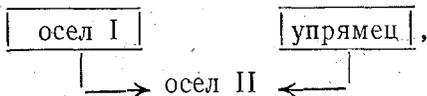
Эмоциональность в подавляющем большинстве рассматриваемых случаев оказывается выраженной (случаи типа *бурда, хам, халтура* сравнительно редки). Если наличие образной внутренней формы и вообще мотивации не является непременным условием функционирования языкового знака для эмоционально нейтральных слов — доминант синонимического ряда, то для выражения разного рода эмоциональных оценок форма знака далеко не безразлична. Чаще всего выражение соответствующей эмоциональной оценки или отношения осуществляется именно за счет образной внутренней формы (в том числе — переноса) или необразной мотивации. Используются широко также морфологические средства (кроме суффиксов субъективной оценки, суффиксы существительных общего рода, суффиксы *-ничать, -щина* и др.), стилистическая окраска (о чем говорилось выше), иногда «экспрессивно-смысловые потенциалы, заложенные в звуковом облике слова»¹⁴ и др. От грубости, резкости внутренней формы обвисит также интенсивность, резкость оценки (как и степень стилистической сниженности; ср. *сочинитель, писака, борзописец, пачкун*). Итак, хотя в принципе выраженность не является непременным признаком эмоциональных слов, ее, по-видимому, можно считать тем стержнем, на котором держится вся основная масса эмоциональных слов в языке. Парадоксальность кажущаяся. Если доказано, что наличие мотивированности — для большинства неэмоциональных синонимов — необходимое условие их существования¹⁵, то тем больше имеется оснований утверждать, что такое большое количество лексических средств, выполняющих функцию выражения эмоциональных оценок и отношений, удерживается в языке именно благодаря выраженности эмоционального момента. «Поскольку один и тот же элемент действительности может получить несколько наименований, отношение языка к действительности сводится во многом к про-

¹⁴ В. В. Виноградов, Из истории русской лексики и фразеологии. Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, 1954, № 6, стр. 14.

¹⁵ См.: Е. А. Иванникова, О роли мотивированности значения в синонимических отношениях слов, — В кн.: Лексическая синонимия. М., 1967.

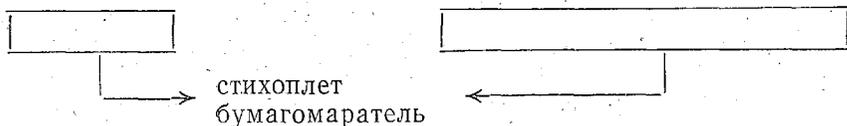
блеме выбора наименования и выявлению закономерностей в построении языкового знака»¹⁶.

В частности, интересный случай представляют из себя образные слова, в которых содержится как бы скрытая метафора. Это своеобразный случай «косвенной номинации» (термин заимствован нами у В. Г. Гака).¹⁷ Применив известную схему Е. Куриловича



получим для этих случаев следующую картину:

(плохой поэт или писатель)



т. е. пустует первая клетка: в ней место реальных предметов или существ и т. д. занимает некоторое представление — более или менее четкое — о человеке, занимающемся плетением стихов (нереальное занятие) или марианьем бумаги (занятие реальное, однако не имеющее в языке слова-обозначения) и т. п. Может дустовать и вторая клетка (как в нашем примере).

Некоторые выводы.

С точки зрения возникновения эмоциональных слов и синонимов существенными оказываются оппозиции человек — не человек, характеристика — не характеристика.

Основная масса выражаемых эмоциональных оценок и отношений относится к человеку, непосредственно или косвенно характеризую его.

«Отрицательность» или «положительность» самих обозначаемых явлений не ведет к автоматическому появлению в языке эмоциональных синонимов для их обозначения.

Если слова с семантикой типа Н, т. е. с назывной функцией, в основном имеют высокие, трад.-поэт. и т. п., а также шутливо-иронические синонимы (за исключением глаголов и существительных, имеющих отношение к человеку), то слова с характеризующей функцией имеют часто целые ряды также и синонимов, окрашенных отрицательной эмоцией (слова, содержащие положительные эмоции, в количественном отношении вообще не выдерживают никакого сравнения со словами отрицательной окраски).

Эмоциональный момент в слове может вести к развитию или изменению предметно-логического значения слова (*очи* и т. п.).

¹⁶ В. Гак, К проблеме соотношения языка и действительности, — ВЯ, 1972, № 5, стр. 16.

¹⁷ Там же, стр. 21.

Для выполнения специфической функции выражения эмоциональных отношений и оценок особенности знака (мотивированность и др.) в большинстве случаев существенны.

Если в группе слов с семантикой Н первичной функцией является эмоционально нейтральная номинация, то в группе слов с семантикой типа Н_{хар} она нередко уступает место эмоциональному выражению оценок. Отсюда, если в первой группе в редких случаях отсутствуют эмоционально нейтральные опорные слова, то во второй группе это имеет место значительно чаще.

Существование в языке эмоциональных слов, не имеющих нейтральных синонимов, свидетельствует о стремлении к выражению разных оценок нередко именно в эмоциональной форме.

Мы отдаем себе отчет в том, что наши выводы могут оказаться спорными, ведь речь может идти лишь о каких-то общих закономерностях, прокладывающих себе дорогу через множество разноречивых случаев. Более того, сфера эмоционального — это сфера явлений, которые подчас по-разному воспринимаются и поэтому с трудом прослеживаются.

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ПЕРИФРАЗА В ПРОЗЕ А. А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО

Х. Д. Леаметс

Перифразой обычно называют языковой оборот, состоящий из замены названий предмета или явления описанием каких-либо его свойств или признаков. Например: *автор «Горя от ума»* = Грибоедов; *светило ночи* = луна и др. На основе анализа ряда определений перифразы Л. Рапшите делает вывод, что «общим для всех определений является указание на способность перифразы окольным путем дать название предмету и явлению».¹ При нарушении лексической связи между компонентами фразы-замены возникают метафорические перифразы, которые (как двучленные метафоры вообще) можно разделить на именные и глагольные: АН — метафорическая перифраза с эпитетом (*небесное молоко* = дождь; *алмазные цветы* = звезды); NⁿN^p — перифразированная метафора генитивного типа (*млеко облаков* = дождь; *воздушные дети весны* = птицы); NV — глагольная метафорическая перифраза (*сосать проклятие из бутылки* = пить водку; *день шел в гости к вечеру* = вечерело). При этом метафорические перифразированные обороты могут быть «стертыми», вошедшими в язык (понятными без контекста) и индивидуальными, т. е. требующими расшифровки из широкого контекста, предполагающего знание общественных и литературных связей соответствующей эпохи. Например, у Марлинского: *четвероногая идиллия* = баран; *угнетенная невинность* = поросенок и др.

Высокая перифрастичность текста может считаться одной из ярких особенностей стиля А. А. Бестужева-Марлинского. В сознании современников этот факт связывался с влиянием стиля Карамзина. Отношение к перифразе в русской романтической литературе 30-х годов XIX века было неоднозначным. Ю. Н. Тынянов пишет: «<...> эстетизм, маньеризм, перифраза — не-

¹ Л. Рапшите, О роли перифразы в развитии средств выражения в современном французском языке. Уч. зап. высших учебных заведений Литовской ССР. Языкознание, т. XXIV (3), Вильнюс, 1973, стр. 209.

приемлемые черты литературной культуры карамзинистов — в 1835 г. уже сгладились, были вчерашним днем <...>². Однако, перифраза имела и иное распространение, она была в 20—30-е годы XIX века принадлежностью эпистолярного стиля Пушкина, Вяземского, А. Тургенева, Жуковского. «В этой как бы внелитературной, эпистолярной форме все время шла тайная пародическая работа над стилем; шутливая перифраза сохранялась в течение 20—30-х годов в переписке перечисленных писателей <...>»³. Творчество Марлинского пронизано шутливой иронией и перифраза используется им часто именно для создания ироничности, т. е. является как бы продолжением этого другого направления.

Мы рассмотрим именно метафорическую перифразу в творчестве А. А. Бестужева-Марлинского, сопоставив эту черту стиля с соответствующим явлением в прозе писателей-романтиков Н. А. Полевого и В. Ф. Одоевского. Метафорическая перифраза, как правило, содержит оценку называемого предмета. Все перифразируемые предметы мы можем условно объединить в 4 общих семантических класса: I — человек; его действия, свойства, качества; II — явления живой и неживой природы; III — вещи; IV — животный мир. Исследование метафорической перифразы позволит нам сделать некоторые выводы об оценках, даваемых автором определенным группам понятий.

Метафорическая перифраза с эпитетом (AN)

Эпитет-перифраза у Марлинского может характеризовать предметы всех названных семантических классов.

I. Перифразированные характеристики персонажей у Марлинского почти всегда содержат иронию: *рогатое племя* = мужья в свете; *бородатые собаки* = мореходцы; *доморощенный Жомини* = хвастливый офицер; *гербовый злодей* = француз; *малорослый сын великой нации, таможенная мышеловка* = Монтань. Сухощавый голландец Гензиус характеризуется целым рядом перифраз: *двуногая табакерка хозяина, двуногая треска*. Остроумно пародируются некоторые штампованные поэтизмы: *двуногие жемчужины* = женщины, девушки. В кавказских повестях находим такие перифразы: *конный грех* = мулла верхом на коне; *беда под белою чадрой* = жена, женщина.

Марлинский держится явно вызывающе, называя мадам де Сталь «словесной пирожницей», правда, при смягчающем контексте. Голландский фабрикант говорит дочери: «Нужна ли тебе компаньонка позабавнее — я выпишу такую, что в три дня

² Ю. Н. Тынянов, Архаисты и Пушкин, — В сб.: Пушкин и его современники, М., 1968, стр. 70.

³ Там же, стр. 56.

уморит тебя со смеху... Нужна ли мадам поученее — я найду такую, перед которой и мадам Сталь не более как *словесная пирожица*...».⁴

Перифразы могут характеризовать не только человека в целом, но и его отдельные свойства, отвлеченные качества: *божественная болезнь, сердечная мозоль* = любовь; *духовное око, нравственное солнце* = мысль.

II. Перифразы, относящиеся к предметам и явлениям неживой природы лишь изредка могут содержать налет ироничности. Некоторые из них сближают понятия диаметрально противоположные или весьма отдаленные и тем самым привлекают внимание читателя: *казацкое солнышко* = луна; *зеленая зима* = весна и лето в Петербурге; *каменные сосцы* = скалы; *текущий ад, живая дорога* = горная речка в пору дождя или таяния снегов; *ледяная пасть* = ущелье.

Марлинский часто перифразирует обозначения моря, волн: *зыбкая стихия, коварная стихия, влажная могила* = море; *зыбкий хрусталь, серебряные колосья* = волны. Перифразируются и другие явления природы: *песчаное море* = пустыня; *небесное молоко* = дождь; *алмазные цветы* = звезды; *огненный водопад* = шквал; *воздушная кровь* = заря. Взятые сами по себе, в отрыве от контекста, некоторые перифразы могут показаться напыщенными, вычурными: *небесное молоко, воздушная кровь* и др. Но в определенном контексте, в зависимости от персонажа, в устах которых перифразы звучат, от ситуации, с которой они соотносятся, эти перифразы служат у Марлинского общением множества смысловых оттенков, например: «Наконец, заря облила *воздушной кровью* и тучи и волны с востока: туманы и сомнения Правина рассеялись».⁵ В этом контексте заря ассоциируется с кровью, ибо по вине Правина, забывшего долги ради любви, погибло много митросов, вдобавок эта заря как бы является зловещим предзнаменованием гибели Веры и Правина.

III. В семантическом классе «вещи» у Марлинского чаще всего перифразируются три группы предметов: 1) суда (корабль, лодка, карбас и др.), 2) напитки и 3) различные виды оружия.

1) *Разбежавшаяся громада* = плывущий корабль; *гениальная мысль, одетая в дуб и железо, окрыленная полотном* = корабль; *пловучая почва* = палуба; *государство, сбитое деревянными гвоздями* = судно, куттер; *ничтожная русская раковина* = карбас; *пловучий монастырь, пловучая келья* = корабль;

⁴ А. Марлинский, Лейтенант Белозор. Второе полное собрание сочинений, т. 1, СПб., 1847, стр. 68.

⁵ А. Марлинский, Фрегат «Надежда». Второе полное собрание сочинений, т. 3, СПб., 1847, стр. 126.

двенадцативесельная республика = лодка. Патетическая или ироническая окрашенность перифразы зависит от ситуации.

2) *Жидкий грех* = вино; *жидкое забвение* = водка; *неkre-ценный напиток* = квас; *невинная влага* = питьевая вода.

3) *Свинцовая печать* = пуля; *трехгранные доказательства* = штыки; *чугунные кумушки* = пушки; *чугунные уста* = жер-ла пушек.

IV. Перифразированные обозначения животных довольно редки и в основном ироничны: *четвероногая идиллия* = баран; *угнетенная невинность* = поросенок; *степное море* = табун обезумевших от страха коней; *рыбный народ* = рыбы. Современники Марлинского остро должны были чувствовать шокирующую направленность некоторых перифраз, что явно входило в авторские намерения. Читатели хорошо знали, что «овца» — атрибут идиллической литературы, и добавление эпитета «четвероногая» переводило фразу в иной стилистический ключ.

Метафорический перифразированный эпитет, будучи важным компонентом в творчестве Марлинского, не играет заметной роли в художественных системах Одоевского и Полевого.

Случаи метафорической перифразы в текстах Н. Полевого, относящихся к 30-м годам XIX в., крайне малочисленны и не представляют возможности для классификации: *огненный вихрь* = любовь; *психологический месяц* = характер директора театра; *пламенная Поэзия* = Элеонора; *седой Купидон* = барон Калькопф; *деревянный прыгун* = барон Шаден; *нравственные пьяницы* = художники. В творчестве В. Одоевского названного периода случаи перифразированного эпитета еще более редки.

Метафорическая перифраза типа N²N^p.

I. В перифразах, характеризующих человека, в частности, действующих лиц, Марлинский в основном верен романтической оппозиции «герой (героиня)» — «остальные персонажи». В перифразированных характеристиках первых ирония отсутствует: *солнце всех радостей* = Селтанета; *звезда души моей* = любимая; *жемчужина души* = Вера для Правина.

Перифрастические характеристики остальных действующих лиц либо сами по себе содержат отрицательную оценку, либо ирония создается контекстом. Трусливый и лживый Гаджи-Юсуф, например, характеризуется следующими перифразами: *бурдюк лжи*, *базарная лавка всех глупостей*, *грязный перекресток грехов*. Ироничны в контексте перифразы: *изумруд красоты*, *указательный перст учености* = Мир-Фейзуллах-Тебриз; *профессор туалетного искусства* = жена NN; *пустоцветы и пустоцветы гостиной* = светские молодые люди.

Налет философской отвлеченности, размышлений над взаимосвязью явлений имеют перифразированные обозначения некоторых неконкретных понятий, при этом параллель обычно проводится к человеческим отношениям: *будильник души человеческой* = труд; *мать голода* = засуха; *наследник неурожая, отец болезней, брат разбоев* = голод; *ки(в)от гения* = ум; *чердак человеческого разума* = затылок; *междоветия горести* = самые счастливые мгновения жизни; *розы здоровья* = румянец на щеках; *четырёхтомный роман брака* = четырехкратная женитьба мусульманина; *весна сердца* = любовь; *семена греха* = взгляды; *дети азбуки* = буквы; *первая буква английской дисциплины* = пинок. Для сравнения приводим рядом: *последняя буква английской дисциплины* = петля на конце рея.

II. Метафорические перифразы типа NⁿN^p, характеризующие явления природы, так же как и соответствующие метафорические перифразированные эпитеты, редко содержат иронию. Явления природы характеризуются в сопоставлении с миром человека: *пелена новорожденного солнца* = радуга; *дитя бури* = солнце; *новый сын вечности* = наступающий день; *ягоды полей воздушных* = капли дождя; *сосцы жизни* = облака; *ночные цветы неба* = звезды; *зеркало вечности* = Каспийское море; *млеко облаков* = дождь; *Фальстаф земного шара* = море. Перифразируются у Марлинского также некоторые географические объекты; *жемчужина исключений* = Петергоф; *изумрудный перстень Англии* = Уайт; *передняя Востока* = Дагестан; *колыбель рода человеческого* = Азия.

III. Встречаются лишь единичные случаи перифразирования предметов семантического класса «вещи»: *чугунный дождь русских пушек* = ядра; *предисловие обеда* = чурек с овечьим сыром; *сосуд надежды* = кувшин со снегом Шах-дага; *настояйка глупости* = водка. Значение последней перифразы понятнее в контексте. Английский капитан, ограбивший и взявший в плен Савелия, говорит ему: «Если утопить тебя в море, оно сделает из тебя солонину рыбам: тебя жаль! Если ж утопить тебя в водке, она превратится в *настоялку глупости*: водки жаль! Ты, приятель, лихой моряк, когда пускаешься по морю в табакерке: я не могу запретить себе уважать такую отвагу».⁶

Несмотря на то, что стиль Н. Полевого в целом насыщен перифразой типа NⁿN^p, перифрастичность его отличается от того же явления у Марлинского. Перифраза Марлинского структурно разнообразнее и, как правило, содержит иронию. Перифраза этого типа у Полевого часто монументальна, стремится обычные понятия выразить в более величественном плане: *Ваграм, Бородино, Полтава гения* = драма; *Ангел света* = Ген-

⁶ А. Марлинский, Мореход Никитин. Второе полное собрание сочинений, т. 3, СПб., 1847, стр. 169.

риетта; *сады Армидины* = поэзия; *старость природы* = зима; *великая книга Жизни* = жизнь; *платье души Вильгельма* = чувства Вильгельма.

В творчестве В. Одоевского указанного периода именная метафорическая перифраза типа NⁿN^p отсутствует.

Анализ именной метафорической перифразы параллельно в творчестве А. А. Бестужева-Марлинского, Н. А. Полевого и В. Ф. Одоевского показал, насколько по-разному писатели одного литературного направления могут относиться к одному и тому же стилистическому приему. А. Марлинский широко пользуется метафорической перифразой для создания каламбура, иронии, шутки; Н. Полевой стремится придать выражаемому большую значительность, а В. Одоевский совершенно отказывается от указанного стилистического приема.

О ПЕРЕВОДЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

(Эмоциональное слово и контекст)

Э. А. Вайгла

В современной теории и практике перевода требование буквализма можно считать явлением, относящимся к прошлому. Нет сомнений в том, что слово не является единицей перевода¹ и что «художественно-языковая форма в переводе должна быть равноценной, равнозначной (но не обязательно тождественной)».²

Тем не менее, это не означает, что внимание к живому слову подлинника может быть ослаблено, особенно когда дело касается перевода художественного произведения. Переводчику, а также теоретику и критику перевода необходимо не только иметь верное представление о произведении как художественном целом, о его идейной направленности, системе образов и т. д.; необходимо также с предельным вниманием и во всех нюансах изучить язык и стиль произведения. В этой связи хочется привести высказывание О. Кундзича о том, что «ни в процессе перевода, ни в его теоретическом анализе отделить лингвистическое от прекрасного невозможно, так как прекрасное является функцией лингвистического. Вне такой функции лингвистическое в художественном контексте *не бывает*. Эстетическая функция возникает в лингвистическом элементе немедленно в момент написания слова в произведении или переводе его».³

Поэтому правомерен рост интереса к лингвистическим проблемам перевода, направленным на «выявление степени словесно-художественного соответствия перевода оригиналу».⁴ Ко-

¹ См. об этом, напр.: А. В. Федоров, О соотношении отдельного и целого в процессе перевода как творчества. — ВЯ, 1970, № 6, стр. 33.

² Л. Н. Смирнов, К теории художественного перевода (проблемы лингво-стилистической адекватности). «Славянское языкознание». VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации, М., 1973, стр. 507.

³ О. Кундзич, Переводческий блокнот, — «Мастерство перевода», сборник 1966, М., 1968, стр. 221.

⁴ Л. Н. Смирнов, ук. соч., стр. 505.

нечно, лингвостилистический анализ перевода художественного произведения чаще проводится комплексно, но оправдывает себя и анализ тех или иных компонентов языка и стиля, особенно таких, которые выполняют существенные функции в художественной структуре произведения.⁵

Одной из групп лексики, являющейся своеобразным и ярким стилистическим средством, несомненно, является эмоциональная лексика. Ниже будут рассмотрены некоторые вопросы, связанные с переводом слов этого типа (на материале романа Леониды Леонова «Русский лес» и его перевода на эстонский язык).

Но вначале необходимо пояснить наше понимание эмоциональной лексики.

Известно, что в контексте, а особенно в контексте художественном, почти любое слово может оказаться эмоциональным. Мы же наше рассмотрение сознательно ограничиваем словами (хотя встречаются некоторые исключения), в которых эмоциональность является «заданной», т. е. речь идет о словах, которые в силу особенностей своей семантической структуры являются специфическим средством выражения эмоционального отношения говорящего к явлениям окружающего мира (разумеется, эти «заданные» эмоциональные моменты также могут варьироваться, видоизменяться в условиях контекста). В принципе эти слова могут в словарях иметь пометы, указывающие на содержащуюся в них эмоциональную информацию (пометы *неодобр.*, *пренебр.*, *уничиж.*, *презрит.*, *ласк.*, *шутл.*, *ирон.* и т. п.); сюда можно отнести и слова высокого стиля, как несущие эмоцию лиричности, торжественности.

Эмоциональные слова, понимаемые таким образом, в произведении, как правило, выполняют весьма важные функции, являясь непосредственными выразителями симпатий и антипатий, эмоциональных оценок, состояний и реакций персонажей, а подчас и самого автора. Отсюда ясно, какого пристального внимания эти слова требуют от переводчика, которому предстоит найти в языке перевода адекватные средства для передачи сложной и разнообразной гаммы эмоциональных оценок и отношений, содержащихся в тексте оригинала. Вопрос осложняется еще и тем, что в словах этого типа весьма часто взаимодействуют эмоциональные и стилистические моменты, причем даже минимальные сдвиги в одном иногда влекут за собой изменения в другом.

Эмоциональная лексика (в нашем понимании) в художественных произведениях используется по-разному — и в количественном, и в качественном отношении. Привлечение ее художником слова зависит от жанра и тематики, от авторской установки и особенностей его индивидуального стиля и от ряда других причин. Широко использована эмоциональная лексика в

⁵ См., напр., указанную работу Л. Н. Смирнова.

романе Л. Леонова «Русский лес». О сложности стилистической структуры романа писалось неоднократно. Например, З. Богуславская стилистическое своеобразие этого произведения определяет как «сложный сплав, полифоническое искусство, где бытовая конкретность соединилась с символикой; эпическая торжественность — с психологической нюансировкой, где выразительными средствами является и трагический монолог, и пейзажная лирика, и гротеск, и публицистически-романтическая приподнятость. И каждый круг событий, лиц, настроений романа связан с определенным речевым слоем».⁶ Известную, на наш взгляд, весьма существенную роль в этой сложной, тонкой стилистической структуре произведения играют эмоциональные слова, разнообразные по своим эмоциональным и стилистическим характеристикам.

Функции эмоциональной лексики в романе многослойны. Посредством эмоциональных слов выражаются эмоциональные реакции, состояния персонажа в той или иной ситуации; в то же время эти слова — одно из ярких средств речевой характеристики персонажей, а также средство выражения отношения самого автора к изображаемому. Ведь автор романа «Русский лес» не является бесстрастным (хотя бы внешне) рассказчиком, предоставляющим читателю самому делать необходимые выводы. На это обращает внимание М. Лобанов: «Резкость субъективно-оценочного момента составляет характерную особенность стиля романа Леонова. Она является следствием активной идейно-эстетической позиции автора, его стремления к предельно открытому выражению своих симпатий и антипатий».⁷ Наконец, вписываясь в контекст целого, как художественного единства, эмоциональные слова во многом содействуют созданию общей эмоциональной тональности произведения, его эстетического воздействия, что, в свою очередь, теснейшим образом связано с идейно-художественной концепцией автора.

Разумеется, нет никакой возможности проанализировать здесь все случаи использования эмоциональных слов в романе и их перевод. В этом нет и необходимости: мы не ставим себе целью ни оценку перевода в целом (сделанного, кстати, более 16-и лет назад), ни оценку перевода всей эмоциональной лексики в книге. Нашу цель мы видим скорее в постановке вопроса о необходимости учета контекста при переводе эмоциональных слов, от т. н. микроконтекста до контекста произведения как художественного целого. Тем не менее, выбор для анализа именно романа Л. Леонова и его перевода не является случайным: причина выбора — исключительное богатство эмоциональных слов и разнообразие их функций в этом произведении.

⁶ З. Богуславская, Леонид Леонов, М., 1960, стр. 352.

⁷ М. Лобанов, Роман Л. Леонова «Русский лес», М., 1958, стр. 53.

Ниже будут отдельно рассмотрены некоторые случаи перевода слов высокого стиля; слов с суффиксами субъективной оценки; нейтральных и стилистически сниженных слов, содержащих эмоциональные компоненты в лексическом значении; выделена группа своеобразных разговорных ласкательных обращений.

Все примеры приводятся по следующим изданиям: Леонид Леонов, *Русский лес*, ГИХЛ, М., 1957 (по этому изданию сделан перевод; переводчик Э. Роомет) и Leonid Leonov, *Vene mets*, ERK, Tallinn 1958.

* * *

Высокие слова выражают эмоциональные оттенки торжественности, лирической приподнятости, именно поэтому эти слова рассматриваются как разновидность эмоциональной лексики. К этому лексическому пласту больше, чем к какому бы то ни было иному, на наш взгляд, могут быть отнесены слова В. В. Виноградова о том, что «язык художественного произведения, являясь средством передачи содержания, не только соотносен, но и связан с этим содержанием; состав языковых средств зависит от содержания и от характера отношения к нему со стороны автора (разрядка наша — Э. В.)».⁸

Высокая лексика, кроме своей эмоционально-стилистической функции, а вернее — именно через эту функцию, помогает осуществить определенный замысел писателя. В романе Л. Леонова «Русский лес» высокие слова появляются в связи с образом родничка, в связи с темой родины, России, народа и его подвига в борьбе против фашизма; в высокой тональности даны поэтические картины леса, описания Москвы в дни войны; наконец, в высоком ключе говорится о самой жизни, о ее торжестве над силами разрушения и смерти. Разумеется, высокие слова у Л. Леонова не единственное средство создания высокого слога, более того, количественно они в романе немногочисленны. Но появление высоких слов именно там, где речь идет о самом важном для автора, о наиболее значительном в книге, говорит об их значимости. Подчас стилистически повышенные слова в тексте романа выступают в функции своеобразных ключевых слов, создающих наряду с другими языково-стилистическими средствами атмосферу возвышенности, приподнятости, «взволнованно-патетического звучания».⁹

⁸ В. В. Виноградов, *Язык художественного произведения*, — БЯ, 1954, № 5, стр. 14.

⁹ М. Лобанов, *ук. соч.*, стр. 197.

Задача переводчика — сохранить в переводе возвышенную тональность речи, высокое звучание. Например, есть в романе впечатляющие, проникнутые высоким лиризмом картины, воспринимающиеся как своеобразные прекрасные стихотворения в прозе. Таковы, на наш взгляд, первое описание лесного родничка; отрывок лекции Ивана Вихрова, изображающий видение им картины расселения славян; описание Москвы военной в лунном освещении. Конечно, высокие слова — далеко не единственное средство создания торжественного слога в этих описаниях, этому служит вся совокупность образов, построение фраз, весь строй речи, ее своеобразный ритм. Но немаловажную роль играют здесь и стилистически повышенные слова.

Думается, что перевод указанных эпизодов можно причислить к удачам переводчика. В целом ему удалось сохранить высокий слог. Рассмотрим ниже перевод описания лесного родничка, который является в книге символом родины, всего живого и чистого, самой жизни. Отсюда и высокопоэтические языковые средства, которыми изображается «этот чистый животворный родничок, это трепещущее сердце Родины».¹⁰ Приведем часть отрывка с переводом его на эстонский язык.

«Не виднелось ни валов земляных, ни крепостных стен поблизости, но все *достояние* государства — *необозримые* пашни с грозами над ними, книгохранилища и *могущественная* индустрия, лес и горы на его рубежах — служит родничку прочной и надежной оболочкой. И значит, затем лишь строит народ *неприступные твердыни* духа и силы, и хмурое *войско* держит на своих границах, и самое дорогое ставит в бессонный караул, чтоб не пробралась сюда, не замутила, не *осквернила* чистой струйкой ничья поганая ступня».¹¹

«Ei piira teda muldvallid ega kindlusemüürid, kuid kõik see, mis on riigis väärtuslikku — ääretud nurmed ja nende kohal mürisev äike, raamatukogud ja võimas tööstus, metsad ja mäed, mis palistavad riigi piiri — kõik see on lättele kindlaks kaitseks. Ja just selleks püstitabki rahvas vaimu ja jõu ligipääsmatuid kantse, hoiab oma piiril sünge maleva, paneb kõige kallima vara unetult valvama, et võõra roojane jalg ei pääseks siia sogastama ja rüvetama puhast lätet.»¹²

Конечно, при переводе отрывка важен не дословный перевод высоких, а также книжных слов. (*все достояние государства, не-*

¹⁰ В. Г. Чеботарева, Изображение народа в романе Л. Леонова «Русский лес». Уч. зап. Чечено-Ингушского гос. пед. инст-та, № 16, Серия филологическая, вып. 10, Грозный, 1961 стр. 8.

¹¹ Леонид Леонов, Русский лес, ГИХЛ, М., 1957, стр. 73. Дальше страницы (в скобках) указываются по этому же изданию. Курсив в примерах наш.

¹² Leonid Leonov, Vene mets, ERK, Tallinn, 1958, стр. 78. Дальше страницы будут указаны по этой книге (в скобках).

обозримые пашни, могущественная индустрия, неприступные твердыни, хмурое войско, осквернить), важно сохранение общей высокой тональности. Способствуют этому введенные в перевод слова и словосочетания повышенного стилистического характера¹³: [ääretud] nurmed, [sünge] malev 'дружина' вместо нейтральных põllud или väljad 'поля', sõjavägi 'армия, войско'. Слово *твердыни* переведено архаичным kantsid; вполне оправдывает себя (отсутствующее в оригинале) определение mürisev [äike] 'грохочущий [гром]', а также глагол palistavad 'окаймляют' (о лесах и горах). В твердом, уверенном ритме звучат слова (чему способствует и аллитерация) kõik see on lättele kindlaks kaitseks. Правда, неудачен отрезок paneb kõige kallima vara unetult valvama, звучащий несколько неуклюже; возможно, в последней части отрывка следовало сохранить инверсию. Все же кажется, что переводчику удалось передать общее высокое звучание отрывка.

То же самое можно сказать и о переводе двух других упомянутых выше картин (описание прихода предков русских на восток в лекции профессора Вихрова и картина ночной Москвы в дни войны). В целом переводчику лучше удались места, где весь отрывок дан в высоком ключе. Без особых трудностей поддаются переводу также те слова, которые являются «высокими» по самому своему лексическому значению: перевод в таких случаях осуществляется через подбор эквивалентов — непосредственных лексических соответствий. Примеры: *величие и бессмертие* (271) — ülevus ja surematus (288); *хранитель святыни* (271) — pühamu hoidja (288); *благословенная енежская тишина* (269) — Jengaa õnnistusrikas vaikus (286); *первый день творения* (270) — esimene loomispäev (287); *бор стоял несокрушимо* (90) — [kaks päeva] seisis laas vankumatult (96); *хаос беспримерной сечи* (298) enneolematu tapluse kaos (316); *священное сходство* (201) püha sarnasus (214); *могущество лесного владыки* (75); metsakuninga vägevus (80) и др. Ряд положительных примеров можно было бы продолжить. Во всех этих случаях лексические соответствия вполне адекватно оригиналу вписываются в окружающий контекст, хотя степень стилистической повышенности русских и эстонских параллелей не всегда, по-видимому, тождественна; но, поскольку речь идет о словах «высокого» содержания, то само понятие, содержащееся в слове, в какой-то мере «говорит за себя». Еще пример: «...там зарождалась тихая Склань, *священная* речка вихровского детства» (53). В переводе: «... seal oli Vihrovi lapsepõlve püha jõe — vaikse Sklani sünnipaik» (57). Здесь частично, во второй его части, воспроизведено даже ритмическое звучание

¹³ Приводимые здесь и ниже стилистические и эмоциональные характеристики эстонских слов опираются на интуицию автора статьи: толковых словарей современного эстонского языка нет.

отрывка, хотя в ином размере; вся музыка фразы Леонова вряд ли может быть передана.

Сохранена ирония с помощью удачно найденного соответствия *дарить* — õnnistama 'осчастливливать': «[Грацианский] ... изредка *дарил* миру ... предисловия к чужим книгам» (412); в переводе «õnnistas maailma» (437).

Но, к сожалению, приходится констатировать, что переводчику не всегда удается сохранить эмоциональное — торжественное или лирическое — звучание подлинника. Трудно указать причины этого, иногда это, по-видимому, постигшая переводчика неудача при передаче трудно переводимых мест, иногда же, как нам кажется, недостаточное внимание к слову, что в свою очередь ведет к непониманию роли высоких слов не только в микроконтексте, но в итоге и в контексте всего произведения. Чаще это имеет место там, где отрезок разностилен. Разумеется, эти случаи наиболее трудны для перевода, но тем более они требуют к себе внимания.

В начале романа есть эпизод, где Поля вручает подруге привезенный ей в подарок букет полевых цветов, состоящий из «милых и неярких созданий русской природы, собранных по стебельку, по два с самых заветных, вместе исхоженных лугов. Это походило на кроткое благословение родины, залог ее верной, по гроб жизни, любви» (23). Многое в этом отрывке, на наш взгляд, переведено неплохо. Тем более досадно, что в этот отрывок, пронизанный задушевной теплотой, мягким лиризмом, переводчик нашел возможным ввести слово *tooted* 'изделия, продукты' (26), которым названы полевые цветы (в оригинале *создания русской природы*). Слово *tooted* принадлежит скорее к производственно-техническому функциональному стилю эстонского языка; даже в обыденной речи оно возможно чаще всего лишь с иронией. В данном отрывке это слово воспринимается как фальшивая нота, диссонанс, вызывающий в лучшем случае недоумение.

Приведем еще пример:

«Нет ничего медленней на земле, чем падение дерева, под чьей *сенью* посещали тебя смутные *грезы* детства!» (96)

В переводе: «Maailmas ei ole midagi pikaldasemat kui puu kukkumine, mille all sind on külastanud ähmased lapseõlve unistused!» (102)

Перевод неуклюж, высокое звучание (в оригинале слова *сень*, *грезы*) не сохранено, вся фраза звучит коряво, неэмоционально. Конечно, отрывок не принадлежит к легким для перевода, но, думается, улучшить его можно. Вместо *kukkumine* 'падение' можно было бы употребить *langumine* (имеет значения 'падение' и в высоком стиле — 'гибель [на поле боя]'), что более соответствовало бы духу всего описания (вспомним, что рубка бора в романе сравнивается с побоищем). Неудачно

введено в отрывок слово külastama 'посещать': оно в эстонском языке сохраняет оттенок некоторой официальности, поэтому стилистически неуместно его сочетание со словом unistused 'мечты'. По-видимому, вместо нейтрального unistused можно было бы использовать его стилистически повышенный синоним imelised, эквивалентный русскому *грёзы*. В качестве одного из возможных вариантов перевода фразы мы бы предложили примерно следующий Midagi ei ole maa peal aeglasemat kui puu langemine, mis on olnud varjuks su ähmastele lapseunelmatele (lapseunistustele).

Еще пример:

«Демидку привлекало в Иване обостренное чутье природы — чудесный и врожденный дар» (67).

«... Demidi kõitis Ivani terav loodusevaist — oivaline külgesündinud omadus...» (72)

Здесь слово *дар* — на фоне отношения к природе, пронизывающего весь роман, — воспринимается одновременно в двух своих значениях: не только в значении 'способность понимать, чувствовать природу', но и в значении 'подарок' (высокий стиль) — как бы подарок мальчику от самой природы. Поэтому с переводом *omadus* не хочется согласиться. Вместо *omadus* 'качество' можно было бы использовать эстонский эквивалент слова *дар* — *anne*, слово, которое в силу своей внутренней формы выдерживает эту двойную нагрузку (хотя оно в современном эстонском языке однозначно). Не кажется удачным и выбор эпитета *oivaline* — хотя и создается ассонанс *oivaline omadus*. Дело в том, что *oivaline* — слово, «молодой возраст» которого еще продолжает ощущаться, в то время как описываемый эпизод относится к детству профессора Вихрова. Далее, и слово *чудесный* в приведенном контексте двузачно: тонкое чутье природы — это одновременно и необычайный, являющийся почти чудом, и в то же время прекрасный дар. Адекватный перевод вполне возможен: *imeline* (или *imerägene*) *kaasasündinud anne*.

Оказывается, в данном случае переводчику не следовало бояться «буквы» оригинала. Более того, упущена возможность использования эквивалентов, имеющих тождественную внутреннюю форму.

Приведем еще примеры.

«... он, наверно, и не вспомнил бы впоследствии о поверженном Облоге» (97).

В переводе: «... ei oleks ta vist mäletanud Oblogi laastamist» (104). (*Laastamine* — 'разорение, опустошение'.)

Слово высокого стиля *поверженный* в воспоминаниях об этом «знаменитом боре на Енге» вызывает ряд ассоциаций: представление о чем-то великом, могущественном; вспоминается, что уничтожение бора в романе названо побоищем. Возможно,

вместо слова *laastamine* можно было бы использовать *hukkimine* 'гибель'.

«То был неповторимый вечер, каждая подробность его представлялась впоследствии клочком драгоценного сновидения» (45).

«See oli ainulaadne õhtu, mille iga üksikasi tundus hiljem toreda unenäo killuna» (49).

Казалось бы, перевод вполне адекватен. Но если присмотреться более внимательно, то станет ясно, что использование несколько необычного словосочетания *драгоценное сновидение* отнюдь не случайно. Ведь в отрывке речь идет о последнем вечере мирной жизни, и именно поэтому, в свете того, что было потом, воспоминания об этом светлом, радостном вечере были для Поли драгоценными. Этого не передает разговорное слово *toe* '~славный, превосходный и т. п.'. На наш взгляд, это один из примеров, подтверждающих важность выбора точного слова; само слово в подобных случаях становится художественной деталью.

Особого внимания от переводчика требуют отрывки, лексический состав которых разнороден. Приведем в качестве примера описание возвращения в родные места мирных жителей после изгнания фашистов.

«... женщины вели ребяток, прикрытых дерюжкой от непогоды, и ветхое, с прозеленью в бородах старичье мерило костылями непролазные грязи, чтоб босыми ногами перед *кончиной* обойти какой-то там заповедный, непросохший лужок...» (722)

В переводе: «...rohekate habemetuttidega igivanad ätid mõõtsid karkudega läbipääsmatut pori, et veel enne surma palja jalu paterdada oma kallil kuivamata aasal...» (762)

В отрывке содержатся разговорные суффиксальные слова *ребятки*, *дерюжка*, *лужок*, просторечное *старичье*, разговорный оборот *какой-то там* [лужок]. В то же время все описание дано в размеренно-спокойном ритме, говорится о заповедных лужках, в отрывке есть высокое слово *кончина*. Ключ к правильному пониманию отрывка, как нам представляется, именно в этом. Для произведения характерны разговорные интонации, своеобразное слияние авторской речи с речью персонажей, поэтому здесь разговорные слова как бы передают особенности речи самих возвращающихся в родные края, а может быть, Ивана Вихрова, наблюдающего эти сцены. В то же время взор автора охватывает события во всем их многообразии, он видит дальше и больше, имеет возможность глубже оценить происходящее. Правда, есть в книге местами мягкий юмор по отношению к положительным героям, иногда добродушная ирония (например, там, где говорится о поступках молодых людей, к которым автор тем не менее относится с явной симпатией), но это всегда ирония понимающая, добрая. Поэтому стилистически

сниженное слово *paterdama* 'шлепать' в данном отрывке неуместно: оно переводит его в иную тональность, возникает иное отношение к старикам, оттенок некоторого снисходительного пренебрежения к ним с их стариковскими причудами. Ведь желание пошлепать босиком по своему дорожному лугу (в переводе именно так) далеко не равносильно желанию обойти его, возможно, в последний раз, прощаясь, в то же время встречаясь, как с другом, после вынужденной разлуки, проверить, как он пережил трудные времена... И родственны эти старики по духу Ивану Вихрову и самому Леонову. Их роднит любовь к природе, к родному краю: лужок не случайно назван заповедным. В итоге кажущаяся мелочь вступает в противоречие со всей направленностью произведения.

Приведем еще пример.

«Посреди *во исполнение жизни* древняя старуха мыла девочку в таком же древнем деревянном корыте. Она *совершала* это неторопливо и важно, как *священнодействие*, которому не сме- ла помешать никакая война» (677).

«*Keset ruumi pesi igivana eidetudi niisama vanas puuvan- nis elu sunnil väikest tüdrukut. Eit talitas kiirustamata ja täht- salt nagu jumalateenistusel, mida ükski sõda ei tohi segada*» (658).

С переводом этого эпизода нельзя согласиться. У Леонова отрывок звучит торжественно и величаво, в контексте романа это как утверждение нескончаемой, непобедимой жизни. Переводчик явно не понял философского, символического значения отрывка, который непременно следовало передать в высоком ключе. У переводчика же — бытовой эпизод. Если в подлиннике имеются высокие и книжные слова и словосочетания (*во исполнение жизни*¹⁴, *совершать, священнодействие*), то в переводе вместо этого — не совсем точное, невыразительное *elu sunnil* 'по принуждению жизни' (?). Вместо *jumalateenistus* 'церковная служба', по-видимому, более соответствовало бы эквивалентное словосочетание *püha talitus*. И уж никак нельзя в этом тексте старуху называть стилистически сниженным, фамильярным словом *eidetudi*.

Мы рассмотрели лишь небольшую часть всех случаев использования высоких слов в романе. В то же время были приведены примеры, свидетельствующие о том, что эмоциональное слово (в данном случае слово высокой стилистической окраски) подчас играет важную стилистическую, эмоциональную, а иногда и идейно-смысловую роль не только в микроконтексте и даже не только в рамках абзаца, но в итоге во всей эстетико-художественной картине романа.

¹⁴ Позднее автором высокое звучание отрывка еще более усилено: «во исполнение непреложных законов жизни».

жественной системе произведения.¹⁵ И неправильный перевод этих слов ведет не только к искажению эмоциональной и стилистической тональности произведения, к изменению его эстетического воздействия, а иногда и к сдвигам идейно-смыслового характера. Ведь нередко именно высокие слова являются единственным лексическим штрихом, с помощью которого акцентируются наиболее важные в книге мотивы (судьбы леса, родины и др.). Поэтому переводчик должен представлять себе «в каждый момент творчества ... все произведение в целом».¹⁶

Конечно, не все эпизоды в художественном тексте равнозначны с точки зрения их идейно-тематической нагрузки, поэтому и переводческие неудачи воспринимаются неодинаково. Например, М. Лобанов обратил внимание на то, что Л. Леоновым паровозный гудок назван по-разному: клик и петушиный крик. ««Клик паровоза» — как что-то тревожное, замирающее, напоминающее ночью зов; «крик» — это восприятие звука Полею в другом, «будничном» состоянии».¹⁷ В переводе на эстонский язык в обоих случаях *hüige*, хотя вполне можно было бы найти соответствующие синонимы. Тем самым интересная художественная деталь в переводе утрачена, но это все же деталь, не приобретающая концептуального значения в книге. Поэтому и недосмотр переводчика менее значителен. Но если образуется «цепь стилистических несоответствий, станет ясно, что и подобные промахи снижают качество художественного перевода».¹⁸

*
*
*

Не раз отмечалось обилие в романе «Русский лес» слов с суффиксами субъективной оценки (в уменьш., уменьш.-ласкат., ласкат., уменьш.-уничжительном значениях; увеличительные слова встречаются значительно реже). Нас прежде всего интересуют суффиксальные слова оценочного значения. Этими словами насыщена речь персонажей, близко стоящих к народу, особенно же речь героев «из народа» (как положительных, так и отрицательных), где эти слова выступают как средство выражения эмоционального состояния персонажей, а также как средство их речевой характеристики. Очень широко использованы субъективно-оценочные слова и в авторской речи, причем

¹⁵ Еще В. В. Виноградов указывал на ««приращения смысла», которые возникают у слова в композиции сложного целого»: В. В. Виноградов, *Русский язык*, изд. 2, М., 1973, стр. 22.

¹⁶ Вл. Россельс, *Перевод и национальное своеобразие подлинника* — В сб.: *Вопросы художественного перевода*, М., 1955, стр. 185.

¹⁷ М. Лобанов, *ук. соч.*, стр. 176.

¹⁸ Л. Н. Смирнов, *ук. соч.*, стр. 511.

«часто в двойной функции, с двойной смысловой и стилистической нагрузкой: эти имена служат одновременно и средством авторской оценки, и средством воспроецирования эмоциональных состояний персонажей в плане несобственно-прямой речи».¹⁹ Кроме того, в авторской речи субъективно-эмоциональные слова способствуют своеобразному слиянию голоса автора с голосом героев из народной среды, со свойствами народной речи разговорными и сказовыми интонациями. Именно там, где «автор переключается в сферу сознания персонажа и начинает говорить «его словами», возможно и часто действительно встречается обильное употребление уменьшительно-эмоциональных существительных».²⁰ (См. также выше, стр. 143).

Итак, с одной стороны, мы видим в романе обилие субъективно-оценочных слов, выполняющих самые разнообразные функции. С другой же стороны, с точки зрения перевода этих образований на эстонский язык, приходится с сожалением констатировать, что многое здесь относится к рубрике неизбежных переводческих потерь: слишком в этом пункте разнятся системы двух языков.²¹ Это — объективные трудности в работе переводчика.

В большинстве случаев деминутивы остаются без перевода там, где они вкраплены в русский текст как естественные элементы русской разговорной речи, обычно создающие общий ласковый или сочувствующий тон, без особого акцентирования эмоционального момента. Если же эмоциональное значение деминутивов в тексте выходит за пределы общего ласкательного, любовного и т. п. отношения, а явно «поддерживается» в контексте, тем или иным образом акцентируется, оттеняется, если эмоциональное отношение выражается более интенсивно, более конкретно, то перевод деминутивов на эстонский язык возможен, точнее, соответствующее эмоциональное отношение может быть передано разными языково-стилистическими средствами.

Уменьшительно-ласкательное и ласкательное значения могут в этом случае быть переданы и эстонскими деминутивами (там, где последние употребительны), которые выполняют те же функции выражения этих эмоциональных значений. На наш

¹⁹ С. С. Плямоватая, Взаимодействие с контекстом и экспрессивная роль уменьшительно-оценочных имен существительных. НДВШ, Филологические науки, 1961, № 1, стр. 37.

²⁰ Там же, стр. 37.

²¹ Формально деминутивы в эстонском языке возможны от любого существительного (модель их образования предельно проста: генитив + суффикс -ке (-kene), но по сравнению с русским языком употребляются они редко. При этом наблюдается большая «избирательность»: деминутивы употребительны далеко не от всех существительных даже одной и той же семантической группы. Не терпит эстонская речь и насыщенности деминутивами.

взгляд, переводчиком романа «Русский лес» ограниченные возможности привлечения эстонских деминутивов использованы почти максимально. Приведем примеры.

«...да кабы приласкал *землицу-то* свою... да хоть бы *вишенку* посадил...» (16)

«...ja armastaks oma *maalapikest* kogu hingest, paneks kasvama kas või kirsipuu *oksakese*...» (18)

«...как бы выпускная *пташку* на вольную волю...» (40)

«...nagu ei keelaks ta *linnukesel* vabadusse lennata...» (43)

«...но теперь ее заветный *ключик* не подействовал» (591).

«...kuid täna ütles truu *võtmeke* üles» (624).

«...*podrosli* дедушки...» (717)

«...*lapsukesed* on suureks sirgunud...» (757)

«...признавайся на прощанье, *сестренка?* — спросила Варя...» (333)

«...tunnista jumalagajätuks üles, *õeke!*» (354)

« — А теперь ответь-ка нам, *сынок*...» (409)

«Nüüd aga vasta meile. *poiuke*...» (434)

«Я в ту пору совсем алым *цветочком* была...» (725)

«Tollal olin alles üsna roosa *õieke*...» (765)

«...кроме лишь *стареньких рыжиков*, или *рваников*, как ласкательно за верную службу называла свои разношенные *туфельки*» (33).

«...peale vanade *kotakeste*, nagu ta oma kantud kingi truu teenistuse eest hellitavalt nimetas» (36).

«То был *снопик простеньких* полевых цветов...» (23)

«See oli lihtsate põllulillede *kimbuke*...» (26)

В приведенных примерах и аналогичных им случаях в переводе сохранена эмоциональная окраска оригинала. Но там, где эстонский деминутив невозможен, другие средства передачи эмоций использованы не всегда. Пример:

« — Я и *черемушку* возле посадил... *кужлявенькая*.

Он такую хозяйскую ласковость вложил в это местное слово...» (733)

«Sinna istutasin ka *kräsulise toominga*» (774).

Здесь эмоция может быть передана посредством интонации; но чтобы это было возможно, необходимо слово, произнесенное с подчеркнутой лаской, поставить в конце фразы. Мы бы предложили следующий перевод: «Toominga istutasin kah — *kräsuline teine*».

Слова с субъективно-оценочными суффиксами, как известно, по своей стилистической окраске являются разговорными. Отсюда двойная задача переводчика — необходимо адекватно передать как стилистическую окраску, т. е. разговорный характер текста, так и эмоциональные моменты. При этом приходится учитывать взаимосвязь стилистического и эмоционального не

только в слове, но и в контексте, чтобы с возможной адекватностью передать и то и другое.

Так, например, не вызывает особых возражений перевод *старушки* — *vanaeided* (*vanaeit* — слово грубоватое) в следующем контексте, в котором передается содержание статьи Грацианского:

«...только там гораздо злее намекалось на ... весьма живучих *старушек*, которые с семнадцатого года хранят в сундучках манную крупку...» (112)

Но там, где старушкой называется конкретное лицо — мать Грацианского [*черная старушка* — *mustaverd vanaeit* (554), *tõmni vanaeit* (696)], слово *vanaeit* вносит в авторскую речь оттенок грубости, отсутствующий у Леонова.

Неудачен также следующий перевод (рассказ Поли в форме несобственно-прямой речи):

«...и накануне Полина отъезда сплетничали местные *старушеници*...» (22)

«...enne Polja ärasõitu olid sealsed *vanaeided* hakanud jahvatama...» (25)

Грубоватое *vanaeided* вместо шутливой *старушеници*, а также просторечное *jahvatama* 'молоть' вместо *сплетничать* искажают не только эмоциональную и стилистическую тональность рассказа, но в конечном счете и облик девушки, ее характеристику, внося в ее речь грубоватые нотки, чего нет в оригинале.

Не кажется удачным и следующий перевод (эпизод «вымаливания» дождя крестьянами).

« — Вишь, и намолжили хоть до завтра, — кротко замечала Вихрову *старушка*...» (187). *Старушка* здесь переведено *eidetudi* (199), словом, вносящим в контекст ненужную фамильярность, если не пренебрежение (можно было использовать слово *eideke*).

В то же время нет возражений против перевода *ветхий старикашечка* (66) *riguvana tudike* (71) в эпизоде, где мальчики рассматривают старую икону.

Искажена эмоциональная окраска повествования (а тем самым и его стилистическая окраска) в рассказе солдата-балагура:

«Стучимся в крайнюю избу, выходит к нам *дедуся* на крыльцо...» (727)

«Koputame veermisele tarele, tuleb välja *vanatoi*...» (767)

Vanatoi — просторечное слово с оттенком пренебрежения. Можно было использовать деминутив *taadike* (или, при желании, более фамильярные *ätike*, *parike*). При этом, кстати, слова *vanatoi* или *vana tudie* были бы вполне уместны при переводе следующей фразы: «А еще, — пополам с кашлем якобы покри-

чал ему вдогонку захудалый старичонка Зот...» (62). В переводе сейчас просто 'старый Зот': vana Zott (67).

У Леонова даже в речи страшного лесохозяйственника, грубого Кнышева звучат снисходительно-мягкие нотки, когда он, находясь в соответствующем расположении духа, вспомнив о своем детстве, разговаривает с мальчиком Иваном. Например, он называет мальчика шутливо *пенек-топорик* (перевод *taakratt* можно считать удачным: своеобразная внутренняя форма обращения вряд ли может быть передана). Этот тонкий психологический штрих надо было сохранить полностью; поэтому в реплике Кнышева «Ладно, ступай, дурачок» (147) перевод снисходительно-ласкового *дурачок* грубым, пренебрежительным *tohmap* 'болван' (157) нельзя считать оправданным (можно было перевести, напр., *tobuke*).

Еще пример.

«Совсем оробели мужики с голодухи... лошадки, и те без силы полегли» (64). В эстонском тексте здесь вместо *лошадки* — *setukad* 'клячи' (69). Тем самым — вместо сожаления, участия, ласкового отношения — пренебрежение и грубость, нехарактерные для Матвея и тем более неуместные в его словах о безнадежной крестьянской жизни, в которой лошадь часто была единственной опорой.

Создается впечатление, что подобные промахи вызваны стремлением переводчика во что бы то ни стало сохранить разговорный характер переводимых отрывков. Но при этом не уделяется достаточно внимания их эмоциональной тональности. В итоге текст оказывается более сниженным стилистически и искаженным эмоционально.

В романе есть и случаи иронического употребления слов с уменьшительными суффиксами. «Если лексическому значению неуменьшительного слова сопутствует добавочное значение важности, солидности, серьезности, торжественности, достоинства, возвышенности и т. п., уменьшительная форма в этих случаях впадает в противоречие с этими добавочными значениями и снижает эти значения. В результате уменьшительная форма имеет ироническое значение».²² То же самое наблюдается и в эстонском языке, хотя более ограниченно (как было указано выше, многие формально возможные деминутивы неупотребительны в эстонской речи). Следовательно, в определенных случаях имеется возможность передачи нужного эмоционального (иронического) оттенка эстонскими деминутивами, хотя при этом требуется осторожность, поскольку эстонская речь весьма чувствительна ко всем проявлениям неоправданного, излишнего употребления деминутивов. Тем не менее представляется, что

²² А. А. Дементьев, Уменьшительные слова в русском языке, — РЯШ, 1953, № 5, стр. 7.

даже существующие ограниченные возможности их привлечения использованы переводчиком не всегда, что ведет к утрате иронического оттенка в контексте.

Например, как нам кажется, возможен перевод *романцы* — *gomaanikesed* в эпизоде, где Сережа, «сбиваясь на смешные петушинные нотки» осуждает классические литературные произведения (заметим, что у автора слово *романцы* выделено курсивом): « — Все эти *романцы* скроены на одну колодку...» (400). В переводе: «*Kõik need romaaniid on nagu ühe vitsaga lõõdud...*» (424).

Особенно же досадна утрата иронической оценки там, где уменьшительные слова соспособствуют созданию сатирического отношения к Грацианскому. Приведем примеры.

«...и тогда Саша Грацианский всунул в образовавшуюся паузу собственную *теорийку*, согласно которой человек при рождении ничем не отличается от животного...» (163—164). В переводе — *quasi-teoogia* (174) слово, вносящее явный сдвиг не только в эмоциональную окраску высказывания, но в то же время искажающее и интеллектуальную оценку этой «теории»: становится возможным как бы объективная оценка Сашиних измышлений, в то время как уменьшительное, ироническое *теорийки* исключает серьезное к ним отношение.

То же самое можно сказать по поводу следующего отрывка, в котором дается ироническое описание начала «научной» деятельности Грацианского: «В текущих *рецензийках*, какие пописывал пока от случая к случаю...» (269), где *рецензийки* переведено как *lühiretsensioonid* 'краткие рецензии' (286). По-видимому, переводчик не заметил иронического звучания уменьшительного слова.

В разговоре Поли с Грацианским последний пытается умягчить значение взглядов Ивана Вихрова, называя их теорийками, даже особо подчеркивая это: «Именно *теорийку!*» (115). Кажется, и здесь можно было иронизирующее отношение Грацианского передать посредством деминутива (в переводе *vilet-sad teoogiad* 'убогие теории' (122). Более того, «критика» Грацианского звучит при таком переводе излишне откровенно, неприкрыто, он же свой «газированный ядок сомнения» разливает обычно в более завуалированной, скрытой форме.

Ср. следующий пример, где ирония, передаваемая посредством уменьшительного слова, сохранена и в переводе:

« — И тянет же тебя, братец, на эти опасные *темки!* — скептически дивился Грацианский» (366). В переводе — деминутив *teemakesed* (389).

Там, где ирония не может быть передана эстонскими уменьшительными формами, приходится прибегать к иным средствам ее передачи. Пример:

«*Самолетик* задымился и ... пошел к себе, на запад» (125).

«Lennuk hakkas suitsu välja ajama ja... *lidus* koju, läände» (133).

Перевод адекватен: ирония передана посредством слова *liduma* 'удирать'.

Этот же способ компенсации²³ с целью сохранения эмоционального момента можно было применить и в следующих отрывках.

« — В таком случае, воображаю, Вихрова, какого рода *мненьице* у тебя обо мне составилось... » (337)

«Niisugusel juhul oskan ette kujutada, milline *arvamine* sul minust on, Vihrova... » (358)

Иронию можно было сохранить, например, следующим образом: «*kena arvamus*» 'хорошенькое мнение'.

«...как-то раз в одном иностранном *журнальчике*... » (49)

В переводе: «... *ühes väikeses välismaa ajakirjas*... » 'в маленьком журнале' (53). В этом отрывке, в котором с едким сарказмом характеризуется деятельность Грацианского, «колющего из Ивана щепу» и его «критические» выступления против Вихрова, уменьшительная форма «журнальчик» вряд ли говорит о размерах издания.

Специальные суффиксы пренебрежительно-уничжительного значения в эстонском языке отсутствуют; эти эмоции передаются соответственно другими средствами (своеобразные сложные слова и др.). Можно привести ряд примеров удачного перевода русских уменьшительно-уничжительных слов в романе «Русский лес», с сохранением эмоциональной окраски контекста. Так, вполне уместен в контексте перевод слов и словосочетаний *собачонка* (215) — *koeraklähv* (229), *завалиющая пушечка* (564) — *vilets suurtükiloks* (596), *паровозик* (в Полиных «жалких потугах мести») (5) — *veduriloks* (7), *бельишко* (580) — *pesunatuke* (612), *лошаденка* (90) — *hobusenäss* (96), *жалованьишко* (276) — *palganatuke* (294), *умишко* (621) — *mõistusenatuke* (655).

Привлечены и эстонские деминутивы, в тех редких случаях, где они возможны в этом эмоциональном значении: *собственные мыслишки* Грацианского о самоубийстве (664) — в переводе *mõttekused* (701); *мальчишка* (о Грацианском, потерпевшем позорное поражение в «поединке» с Чандвецким) (706) — в переводе *poisike* (744).

Учтены контекстуальные различия при переводе слова *девчонка* (в эстонском тексте чаще *peiu*, иногда *tütarlaps* или *tüdruk*). Там же, где слово *девчонка* несет эмоцию пренебрежения,

²³ Под компенсацией мы, вслед за А. Д. Швейцером, понимаем «те случаи, когда часть информации, заключенной в единице исходного текста, переносится в другую единицу текста перевода». А. Д. Швейцер, Перевод и лингвистика, М., 1973, стр. 26.

уничтожения, в переводе употреблено слово *plika*, вполне адекватно передающее эти оттенки эмоции (напр., о рыжей девчонке Феклуше — стр. 229 и 244 перевода) или в мыслях Поли о себе и Грацианском — *незнакомая девчонка* (стр. 132 и 141 перевода).

Но, к сожалению, переводчику не всегда удалось адекватно передать эмоциональные оттенки подлинника, причем нередко оказывается утраченной и стилистическая окраска разговорности. Ограничимся одним примером. В книге есть эпизод, где Демидка дает советы Ивану: «Ты на жизнь крепче смотри, а то, я гляжу, *сердчишко* в тебе больно трясливое...» (79). В переводе: «*Vaata elule julgelt silma, ma näen, sul on liiga pehme süda...*» (84). Фраза получилась неэмоциональной, неразговорной; это пример т. н. «переводческого» языка. Крестьянский мальчик так бы не сказал.

* *
*

Кроме слов с субъективно-оценочными суффиксами, в романе часто встречаются эмоционально-оценочные (значительно реже шуточные) слова, стилистические сниженные или нейтральные, в самом лексическом значении которых заключаются эмоциональные моменты. (В некоторых из приводимых ниже примеров эмоциональная оценочность возникает в контексте.)

При переводе эмоциональных слов этого типа в зависимости от требований контекста могут быть использованы их непосредственные эквиваленты или т. н. межъязыковые синонимы; в ряде случаев возможны контекстуальные замены (перевод словом, которое вне данного контекста не является межъязыковым синонимом переводимого слова); конечно, может быть применен способ компенсации. Основное — адекватная передача эмоционального момента, который и здесь часто оказывается тесно взаимосвязанным со стилистической окраской слова или высказывания в целом.

Можно привести немало примеров адекватного перевода эмоционально-оценочных слов в романе «Русский лес», содержащих отрицательную эмоциональную оценку разной степени резкости и отсюда — разной степени стилистической сниженности. Перевод эмоциональных слов при этом осуществлен разными способами: использованы непосредственные лексические эквиваленты, а также синонимы.

«... опасаясь вполосить *негодя* [Гиганова]...» (501)

«... *kartes nadikaela heidutada...*» (529)

«... надо быть *извергом*, чтоб его не любить» (659).

«... *peab olema peletis, et teda mitte armastada*» (696).

«... безрадостней занятия ... не смогла бы придумать самая *сатанинская башка!*» (650).

«...ei suudaks ka kõige saatanlikum nupp välja mõelda!» (686)

«Вставай, дуборос, кланяйся за угощение... поехали!» (81)

«Tõuse üles, jumikas, täna kostitamise eest ... läki!» (86)

« — Уж помолчал бы... истинно как есть *безунывное брехло*...» (183)

«Ole patem vait... tõesõna, nagu *tatraveski*...» (194)

«А ты видела, видела, как он *удирал* с дыркой в боку?» (127)

«Nägid, nägid sa, kuidas ta *jalga laskis*, auk külje sees?» (135)

Приведем примеры перевода эмоционально-оценочных слов посредством контекстуальной замены. Эмоциональная и стилистическая, а также смысловая адекватность сохранена, хотя налицо кажущаяся «неточность». Например, слово *злодеи* переведено как *mõrtsukad* 'убийцы' (409) в следующей фразе (эпизод поджога пашутинской больницы): «— Они же, *злодеи*, крови людской потребители...» (385).

То же самое можно сказать о переводе следующей фразы:

«Да ты кормишь ли свою клячу хоть в праздники, *мошенник*?» — привстав, по-гусарски крикнул Саша Грацианский извозчику...» (696)

Здесь в эстонском тексте вместо *мошенник* *saatanapägu* 'дьявольская рожа' (734), что вполне адекватно передает Сашино «гусарское» ухарство.

Приведем пример использования метода компенсации. В сцене первого посещения Вихровым Сапегиной та грубо бросает Леночке:

« — Ну, чего *торчишь*, загляделась ... мужчина сидит... ступай!» (219). В переводе: «No mis sa ootad, *siu ammul*...» 'чего ждешь, разинув рот' (233). В целом эмоциональная окраска реплики Сапегиной в переводе близка к подлиннику.

Разные эмоции могут быть выражены словом *окаянный*. В зависимости от употребления в контексте оно иногда звучит шутливо, иногда содержит оттенок негрубого порицания, но может употребляться и как выражение резко отрицательной эмоции, как бранное слово. Эстонский эквивалент *peetud* 'проклятый' несет в основном эмоцию резкого осуждения и может быть употреблен лишь как бранное слово. Например, в не-собственно-прямой речи Золотухина *окаянные господа* (226) правильно переведено *peetud saksad* (240). В других же случаях приходится находить иные способы передачи нужного эмоционального оттенка. Ср., напр., в следующей фразе Ивана Вихрова, где слово *окаянный* употреблено шутливо; перевод *ta sinder* следует признать удачным: «Собрался было одного большого товарища поблизости навестить, а он, *окаянный*, в командировку укатил...» (421) — «...*ta sinder* oli komanderingusse

pitkanud...» (446). Ср. еще: «Кайся, *окаянная*: ты съела пирожное от меня украдкой...» (119). В переводе — «Kahetse, õnnetu...» 'несчастливая' (126).

Примеры адекватной передачи положительной эмоции:

«*Вострый*, ничего, выйдет толк», — похвалил Маркелыч...» (409)

«*Terane poiss*, pole midagi õelda, saab asja...» (434)

« — Ой, *кудесник заморский*, сколько же ты даров-то при- тащил!» (668)

«Oi kui palju kinke oled kaasa toonud, sa *hommikumaa võlur!*» (705)

Но приходится с сожалением констатировать, что переводчику не всегда удается адекватно передать эмоциональную окраску подлинника. В целом ряде случаев имеет место «сглаживание», нейтрализация эмоциональной оценки, содержащейся в оригинальном тексте. Такой перевод нельзя, конечно, считать адекватным. Подтвердим сказанное примерами. Так, о немецком часовом в романе сказано, что он «заснул песенку о фатерлянде» (634). В переводе же — эмоционально и стилистически нейтральное *ümbises edasi* 'продолжал напевать, мурлыкать' (669). Не передано полностью презрение Демидки к своему бедному товарищу Паньке Летягину: «[четвертак]... все лучше, чем под чужим окошком милостыню *гнусить*» (71). В переводе *kerjamas käima* 'собирать милостыню, ходить по миру' (76). Тем самым оказывается видоизмененной и характеристика Демидки. Это же самое можно сказать и о следующем примере, где одновременно с нейтрализацией эмоционального отношения и стилистической окраски речи персонажа вносится определенный сдвиг и в его характеристику. Чередилов: «Я же понял, зачем ты затеял ту *дурацкую* прогулку с демонстрацией своих хозяйственных мероприятий» (274). В переводе — *gumal jalutuskäik* 'глупая прогулка' (291).

О недостаточном внимании к контексту, на наш взгляд, говорят и случаи искажения заданной подлинником эмоциональной оценки в сторону излишней грубости, резкости, не оправданной контекстом.

Так, в сцене ранения Марка Ветрова Поташников торопит фельдшера Егора Севастьяныча: «Да делай же, *черт*, делай, что можешь... э, *бессовестный какой!*» (388). Здесь есть досада, злость, вызванные страхом за жизнь Ветрова, но нет грубой брани, которая появилась в переводе: «Тее, *saatananägu*, tee, mis suudad... *sa vana tohman!*» '~ дьявольская рожа... старый ты болван' (412).

Излишняя, неоправданная грубость появляется в переводе и в полусутоливом, полусерьезном наставлении военврача Струнникова в его разговоре с Полей: «...значит, вашему брату, молодым, плакать не положено. А то нам *такой капут учинят*,

полсотни лет и не пикнешь» (448): В переводе: «Muidu saame veel nii tarpa...» ' ~ а то нас так вздуют' (474).

Не хочется согласиться с введением грубых слов в речь Поли. Например, в ее несобственно-прямой речи Грацианский назван злодеем: «... конечно, не притащился бы в тот раз, злодей, если бы хоть в малой степени был причиной распада вихровской семьи...» (212). В переводе вместо *злодей* kaabakas (226) — грубое, скорее всего вульгарное, бранное слово (' ~ мерзавец, сволочь'). Ни данный отрывок, ни особенности речи девушки в целом никак не оправдывают введение в ее речь столь грубого слова; хотя речи Поли присущи разговорные интонации, разговорные слова и обороты — грубость ни для ее речи, ни для самого облика ее нехарактерна (см. также выше, стр. 148). По этой же причине не кажется удачным и перевод *бесчувственный* — riinui sihuke ' ~ дубина эдакая' (787) в конце книги, где Поля рассказывает о том, как она однажды увидела Родиона в кинохронике: «Но, представь, как ни глядела я, какую гипнотическую силу в глаза ни вкладывала, так и не оглянулся, *бесчувственный!*» (746). Для Поли, с ее отношением к юноше (вспомним, что она невольно сопоставляет с Родионом молодых людей, которых встречает на дорогах войны и в своих поисках истины), немислимо столь грубое, более того — оскорбительное обращение к нему.

Встречаются сдвиги в сторону грубости и в речи других персонажей. Ограничимся одним примером. В словах Ивана Матвевича о старом фотографe, глубоком старике, вообще отсутствует какое бы то ни было выражение эмоционального к нему отношения (стр. 476). В переводе же *глубокий старик* заменено словами vana tudü (503), что явно себя не оправдывает.

Более того, нередки случаи неправильного перевода эмоциональных слов не только с точки зрения выражаемой эмоции, а и с точки зрения самого лексического значения этих слов. Например, слова *пройдоха* (680), *мужлан* (230), *изверг* (338) переведены соответственно rugeja 'подлиза' (718), poisivolask ' ~ верзила' (245), varganägu ' ~ воровская морда, воршишка' (359) и др. Все это вносит более или менее существенные изменения в художественную ткань произведения. Например, неточный перевод *декадентские лоботрясы* (512) — dekadentlikud tohmanid ' ~ болваны' (540) переводит в иной план всю характеристику деятельности членов организации «Молодая Россия» со стороны настоящих революционеров — в интерпретации Чандвеккого. К особенно досадному результату приводит неверный перевод *оттяпать башку* (632) — lāhv üles lüüa ' ~ набить морду' (667) в эпизоде рассказа о партизанской разведчице Кате (Катя сравнивает себя с библейской Юдифью). Трудно понять, из каких соображений в перевод введено это вульгарное выражение, искажающее смысл, а также эмоциональную тональность

и стилистическую окраску всего высказывания, более того, снижающее образ пожертвовавшей собой разведчицы.

К известным потерям в характеристике Грацианского приводят следующие переводы: *гадкая испарина* (675), которой облился Грацианский, получивший «привет» от Чандвецкого и *подлое ощущение* этого же Грацианского, «будто сидит в кармане брюк у Чандвецкого» (706). Эмоционально-оценочные прилагательные здесь многофункциональны: они передают и состояние Грацианского, переживающего неприятные ощущения, и авторское отношение к нему. В переводе этого нет (переведено соответственно *hirmuhigi* 'испарина от страха' (712) и *kohe tunne* 'неприятное ощущение, не по себе' (744), хотя по крайней мере частично можно было эту двойную функцию определений сохранить посредством перевода их эмоциональными словами (напр., *jalk, ilge*).

Наоборот, к художественной неточности приводит иногда и дословный перевод. Так, не совсем удачным кажется перевод слова *противный* его эквивалентом *vastik* в словах Вари: «Да еще эти *противные* маленькие *граждания* всякий раз проходу не дают»... (20). Эстонское слово *vastik* (23) сильнее выражает эмоцию отвращения, чем русское слово *противный*; к тому же окказиональное образование *граждания* у Леонова придает всей фразе оттенок юмора, шутки, что также не сохранено в эстонском переводе.

* *
*

Трудность для перевода представляют самобытные разговорные обращения (*голубка, голубчик, родимый, касатик, ладушка* и др.), особенно те из них, которые восходят к народно-поэтической речи. В романе «Русский лес» подобные обращения характерны для Таиски, Калины, карела Анания (где они во многом способствуют и созданию певучести их речи), встречаются эти обращения и в речи Семенихи, древней старухи, напутствующей Полю, солдата-балагура и других персонажей.

В ряде случаев этим обращениям найдены в переводе удачные соответствия. Приведем примеры.

«— Приходи уж тогда, попируй с нами, *ласковая*...» (395)

«*Tule siis, hea inimene*...» 'добрый человек' (419)

«— Неча мне таиться, *родимая*...» (395)

«*Mis seal salata, tütreke*...» 'доченька' (419)

«...На своих ножках из дому-то ушла, *крохотка ты моя*» (365).

«*Omal jalal läksid kodunt minema, sa mu linnipoe*» 'птенчик ты мой' (387)

Адекватно переведено и притворно-ласковое обращение Золотухина к Сапегиной — *кроткая ты моя* (228) — *mu talleke 'мой ягненочек'* (243), а также обращенная к Поле «звнящая ласка палача» — *красавушка* (591—592) — *libuke 'цыпленочек'* (624—625).

В приведенных примерах, как нам кажется, найденные переводчиком соответствия точно передают эмоциональные нюансы данных отрывков в подлиннике, хотя во всех приведенных случаях перевод не дословный. Дело в том, что состав подобных ласкательных слов в русском и эстонском языках значительно расходится как с точки зрения их внутренней формы и переносного употребления, так и с точки зрения употребительности этих слов и т. д. Приведем пример иронического употребления ласкательного обращения (командир бронепоезда о действиях немецких частей); перевод также адекватен, найдено удачное соответствие:

«— Вот они, *голубчики*... да еще, гляди-ка, с сюрпризом!» (644)

«*Vaata aga vaata neid silmamunasid...*» 'глазные яблоки' (679)

Удачным представляется и перевод слов Анания в беседе с Вихровым: «Дельно, дельно, *желанный*» (177). — *Tubli, tubli, kullake*» (188). Хотя слово *kullake* — обычное эстонское ласкательное обращение (в отличие от русского *желанный*), в данном случае оно способствует сохранению звучности, ритмичности фразы.

Тем не менее, переводчик, по-видимому, не всегда с достаточным вниманием отнесся к контексту, его требованиям. Нельзя считать удачным, например, следующий перевод:

«... молчи, говорю, *сердце мое*, Юдифь моя, терпи, а то и я заодно с тобой заплачу» (632).

«... *ütlesin, kannata, kallis Judith, muidu hakkam koos sinuga tõinama*» (667).

По сравнению со словами Павла Арефьяча в подлиннике, полными ласки, нежности, сострадания, перевод отрывка звучит равнодушно, даже холодно (обращение переведено как *дорогая Юдифь*; неуместно в этом контексте также *tõinama hakkama 'зареветь'* вместо нейтрального *заплакать* у Леонова).

Одним из самых проникновенных мест в романе является эпизод с солдатом и девочкой у железнодорожной насыпи. Представляется, что этот маленький, но очень важный диалог в целом переведен удачно. Однако вместо обычного *peiu* (770) (слово, которое к тому же иногда употребляется с некоторым оттенком снисхождения или фамильярности) хотелось бы видеть что-либо более соответствующее русскому слову *зорька* — обращению редкому, необычному и поэтому очень выразительному, прекрасно передающему нежность к девочке

этого грубого на вид солдата. Думается, что можно было бы использовать, например, столь же редкое в эстонской речи обращение *rääsuke* 'ласточка'. В таком случае фраза солдата звучала бы «*Oota vähe, rääsuke...*»

Исключительно тепло, задушевно звучит народно-поэтическое *ладушка* — обращение к Поле партизанского командира. Перевод *poorik* 'молодуха' — явный недосмотр переводчика (стр. 670—672).

Итак, как нам кажется, при переводе подобных обращений необходимо учитывать не только их эмоциональную нагрузку и стилистическую отнесенность, но и образность, необычность и т. д., чтобы особенности их употребления с максимальной полнотой нашли отражение в тексте перевода.

* *
*

Как было сказано выше, мы не ставили себе целью анализ перевода романа Л. Леонова в целом. Из всего стилистического богатства тонкой и сложной художественной ткани произведения нами взят для анализа лишь один аспект — эмоциональная лексика. При этом мы и здесь видели нашу цель не в оценке перевода всей этой лексики в произведении (хотя определенные частные выводы, по-видимому, могли бы быть сделаны и на основе приведенного выше материала). В основном прослеживалась связь эмоциональной лексики с контекстом, а отсюда — необходимость учета контекста при переводе эмоциональной лексики.

Думается, что приведенные выше примеры с достаточной наглядностью говорят о том, что эмоциональные слова при переводе требуют всестороннего и широкого учета контекста, причем под контекстом здесь следует понимать не только фразу и даже не только отрывок, а зачастую произведение как художественное целое. «Таким образом, каждое слово, каждое предложение, каждая цепь предложений как в подлиннике, так и в переводе, соотносятся с огромной массой других единиц и единств в составе текста, включаются в единства и более и менее высокого порядка, и поэтому даже говоря о переводе отдельно взятого слова, всегда приходится учитывать роль его окружения, которое в известных случаях может требовать все новых и новых поисков вариантов».²⁴

Особого же, максимального внимания переводчика, как нам представляется, требуют к себе именно эмоциональные слова, как слова, выполняющие в художественном тексте весьма своеобразные и нередко многоплановые функции. Более того, это слова, которые по своей природе часто оказываются эмоцио-

²⁴ А. В. Федоров, ук. соч., стр. 33.

нальными «вдвойне» — и в смысле выражаемых эмоций, и в смысле эмоционального воздействия на читателя.

Способы передачи эмоциональной окраски слов русского языка средствами эстонского языка могут быть различными. Выше было показано, что к неадекватности перевода может привести как излишняя дословность, так и, наоборот, пренебрежение точным словом. В то же время даже незначительные на первый взгляд неточности в передаваемой эмоции и стилистической окраске в художественной ткани произведения приводят не только к сдвигам в передаче эмоциональных оценок, реакций, состояний действующих лиц, но и к неточному восприятию их характера, а иногда — к искажению отношения автора к изображаемому. В итоге ряд даже менее значительных, «локальных» неточностей приводит к изменению эмоциональной тональности и эстетического воздействия не только отдельных отрывков, но и произведения в целом. Нередки случаи, когда сдвиги в эмоциональных и стилистических нюансах приводят к неточности и искажениям концептуального характера, к иной расстановке смысловых акцентов. Поэтому нельзя не согласиться с Т. Сильман в том, что переводчику необходимо «понимать смысловую функцию каждой мельчайшей детали в художественном целом».²⁵

Переводчики и теоретики перевода указывают также на важность детально продуманной концепции произведения. «Без этого условия переводчик не будет знать, чем он имеет право жертвовать при переводе, а что должен сохранить во что бы то ни стало».²⁶ Эмоциональные же моменты в произведении, как нам представляется, относятся к тем явлениям, которые должны быть переданы с максимально возможной адекватностью.

²⁵ Т. Сильман, Концепция произведения и перевод, — В сб.: Мастерство перевода, М., 1962, стр. 271—272.

²⁶ Там же, стр. 272. См. также: А. Лейтес, Художественный перевод как явление родной литературы, — В сб.: Вопросы художественного перевода, М., 1955; Иван Кашкин, В борьбе за реалистический перевод. В этой же книге: Гиви Гачечиладзе, Художественный перевод и литературные взаимосвязи, М., 1972, стр. 126—127.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Л. Л. Буланин, Об управлении в русском языке	5
Х. Я. Пак, Неопределенно-личные предложения в эстонском и русском языках	15
П. С. Сигалов, История глаголов комплетивного способа действия в русском языке	22
Э. М. Джемасулова, П. С. Сигалов, История русских финитивных глаголов	41
Е. И. Гурьева, К вопросу о членении старославянских текстов на законченные предложения	60
Е. И. Гурьева, Усложненные гипотактические конструкции в старославянском языке	69
Х. И. Хейтер, Об отражении межъязыковых контактов в лексической системе одного из русских говоров северо-восточной Эстонии	95
В. В. Мюркхейн, О соотношении возвратных и невозвратных глаголов в одном из русских говоров Эстонской ССР	107
Э. А. Вайгла, Некоторые наблюдения над эмоциональными синонимами (к вопросу о понятийном и эмоциональном в слове)	114
Х. Д. Лееметс, Метафорическая перифраза в прозе А. А. Бестужева—Марлинского	129
Э. А. Вайгла, О переводе эмоциональной лексики (эмоциональное слово и контекст)	135

Ученые записки
Тартуского государственного университета
Выпуск 375

Труды по русской и славянской филологии XXV.

На русском языке
Тартуский государственный университет, ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18
Ответственный редактор С. Смирнов
Корректор Н. Чикалова

Сдано в набор 20. V 1975. Подписано к печати 30. X 1975. Печ. листов 10,0. учетно-изд. листов 10,7. Бумага печатная № 2. 60×90. 1/16. МВ-09741. Заказ № 2814. Тираж 600 экз. Типография им. Ханса Хейдемана, ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 17/19. II.

Цена 1 руб. 7 коп.